Кровавый Дозор

Николай В. Дорофеев

Кровавый Дозор
Николай В. Дорофеев

Аннотация
Кровавый Дозор
ПРОЛОГ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Аннотация

В основу книги положены идеи известного российского писателя Сергея Лукьяненко, автора знаменитой серии «Дозоры». Двуликий превращает Антона Городецкого в обыкновенного человека и теперь ему предстоит научиться жить жизнью рядового обывателя. Не желая смириться с обыденность, Городецкий делает все возможное для возврата в его родной мир Иных, но на его пути встает грозный Кровавый Дозор — новый орден вампиров, созданный его бывшим соседом по лестничной клетке Костей Саушкиным, который сумел стать всемогущим Хозяином Хозяев.

Кровавый Дозор

ПРОЛОГ

Данный текст недостаточно точно освещает заслуги сил Света в борьбе с Кровавым Дозором.
Ночной Дозор.

Данный текст недостаточно точно освещает заслуги сил Тьмы в борьбе с Кровавым Дозором.
Дневной Дозор.

Канадская провинция Альберта протянулась более чем на 1200 километров с севера на юг, тяжело нависая над американским штатом Монтана, но вряд ли вы найдете хоть какой-то намек на границу между этими двумя территориями. Стада бизонов, истинных хозяев этих бескрайних прерий, презирают любые границы и беспрепятственно, не спеша, передвигаются по огромной равнине в поисках более высокой и сочной травы. С запада Альберту прикрывают величественные Скалистые горы, зато с севера она полностью открыта ненасытному зимнему ветру, способному опустить температуру до -4 °C, и даже до -5 °C. Это

приводит к тому, что весна обычно наступает поздно — сначала очень медленно поддаются весеннему солнцу сугробы ноздреватого снега, затем нерешительно показываются на поверхности нежные стебельки самой нетерпеливой травы, и только после них, убедившись, что холода ушли безвозвратно, до следующей зимы, начинают просыпаться заждавшиеся весны деревья.

В Южной Альберте весна уже была в самом разгаре. Майское солнце наполнило теплом небольшой поселок к югу от Эдмонтона, согрело землю и деревья, и все вокруг буквально вспыхнуло зеленью густой весенней травы, на яблонях вздулись почки и грозились вот-вот выстрелить веселыми белыми цветами. Временами по прежнему налетал холодный ветер со Скалистых гор, напоминая о том, что даже летом он часто будет наведываться в гости, но даже его сердитое дыхание не могло остановить ликование природы от возврата весны.

Ив Мартен, как обычно в это время года, наводил порядок в своем саду после суровой канадской зимы. Деревья и кусты уже давно были обрезаны и обработаны против болезней и вредителей, листья, прятавшиеся под тяжелыми сугробами, заняли свое положенное место на компостной

куче, на свежих привоях появлялись зародыши первых листочков, но чуткий хозяйский глаз все равно находил еще разные мелкие огрехи, требовавшие немедленного вмешательства. Соседи считали его безобидным чудаком, который чересчур много занимается своими деревьями, но, тем не менее, признавали, что его сад — один из лучших в округе. Мальчишки предпочитали фрукты с его деревьев, хотя у собственных родителей росли точно такие же, и Мартен не препятствовал их набегам, а только требовал, чтобы дети старались не ломать плодовые ветки. У него всегда был самый обильный урожай, который ему некуда было девать, а еще он абсолютно точно знал, что его фрукты — лучшие в мире, и с удовольствием делился ими не только с мальчишками, но и со всеми своими соседями.

Немного ныл правый клык, но Мартен старался не обращать на это внимания — такое случалось время от времени, ныл то левый, то правый, но, не получив отклика, вскоре нытье прекращалось. На оба клыка были наложены заклинания, реагирующие на зов его учеников, но за все прошедшие годы Мартен ни разу не счел нужным ответить им, разумно полагая, что его последователи уже достаточно взрослые

мальчики, чтобы самостоятельно решать все свои проблемы. Однако к полудню заныл, а затем и разболелся левый клык, совместно с правым они создавали неприятное ощущение во всей челюсти, так что пришлось слегка заморозить их оба, ведь ничто не должно отвлекать от любимой работы! Только закончив все запланированные дела, он позволил себе сесть на скамейку в тени развесистой липы и задуматься над тем, что же могло послужить причиной такого дружного совместного обращения. С учениками Мартен не виделся уже очень давно, знал, конечно, что те живы, но совершенно не интересовался их жизнью и даже не был уверен, что они знакомы друг с другом, а уж о том, чтобы подружиться, и речи быть не могло. С другой стороны, они вполне могли преследовать совместные цели, каждый своими путями, естественно, но Мартен давно знал, что к одному результату может вести несколько параллельных дорог. И уж если эта цель вынудила их обоих обратиться к нему, то это…

— Проклятые вампиры! — пробормотал он. — Снова, в который раз, проклятые вампиры…

Многие века он боролся с этой нечистью, но стоило остаться буквально одному кровососу, как их

популяция очень быстро восстанавливалась, они рассеивались по всему миру, и не существовало способа контролировать их всех. Было проведено множество битв, больших и маленьких, дважды он истреблял их почти полностью, но ответ на вопрос, как от них избавиться, так и не был найден. С появлением Договора и возникновением Дозоров, вампиров удалось крепко поприжать, и Мартен воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы незаметно отойти от дел и какое-то время просто отдохнуть. Поселился он в далекой канадской провинции, где никто его не знал, и где не принято было интересоваться, кто откуда родом. К нему давно уже привыкли, он стал незаменимой частью жизненного уклада общины, и никто даже не догадывался, что именно он стоял у истоков знаменитой нынче крысиной блокады — когда нависла угроза нашествия крыс с востока, из провинции Саскачеван, было принято решение организовать специальные истребительные отряды «пограничников», которые начали устанавливать ограждения и ловушки на границе между провинциями. Они отстреливали и любыми способами уничтожали всех крыс, которые попадались у них на пути. В найденные норы насыпался крысиный яд, специально натас-

канные собаки отлавливали и душили всех крыс, которым удавалось прорваться, а завершали этот крысиный геноцид знаменитые канадские морозы. В результате, канадская провинция Альберта оказалась единственным местом на Земле, где среди людских соседей не было крыс. Но никто не знал еще один нюанс — вдоль всей границы был установлен еще и магический барьер, который позволял нескольким крысам просочиться через все преграды, но это количество всегда было равным количеству вампиров, которые в данный момент уже находились в провинции Альберта. Вампиров, с их потрясающей способностью менять внешность, обнаружить было очень тяжело, зато все крысы поголовно учитывались специальным правительственным подразделением, которому население по телефону докладывало об увиденных животных. Чаще всего это оказывались ондатры, белки или суслики, но зато данные постоянно печатали в прессе, и Мартен всегда знал точное количество и крыс и, соответственно, вампиров, в провинции. Так, например, с 2002 по 2007 год было обнаружено только две крысы, и это означало, что где-то затаилось 2 вампира. Мартен нашел обоих и без раздумий уничтожил. С тех пор вампиров в Альберте не было, но ничто

не мешало им размножаться во всем остальном мире, и Мартен отлично понимал, что его спокойная оседлая жизнь может резко закончиться в любой момент. И очень было похоже, что такой момент стремительно приближался.

Необходимо было разобраться в происходящем и составить хоть какой-то план действий, поэтому Мартен, освободившись от насущной работы, сел на лавочку, согреваемую теплым майским солнышком, и мысленно потянулся к линиям вероятностей. Он лучше всех в мире умел предусматривать предстоящие события и нередко пользовался этим своим умением, расписывая свои действия даже на несколько месяцев вперед. Вот и сейчас он начал просматривать ближайшее будущее, постепенно удаляясь по линиям, отбрасывая ненужные и старательно придерживаясь тех, которые обещали хоть какой-то положительный результат. Как обычно, будущее было неопределенным и туманным, с трудно достижимыми целями и множеством плохо контролируемых факторов. Приходилось тасовать время и место, события и людей, и прошло несколько часов, пока Мартен начал представлять в общих чертах, что ему предстоит сделать. Уже давно свечерело, становилось

прохладно, и он ненадолго прервался, чтобы зайти в дом и не нервировать соседей, которые наверняка уже заметили неподвижно сидящего чудака. Заварив на кухне крепкий чай, он откинулся в кресле и продолжил поиски правильного решения. Кое-что уже получилось нащупать, большинство узких тропинок послушно слились в широкую магистраль, которая заканчивалась в одном европейском мегаполисе, но последний, завершающий штрих, никак не хотел ложиться на готовую схему. Ив Мартен знал, что вампиры сейчас сильны, как никогда, их новый Мастер создает мощную и почти несокрушимую армию, величине которой могли бы позавидовать многие полководцы прошлого. Как чаще всего и бывает, шанс победить был у обеих сторон, но Мартену не хватало буквально одной переменной, чтобы склонить чашу весов на свою сторону. Что-то постоянно ускользало из его поля зрения, он не понимал, как и за счет чего сможет нанести решающий удар противнику, который будет многократно превышать все его возможности. В будущие события должна вмешаться третья сила, которая сыграет определенную роль в предстоящей битве, но что это за сила, кто ее контролирует, и чем она ему поможет, даже он

не смог рассмотреть. Это тревожило и смущало Мартена, приходилось начинать какие-то свои действия не имея представления о том, как все завершить, но медлить тоже было нельзя — все его расчеты говорили о том, что уже через несколько дней он должен быть в Европе, иначе…. Иначе шансы на успех будут просто равны нулю.

Для начала ему предстояло сделать так, чтобы его обнаружили вампирские ищейки, ведь на протяжении многих веков шпионы кровососов искали его по всему миру, чтобы, наконец, отомстить за все те поражения, которые он им наносил. Только здесь, в Альберте, их не было, поэтому прежде всего нужно было засветиться за пределами родной провинции, пусть частично знают маршрут его передвижения, но постоянно чуть-чуть опаздывают и не могут во время собрать силы для атаки. А когда придет время, он атакует их сам, первый.

— Эй, Джо! — позвал он утром своего соседа. — Я должен уехать на пару месяцев, присмотришь за домом и садом? ОК?

Если честно, то Ив никогда не запоминал имен. Зачем? Люди вокруг слишком быстро менялись, чтобы их запоминать, поэтому всех мужчин он называл Джо, а женщин — Мэри. Соседи привык-

ли и не обижались.

— А что случилось, дружище? — сосед не помнил, чтобы Ив покидал свой дом, и это новое обстоятельство его слегка встревожило.

— Да ничего особенно, — беспечно ответил Мартен. — У меня есть сестра в Орлеане, мы не виделись лет 20, наверное, а возраст уже сам понимаешь, какой… надо бы проведать. — Он не стал уточнять, какой Орлеан имелся в виду. — Мальчишек не гоняй, пусть лазят, а заодно и сами посматривают, чтобы все в порядке было. Договорились?

Джо с удовольствием согласился — забота небольшая, зато он получает доступ в знаменитый сад и имеет легальное право рассмотреть как, например, его сосед делает прививки, которые прекрасно приживаются и уже на следующий год дают урожай. А если задержится где — еще лучше, он и урожай себе забрать сможет.

Простодушному соседу было невдомек, что Ив Мартен свободно читает его мысли и сам не прочь отдать урожай за оказанную услугу. Конечно, достаточно было самого простого охранного заклинания, чтобы никто и не подумал приближаться к его дому, но в таких маленьких поселках, где все у всех на виду, лучше пользоваться обыч-

ными человеческими средствами, поэтому он и решил обратиться к соседу. Свой старенький пикап Мартен загнал под навес, собрал кое-какие вещи и пошел на рейсовый автобус, который вот-вот должен был подойти к остановке.

Аэропорт Эдмонтона был не очень большим — всего один терминал, и его вполне хватало на все внутренние рейсы, но лететь в Европу Мартен собирался через Торонто, а чтобы не терять драгоценного времени еще на один перелет, он просто зашел в мужской туалет и проложил прямой портал до аналогичного места в международном аэропорту Торонто Пирсон. Его портал был похож на мастерский прыжок спортсмена в воду — почти без брызг, с незаметным даже для опытного Иного количеством магии, он вошел в портал в Эдмонтоне, а вышел уже из мощного магического фонтана, который ниоткуда появился в здании аэровокзала Торонто. Такое количество выплеснувшейся магии невозможно было не заметить даже слабым дежурным магам, сидящим на регистрации, Темному и Светлому, о чем они тут же поспешили доложить своему руководству. Вскоре Дозоры будут метаться и искать, что произошло, определять по ауре виновника такого всплеска, но пока об этом станет известно в штаб-квартире

вампиров в Нью-Йорке, он уже будет далеко, и это как раз то, что и было ему нужно.

Из женского туалета вышла элегантно одетая привлекательная женщина средних лет, брюнетка с высокой грудью и длинными волосами. Слегка близорукие зеленые глаза за стеклами очков глядели расслабленно и добродушно, просто обычный пассажир среди огромной толпы ему подобных, с самой неприметной человеческой аурой. Она нашла нужную стойку регистрации, стала в очередь и достала свой паспорт на имя Ирен Монсиньи.

Глава 1

Разговор продолжался уже второй час, но Гесер по прежнему упрямо настаивал, чтобы меня разместили в госпитале Дозора.

— Ну пойми ты, — устало уговаривал он Светлану. — Твой Антон сейчас — это уникальный экземпляр для наблюдений, за всю историю Дозоров такого не было никогда и нигде! И мы просто обязаны задокументировать все, что происходит при превращении Иного в человека, а, при необходимости, и оказать срочную помощь!

— Борис Игнатьевич, — продолжала возражать Света, — посмотрите же сами на него! — она достаточно больно ткнула указательным пальцем мне прямо в лоб. — Жив, здоров, не осталось никаких задатков Иного, да ему самое время спокойно отдохнуть в привычной домашней обстановке, в кругу семьи! И, в конце концов, я и сама врач и смогу как следует присмотреть за ним! Поедем в деревню к маме, на природу, подальше от московской суеты и смога, откормлю его экологически чистыми продуктами и со мной ему точно будет лучше, чем в вашем богом забытом лазарете!

— И на чем же основана твоя уверенность,

позволь тебя спросить? Почему ты считаешь, что завтра с ним ничего не случится? Или послезавтра? — вкрадчиво продолжал Гесер. — Что к нему не явится очередной Тигр для упокоения бывшего Иного? Или что он сможет успешно адаптироваться к обычной человеческой жизни? Да что ты вообще знаешь о том, что чувствует Иной, когда его выбрасывают из привычной среды?!

— Можно подумать, вы что-то об этом знаете! — фыркнула в ответ Света, но Гесер резко ее прервал.

— Да, я тоже ничего не знаю об этом! — он со всего размаху грохнул кулаком по столу, да так, что я даже вздрогнул. — А я обязан знать! — от его деланной усталости и флегматичности не осталось и следа. Как выдающийся оратор, он постепенно подвел разговор к нужной ему точке и решительно взял инициативу в свои руки. — Если я отдам его под твою опеку, то меня тоже нужно отдавать, вот только уже под суд, и гнать прочь из Ночного Дозора за халатность! Ты же умная, Света, — Гесер немного сбавил обороты и снова перешел к увещеваниям, — ты же должна понимать, что сейчас Антон Городецкий не принадлежит ни мне, ни тебе, ни твоей семье, он даже самому себе не принадлежит! И место его

здесь, на территории Дозора, где ему будет обеспечена защита и квалифицированный надзор с помощью самого современного оборудования, я вот даже смету подготовил для его покупки! — он помахал в воздухе какой-то бумажкой, но в руки ее не дал.

Согласитесь, неприятно, когда о тебе говорят в третьем лице, хотя вот он ты, сидишь рядышком, слушаешь их споры и трешь ушибленный лоб. Почему- то очень хотелось пива и чипсов, курить, подремать и погулять где-нибудь в парке, а так как находясь в госпитале все это было из области нереального, то я собирался поддержать жену и отдаться в ее нежные ручки, но мое мнение, похоже, никого не интересовало. С заведующим нашим лазаретом врачом-целителем Иваном у меня были хорошие, дружеские взаимоотношения, к нему всегда можно было зайти, поговорить о том о сем и даже продегустировать новый сорт чая из его неисчерпаемых запасов. До того, как оказаться в Московском Ночном Дозоре, он изрядно попутешествовал по всему миру, и на каком-то этапе крепко подсел на этот благородный напиток, как он его называл. Все знали о его пристрастии и специально привозили ему чай из стран-лидеров по его выращиванию: Индии,

Китая, Шри-Ланки, Кении, Индонезии, Турции и Вьетнама, но в то же время он не брезговал и мелкими производителями, в его коллекции был даже Азербайджанский и Краснодарский чай. Он научился делать поразительные миксы, не используя при этом никаких бергамотов и жасминов и откровенно пренебрегая зеленым листом. «Хороший чай может быть только черным!» — от этого своего девиза он не отходил ни на шаг и даже создал страничку на Фейсбуке, где отчаянно спорил на эту тему. Сотрудники Ночного Дозора бессовестно пользовались его увлечением и регулярно выпрашивали у Ивана грамм сто на «попить чайку», но он никогда и никому не отказывал, тем более, что впоследствии эти же самые сотрудники привозили ему в подарок чуть ли не мешки черного чая. Большую часть времени палаты пустовали, потому что все предпочитали лечиться исключительно магическими средствами, с помощью заклинаний, не прибегая к услугам врача. Изредка, правда, туда поступали оперативники с боевыми травмами, но это было так редко, что помещение постепенно приходило в упадок и, если честно, давно уже требовало капитального ремонта. Не зря Света назвала его богом забытым местом! Нужно было

хорошо знать Гесера, старающегося экономить на чем только возможно, чтобы понять, на какую жертву он идет, покупая новое оборудование! Кстати, очень интересно, что именно он собирается приобрести для моего исследования.

У главы Ночного Дозора был, конечно же, еще и козырный туз в рукаве.

— На, читай, — буркнул он, передавая Светлане другую бумагу, судя по виду, ужасно официальную. — Сегодня утром пришло, из Инквизиции. Вслух читай, пусть все слышат. — он имел в виду и меня, конечно, но, прежде всего, Ольгу, которая молча курила в форточку. Судя по тому, как она терпеливо выслушивала пикировку между моей женой и Гесером, ей заранее уже был известен результат и она предпочитала оставаться в стороне, доверив мужу всю черновую работу. Я старался не смотреть в ее сторону, потому что в памяти всплывали какие-то невероятные картины, связанные с ее телом, и я старался гнать прочь свои сексуальные фантазии.

— Так… входящее-исходящее я пропускаю… Предписание. Настоящим предписанием убедительно просим в кратчайшие сроки направить Антона Городецкого, не Иного, в центральный офис Инквизиции в Праге, находящийся по адре-

су… — Светлана подняла глаза на Гесера. — Борис Игнатьевич?..

— Теперь ты сама видишь, что оставить его дома не получится, и у тебя есть только выбор между Прагой и Москвой, а если еще точнее, то выбора нет вообще! — Гесер выжидательно посмотрел на Свету, которая что-то усердно обдумывала.

— Тогда несколько условий! — сказала наконец она. — Я требую двух охранников вместо одного у входа, усиленное питание и немедленное приобретение новейшего оборудования, которое вы обещали!

— Принимается! — удовлетворенно закончил разговор Гесер и облегченно откинулся в кресле.

Последнее, что я услышал, был возглас Ольги:

— Держите его, он же падает!

Очнулся я непонятно где и в непонятно каком состоянии. Голова слегка кружилась, и хотя общее самочувствие было вполне сносным, мне никак не удавалось открыть глаза, которые были намертво заклеены тяжеленными веками. Попытавшись приподняться, я обнаружил, что тело так сильно затекло, что я не мог не то, что встать, но даже перевернуться на бок, поэтому пришлось резко (как мне казалось) выбросить вперед ру-

ки, чтобы хоть таким образом оторвать себя от койки. Со стороны, наверное, это выглядело довольно странно — еще недавно бездыханный Городецкий вдруг уселся на своей постели с закрытыми глазами, абсолютно ровной спиной и выставленными вперед руками.

— Ой, он превращается в зомби! — взвизгнула какая-то девчонка, насмотревшись, вероятно, апокалипсических блокбастеров, в которых люди превращаются в непонятно что и ходят по улицам с пустыми впалыми глазами и выставленными вперед руками.

— Ничего, у меня есть прекрасное средство против зомбизма, — услышал я знакомый голос доктора Ивана, после чего ощутил легкий удар по лбу чем-то мягким и почти невесомым, но удар пришелся как раз в то место, куда меня совершенно недавно умудрилась ткнуть Светка, перед глазами сверкнула молния, в ушах взвизгнули две мотопилы, и я снова отключился. Уже намного позже я узнал — Иван обследовал меня буквально минут за 10 до этого и конечно же заметил мою скованность. Решив, что это мышечный спазм, он как раз размышлял над его причиной и заносил данные своих наблюдений в мою медицинскую карту. Когда я так резко сел, он сразу

понял причину моей странной позы и решил пошутить, поддержав испуг практикантки Кати, но после моей повторной отключки и сам перепугался не на шутку. Он искренне не понимал, что такого он мог сделать, чтобы я вновь потерял сознание, и поэтому после лихорадочного прослушивания стетоскопом, даже решил перепроверить, не превращаюсь ли я действительно в зомби. Все-таки я был первым таким пациентом в истории Дозоров, и что могло со мной произойти, не знал никто. Катя, которая была назначена мне сиделкой и одновременно вела журнал наблюдений, так и записала: «Попытка превращения в зомби была предотвращена вмешательством доктора Ивана путем удара ладонью по лобной части головы, после чего пациент снова потерял сознание». Если так и дальше пойдет, то будущие поколения получат, мягко говоря, не совсем правильное представление о превращении Иного в человека. Поняв, что он ничего не понимает в происходящем, доктор вынуждено доложил о происшествии Гесеру и Светлане. Глава Ночного Дозора оказался занят и велел докладывать обо всем в телефонном режиме, зато Света и Надя примчались мгновенно и приступили к моему обследованию. Не обнаружив ничего сверхъесте-

ственного, они начали допытываться у Ивана, что же все таки произошло, но доктор ограничился только кратким перечнем — больной пришел в себя, сел в постели в неестественной позе, а затем снова впал в кому. Только просмотрев журнал наблюдений, который вела Катя, Светлана узнала об ударе «в лобную часть головы» и пообещала испепелить и доктора, и Гесера с ним за одно, если со мной хоть что-то произойдет. Иван тихонько удалился к себе в лабораторию и принял пять капель успокоительного, чтобы прийти в себя после таких нешуточных угроз, зато как же он был счастлив, когда уже поздним вечером Светлана заявила, что они с Надей пойдут ночевать домой, но утром обязательно приедут снова и проверят, как здесь за мной ухаживали в их отсутствие. Убедившись, что до утра он все-таки доживет, Иван в изнеможении свалился на соседнюю койку и блаженно уснул, оставив в качестве дежурной все ту же Катю.

Глава 2

Каждый раз, выходя на улицу, я чувствовал, как, дождавшись именно моего появления, колючий весенний воздух старательно начинал пробираться сквозь любые щели в моей одежде, пытаясь достать до тела и наградить меня влажным холодным ознобом. Я старательно кутался в свою демисезонную курточку, поднимал воротник и втягивал голову в плечи, но не помогало ничего. Мне было плохо.

Нет, погода как раз была хорошей — ярко светило солнце, но жара еще не успела стать той удушливо горячей субстанцией, что обволакивает тебя всего и заставляет потеть от пяток до макушки. Еще не успели по новой разгореться торфяники, и воздух был по весеннему чистым, как будь-то ушедший снег убрал с улиц всю накопившуюся за долгую зиму копоть и грязь. Даже по-весеннему одетые люди выглядели слегка удивленными и радостными, потому что город отряхнулся от старого убранства и вот-вот был готов надеть новое, зеленое. Нет, плохо было совершенно другое. Закончив свой рабочий день в архиве, я мог часами бесцельно блуждать по

Москве, опасаясь сесть в рогатое чудище под названием троллейбус и стараясь пореже переходить через наземные переходы даже на зеленый сигнал светофора. Я по прежнему не узнавал ни эти проспекты, ни весь этот город. Как я мог забыть новую детскую площадку и замечательные удобные скамейки в своем дворе? Или новый рыболовный магазин возле супермаркета? Почему деревья поменяли свои очертания и даже местоположение, почему я помню их совершенно другими? Мне казалось, что Москва издевается надо мной, отыгрываясь за все те года, когда я сам без должного пиетета относился к ней и не замечал ничего вокруг, а теперь она властно и с наслаждением ставит меня на место. Мне не помогали ни прогулки с Ласом, ни поездки в машине с Семеном, ни походы в кино со Светланой, я по прежнему не понимал, почему кинотеатры снова становятся популярными и зачем в них продают попкорн. Все казалось ненастоящим, взятым из чужой жизни, непонятным и иногда даже страшным. Что-то заставляло меня бояться этого бесконечного уличного хаоса, насыщенного автомобильным угаром воздуха и всех этих немыслимых теней, которые дрожали в перегретом асфальтовом мареве.

— Может, сводить тебя к психологу? — неоднократно предлагала мне Света. — У меня даже есть на примете психолог-Иная, она будет счастлива поработать с тобой!

— Спасибо, любимая, но Арина хорошо со мной поработала, все нормально, просто мне нужно больше времени, чтобы привыкнуть к такой жизни.

— Антон, прошло уже два года с того момента, как ты стал человеком, но я же вижу, что тебе до сих пор неуютно среди людей, ты постоянно прячешься в своем занюханном архиве и даже дома бываешь все реже и реже. Поделись, пожалуйста, со мной, что тебя тревожит, в чем ты сам видишь свою главную проблему, откройся мне, ведь только так я могу помочь тебе!

— Скорее всего проблема в том, что я перестал быть Иным, но так и не научился быть Человеком. Но справиться с этим не поможет никакой психолог, даже если она Иная.

Как я мог объяснить ей, самому дорогому моему человеку, что больше всего на свете мне хочется той, прежней жизни — приходить на работу в родной Ночной Дозор, мотаться по миру, устраняя угрозы человечеству, о чем оно, человечество, не имело ни малейшего представления, изображать

активную борьбу с отпрысками Завулона и радоваться тому, как развиваются отношения Нади и Кеши. И чтобы рядом со мной всегда была она, моя любимая Светка. А вместо этого я считал себя обязанным все больше и больше сворачивать наши взаимоотношения, чтобы со временем дать ей абсолютную свободу. Не обращая внимания на то, как больно это будет для меня.

Как не странно, единственным местом, где я себя нормально чувствовал, стал Архив. Чем больше я его узнавал, тем больше он поражал мое воображение, я не знал и не понимал, как может существовать что-то подобное в нашем мире. Нескончаемо огромный, временами он уже начинал казаться мне почти живым существом, которое свернулось клубочком и разрешало бродить внутри себя, пока оно спит. Я и сам не заметил, как начал с ним разговаривать, и хотя не произнесено было ни слова в ответ, убедил себя в том, что Архив слышит меня и воспринимает. Только здесь я чувствовал себя дома, в безопасности и при деле. Его бесконечные, тихие и темные коридоры странным образом меня успокаивали и приводили в чувство равновесия, которое мгновенно покидало меня, стоило мне только выйти на улицы нашего города. Я мог

часами просто бродить по его закоулкам, с благоговением едва прикасаясь к ветхим корешкам таких же ветхих книг. Здесь постоянно царила оптимальная влажность и температура, для удаления пыли применялись какие-то специальные заклинания, поэтому все рукописи выглядели точно так же, как и тогда, когда их в последний раз касалась рука человека. Сначала я несколько дней просто привыкал к этому воздуху, к гулкой тишине высоченных сводов, пытался разобраться в многочисленных ходах и поворотах, которые создавали казалось бы непроходимый лабиринт, но даже в них была заложена какая-то магия, потому что в результате я всегда выходил к своему рабочему месту. Немного попривыкнув, я начал заниматься тем, для чего, собственно, и попросился работать в архив — искать любые записи, касающиеся превращения человека в Иного. Я рылся в каталогах, которые создала для нас Элен Киллоран, научился выделять из массы информации крупицы необходимых мне данных и как ищейка бросался к стеллажам, обнаружив, как мне казалось, хоть какой-то крошечный след. Но проходили дни, недели, месяцы, а мне так и не удавалось обнаружить хоть что-то, касающееся моей проблемы.

Из всех Иных пока только Надя изредка проявляла интерес к моей работе, приходя ко мне развеяться после занятий, иногда даже с Кешей. После одной из экскурсий по Архиву, которую я ей устроил, она задумчиво заявила:

— Папа, а тебе не кажется, что Архив — это нечто более сложное, чем просто место для хранения манускриптов?

— Кажется, доча, еще как кажется! Но мне интересно, что увидела в нем ты?

— Помнишь, еще когда я в первый раз к тебе пришла, то уже вроде прислушивалась к чему-то?

— Помню, — улыбнулся я. — Я еще сказал, что мышей и тараканов здесь нет, и вурдалаки по нему не шастают.

— Да, точно, — улыбнулась и Надя. — Тогда я сама еще не понимала, что могло так меня заинтересовать, но в последний раз я уже целенаправленно пыталась просканировать его через Сумрак и кое-что интересное, как мне показалось, все-таки таки обнаружила. — Она лукаво посмотрела на меня.

— Ну не томи, пожалуйста, — взмолился я.

— Хорошо. — снова улыбнулась Надя. — Что ты помнишь из университетской программы о

Бутылке Клейна?

Вопрос оказался настолько не в тему, что достаточно сильно озадачил меня, но очень не хотелось пасть лицом в грязь перед собственной дочкой, поэтому, порывшись на задворках памяти, я ответил:

— На сколько я помню, это объемная топографическая фигура с односторонней поверхностью, названная по имени математика, который ее описал.

— Правильно, папочка, ты у меня умничка! — как ни странно, мне очень польстила ее похвала. — Мне пришлось немного полазить по интернету, чтобы убедиться, что я права, и если в двух словах, то все помещение Архива оказалось очень похожим на Бутылку Клейна, только несколько усложненный ее вариант. И входишь ты сюда через единственно возможный проход — ее горлышко.

Я попытался представить себя внутри огромной бутылки, переполненной рукописями и артефактами, которые должны были постоянно сваливаться со своих полок из-за кривизны пространства.

— А проходы между стеллажами…

— Правильно, папочка, проходы — это многооб-

разие Лент Мебиуса с переменой гравитационной составляющей, из-за чего ты всегда уверен, что движешься в одной плоскости.

Так очень часто бывает, когда ты замечаешь какие-то странности, но, не найдя вразумительного ответов, начинаешь воспринимать их уже как должное, но стоит кому-то дать тебе дополнительную информацию или даже просто подсказку, как в голове срабатывает незримый тумблер, раздается щелчок и разрозненная мозаика складывается в одну цельную картину. Мне, например, сразу стало понятно отсутствие тупиков в Архиве и почему я всегда могу возвратиться к своему рабочему месту.

— А кто создал это чудо, ты не нашла?

— Ну, это уже скорее вопрос к тебе, ты же у нас архивариус, — поддела меня Надя. — Не думаешь же ты, что такие сведения можно легко найти в обычных человеческих энциклопедиях? И еще я думаю, что это произведение искусства было создано не в Москве, и даже не в России, а в совершенно другом месте за тысячи лет до того, как здесь был построен город. Наверняка должны были сохраниться записи о том, каким образом и откуда Архив был перемещен на территорию Москвы, вот тут тебе, папочка, и карты в руки.

— Ты думаешь, это может как-то пригодится Ночному Дозору?

— Не знаю, я как-то не думала об Архиве в этом аспекте, просто мне показалось, что для тебя это может быть интересным.

Наверное, Надя сама не подозревала, насколько она оказалась права. Благодаря дочери, я получил возможность отвлечься от своих горьких размышлений и заняться новой очень интересной работой. И чем черт не шутит — а вдруг наш Архив действительно не был построен на своем теперешнем месте, а являлся когда-то гробницей египетского фараона или, к примеру, китайского императора и лишь намного позже был изъят Светлыми для более полезной цели?

Прежде всего я решил поговорить с Элен Киллоран, кто же еще, как не она, мог знать больше о нашем Архиве. С помощью аналитиков, которые считали, что знаю все о том, что, где и когда, я узнал, что работает она сейчас в Королевском архиве Ночного Дозора в Копенгагене, и с ней легко можно связаться по телефону, номер которого мне и вручили.

— Привет, Антон! — обрадовалась девушка. — Слышала, что с тобой произошло, сочувствую, но рада, что ты сумел найти себя в моем любимом

деле!

— Спасибо, Элен! — я действительно был тронут, хотя, если честно, уж коль она так переживала из-за моей судьбы, то давно могла бы позвонить и сама. — Хотел тебя спросить, куда ты спрятала одеяло, а то здесь прохладно и я постоянно мерзну на твоей постели?

— Какое одеяло, Антон? — не поняла Киллоран. — А, это есть ваш русский юмор такой, да? — засмеялась она, специально коверкая фразу на иностранный манер, а затем лукаво добавила, — Или ты хочешь пригласить меня, чтобы я тебя согрела?

Вспомнив угрозу своей жены по поводу двух индейцев под одним одеялом, я слишком торопливо отказался от предложения Элен, чем немало ее потешил.

— Спасибо, дорогая, но это уже как нибудь в другой раз. Сейчас меня интересует другое — ты несколько лет провела в нашем Архиве, тебе ничего не показалось странным в его, скажем так, архитектуре?

— Да нет, — уже обычной русской фразой ответила Элен. — Архив как архив, как и многие другие, как мне кажется. Может только побольше остальных, и магией наполнен по завязку, даже

я со своим пятым уровнем это почувствовала. Но, если честно, я мало внимания обращала на само помещение, меня больше интересовало его содержимое.

— А среди содержимого тебе не встречались упоминания о том, как Архив создавался и кто его этим содержимым наполнял?

— По поводу его строительства я ничего не помню, кажется, ничего не было такого, а вот по поводу наполнения могу с уверенностью сказать, что во всех архивах это происходило однотипно — сначала вождю, императору или верховному жрецу подданные тащили все непонятное, найденное у ведьм, колдунов, в разграбленных библиотеках и даже просто на улицах, а уже у тех все потихоньку изымали Иные, тщательно просматривали и оставляли себе лишь то, что их интересовало.

— Ты хочешь сказать, что первоначальным накопительством занимались все-таки люди?

— Конечно, кстати, именно у людей была отжата, как вы любите говорить, Александрийская библиотека, которая якобы сгорела, а московские архивы Светлых и Темных поровну поделили библиотеку Ивана Грозного.

— Это очень интересно! — я подумал, что нужно

будет попросить разрешения Завулона на сотрудничество с его архивариусом. — Но немного не то, что меня интересует. Возможно, ты знаешь, кто проектировал эти подземные хранилища?

— Извини, Антон, вряд ли я смогу тебе в этом помочь. Я никогда особо не задумывалась над этим вопросом, да и сами Иные, как мне кажется, не придавали этому большого значения — некоторые архивы до сих пор находятся в карстовых пещерах или в соляных шахтах, в качестве хранилища применялись любые более-менее подходящие помещения, лишь бы не строить их самим.

Мы вместе посмеялись над последним ее утверждением, и она пообещала обязательно связаться со мной, если обнаружит что-либо новое. Я почувствовал, что вступаю на совершенно неизведанную территорию. Никто до меня, казалось, не интересовался Архивом, как целостным объектом, мне первому выпала честь исследовать его родословную и определить, как и откуда он оказался на территории Москвы.

— Борис Игнатьевич, — позвонил я Гесеру. — Вы не помните случайно, кто был архитектором нашего Архива?

— Даже не хочу спрашивать, для чего это тебе

нужно, могу лишь сказать, что твой архив уже существовал, когда я впервые здесь появился. Еще вопросы есть? — я почувствовал, что шеф занят и поспешил отключиться.

С подобным вопросом я решил обратиться и к Завулону. Мой дед сильно охладел ко мне после того, как я стал человеком, но контакт, хоть и на минимальном уровне, все-таки поддерживал, скорее всего, правда, из-за Абсолютной правнучки. После непродолжительного прослушивания известной музыкальной фразы, я, наконец, услышал хорошо поставленный голос автоответчика:

— Добрый день! Вы позвонили в офис Дневного Узора! (Ах, хитрецы, а ведь действительно слово «узор» звучит более расплывчато, чем «дозор»). Ваш звонок очень важен для нас! (ха-ха, как бы не так!).

— Если вы желаете заказать сувенирную продукцию фирмы «Дневной Узор», нажмите на кнопку 1 (Интересно, о какой сувенирной продукции идет речь?).

— Если вас интересует вопрос получения лицензии, нажмите 2! (Осталось с того времени, когда в Дневном Дозоре были вампиры, догадался я).

— Если вам нужна зарядка, наберите 4! (Слово

«амулетов» было «случайно» пропущено).

— Если вам нужны услуги Темного целителя, нажмите 5! (С помощью одного только слова, «Темного», фраза начинала блистать мистическими отблесками, что должно было дополнительно привлекать доверчивого обывателя).

— Если вы обнаружили некорректные действия Ночного Узора, нажмите 6! (Вот наглецы!)

— Если вы желаете получить вознаграждение, касающееся кнопки 6, нажмите на кнопку 7! (Нужно Гесеру доложить, вдруг он не в курсе!).

— Если вы желаете прослушать сообщение еще раз, нажмите кнопку 8!

— Для заказа пиццы наберите 999 в перевернутом положении и дежурный по пицце расскажет, куда вам следует идти!

— и для того, чтобы абонент собрался с мыслями и решил, на какую кнопку ему стоит нажимать, а на какую — нет, в трубке зазвучала до чертиков надоевшая мелодия.

Я уже знал о подвохе, поэтому сразу нажал пропущенную кнопку с цифрой 3.

— Добрый день! — раздался вежливый женский голос. — Менеджер Валерия, как я могу к вам обращаться? — чуть-чуть магии в голосе, и вы уже готовы рассказать совершенно незнако-

мому человеку свои самые сокровенные тайны, поэтому я не мешкая представляюсь.

— Антон Городецкий, сотрудник Ночного Дозора, прошу соединить меня с Завулоном по личному вопросу. — на том конце провода раздалось какое-то шуршание и тот же голос, но уже в чисто деловой тональности, сообщил:

— В настоящее время шеф занят, могу ли я вам чем-либо помочь? — как бы не так, занят он, кувыркается где-нибудь с девочками, подумал я, но в трубку вежливо ответил:

— Уважаемая Валерия, *в настоящее время*, — я специально сделал ударения на этих словах, — меня интересует вопрос вашего архива и мне бы хотелось побеседовать с вашим архивариусом.

— *Уважаемый* Антон Городецкий, — ответила мне той же монетой Валерия. — Насколько я осведомлена, штатным расписанием Дневного Узора… тьфу, простите, Дозора, — мы синхронно прыснули, — должность архивариуса не предусмотрена. Но я постараюсь сейчас навести справки и затем смогу более подробно ответить на ваш вопрос. Не отключайтесь, пожалуйста! — и в трубке снова зазвучала опостылевшая мелодия.

Минут через 10 ко мне «на минутку» перед очередной «пятиминуткой» у шефа заскочила

Светлана.

— Чего у тебя трубка не на месте лежит? — кивнула она на аппарат.

Пришлось ей рассказать, что я ожидаю отклика из офиса Дневного Дозора, но ждать, по видимому, придется еще долго.

— Это мы сейчас посмотрим, — злорадно заявила Светлана, взяла трубку и начала прислушиваться к происходящему на том конце. Затем она что-то прошипела в микрофон и на возмущенное «Ой, что это было!», спокойно, но внушительно произнесла:

— Алё, курица завулоновская, ты в курсе, кто тебе только что звонил?

— Конечно, — ответил почему-то всхлипывающий и слегка шепелявый голос Валерии. «Я ей шестерочку вырвала» — промурлыкала мне в ухо Светлана. — «Без наркоза». Обожаю свою жену.

— Антон Городецкий, — послушно продолжала Валерия. — Бывший Высший Светлый, но сейчас обычный человек, почему я должна выполнять его пожелания?! — попыталась она возмутиться, но Светка тут же поставила ее на место.

— А кто жена у него ты знаешь? — вкрадчиво спросила она.

— Д-да, Светлана Городецкая, Высшая Свет-

лая, — послушно ответила «менеджер Дневного Узора», понимая, что на этот раз она вляпалась очень серьезно и одним зубом может не отделаться. А шеф даже бровью не поведет, чтобы ей помочь. Завулон не возражал против того, чтобы его сотрудники могли под настроение похамить обычным людям, но когда случались накладки подобные этой, делал вид, что его это не касается.

— Через две минуты чтобы вся информация была готова, я лично проверю, надеюсь, мне не придется больше выдергивать твои зубки, — мягко распорядилась Светлана и передала трубку мне. — Я убежала, — она чмокнула меня в щеку. — А эта Валерия теперь сделает все, что тебе нужно.

И действительно, через две минуты я уже знал, что Темные и раньше уделяли слишком мало внимания своему Архиву, а после того, как переехали в новый офис, вообще законсервировали его с помощью магии и забросили. По ее словам, их архив находился в старых московских подземных ходах, вырытых еще в XIII–XV веках, и ничего особенного собой не представлял.

— А вы можете проверить, в каком он сейчас состоянии? А то вдруг мне придется там поработать,

если у вас своего архивариуса нет? — улыбнулся я в трубку.

— Да с какой это я стати… — попыталась было возмутиться Валерия, но я совершенно невежливо перебил ее.

— Мне показалось, что у тебя кариес на верхнем правом резце, может, позвать еще раз стоматолога?

— Уважаемый Антон Городецкий, муж Великой Светлой Светланы Городецкой! — торжественно раздалось в трубке. Я не удержался и в голос заржал. — По вашему запросу ответ будет получен через… 48 секунд от нашего патруля, который *случайно* оказался в указанном районе, — невозмутимо продолжал вежливый голос с нотками ненависти. — Не кладите трубку, ваш звонок очень важен для нас!

Я терпеливо ждал, но ни через 48 секунд, ни через пять минут ответа так и не получил, дождался лишь того, что трубку положили именно в офисе Дневного Дозора. Правда, тут же зазвонил мой аппарат. На проводе был сам Завулон.

— Антон, — не здороваясь начал он. — Ты знаешь, где находится наш архив?

— Нет, — удивился я. — Но могу предположить, что где-то в районе старого офиса.

— Старый, это в твоем понимании, предыдущий?

— Ну да!

— Мимо. Мы слишком часто переезжаем, чтобы постоянно таскать за собой ненужные бумажки. Ответь мне тогда на такой вопрос — откуда ты узнал, что он был взломан, если даже не знал, где он находится?

Я опешил.

— Ничего я не знал, просто занимаюсь архивной работой и хотел получить консультацию от вашего архивариуса, а при случае, и поработать там. С твоего разрешения, конечно же.

— А ну, дыхни в трубку!

Я с сомнением посмотрел на старый аппарат, но перечить не посмел и послушно дыхнул.

— Действительно, не знал, — задумчиво произнес Завулон и отключился.

Не успел я переварить услышанное, как телефон задребезжал снова.

— Уважаемый Антон… — услышал я в трубке знакомый голос и снова бесцеремонно ее прервал.

— Лера, давай по существу, что у вас там произошло?

— Несколько лет наш архив находился в закон-

сервированном состоянии, — начала Валерия. В ее голосе уже не было ни ненависти, ни панибратства, сейчас она вежливо вела деловой разговор. Ай да Светка! — снова я повосторгался своей женой.

— Этот объект входил в зону контроля работающих в том районе патрулей, но вы сами понимаете, — она слегка замялась, — что обстоятельства не всегда позволяли вовремя проверить целостность объекта, — нашлась она. В переводе на человеческий язык это означало, что патрули Темных чихать хотели на выполнение своих должностных обязанностей и проверку «объекта» проводили весьма нерегулярно.

— После вашего обращения была проведена внеочередная проверка, в ходе которой было установлено, что вход в архив был взломан, о чем тут же было доложено руководству Ночного Дозора… Наши криминалисты установили, (ого, у вас есть свои криминалисты? Или это вся полиция Москвы на вас работает?) что взлом был произведен не ранее, чем прошлой ночью (намек на Ночной Дозор?). Было ли что-то украдено, пока не установлено, — Валерия снова слегка замялась. Конечно, при таком отношении к своему архиву, я не удивлюсь, если у них даже каталогов

не было.

— Какие будут дальнейшие указания?

Дать указания я не успел, потому что телефон самопроизвольно отключился и тут же зазвонил снова.

— Антон, что происходит?

— А что происходит, Борис Игнатьевич? — попытался я изобразить недоумение, но Гесер мне не поверил.

— Ты мне перестань это! — грозно приказал он. — Ко мне только что заявился Завулон, и заявил, (от волнения Гесер даже не заметил тавтологии в своем предложении) что этой ночью был ограблен их архив, а сегодня ты почему-то начал им интересоваться. Случайность? Не думаю! Хм, это, кажется, уже не мои слова, — пробормотал он.

— Нужно меньше смотреть телевизор, — услышал я ехидный голос Завулона, но Гесер не обратил на него никакого внимания, ожидая моего ответа.

Пришлось рассказать все по порядку — как я заинтересовался историей нашего Архива, про мои поиски внутри его, звонок Киллоран и про попытку узнать, в каком стиле выстроен архив Темных.

— Это все? Учти, я же проверю!

— Все, Борис Игнатьевич, все! — успокоил я шефа. Не буду же я ему докладывать, что на тему архивов меня натолкнула моя Надя. Случайность? Хм…

В сознании вдруг отчетливо нарисовалась связь между взломом архива Темных и поисками в нашем, которые проводил Костя Саушкин пару лет назад. Интересно, что он здесь искал?! И, судя по всему, не нашел? А нашел ли он это что-то сегодняшней ночью? Поразмыслив, я все таки отбросил такую вероятность — наш Архив, который был в значительной мере упорядочен и каталогизирован, ему пришлось посещать несколько раз, вряд ли ему удалось отыскать нужное в неухоженном архиве Темных буквально за несколько часов. Я почувствовал, что нахожусь на пороге грандиозной тайны, где-то глубоко внутри меня вдруг звонко лопнула черная струна и ослепительно ярким светом засияла белая. А жизнь-то налаживается, господа Иные!

«Необходимо срочно заняться вампирами», решил я, по новой погружаясь в дебри Архива.

Ко мне в редко заходили посетители и еще реже звонили, поэтому, когда дребезжащий телефонный звонок неожиданно прорезал гулкую

подвальную тишину, я даже вздрогнул, отложил статьи Чаба Ороша, которые решил на всякий случай перечитать, и с сомнением посмотрел на аппарат. Брать трубку категорически не хотелось. Может сделать вид, что меня нет на месте и продолжить свои вампирские исследования? Но я вовремя остановился и не стал развивать эту мысль далее — еще свежа была история о том, как Гесер на спор позвонил Семену на ботинок, да и других способов передать информацию у Великих хватало.

— Городецкий, слушаю вас.

— Антон, — услышал я голос своей любимой жены. — Мы сейчас на совещании в кабинете Гесера, есть интересная тема, касающаяся тебя. Ты не мог бы подняться к нам?

— Хорошо, сейчас буду! — я прекрасно понимал, что «интересная тема» — это срочное задание, а просьба подняться на самом деле была приказом срочно явиться на совещание.

Но выйдя на улицу, я решил, что пять минут ничего не решают, и полез в карман за сигаретами. Курить в архиве было категорически запрещено инструкциями и подтверждено магически — открытый огонь мгновенно гас, поэтому в хранилище даже не было ни одного огнетуши-

теля. Для того, чтобы перекурить, приходилось подниматься на шесть этажей вверх и выходить на улицу, поэтому для перекуров я использовал любой подходящий повод. В измятой пачке «Сумеречных» по прежнему было шесть идеальных сигарет и, хотя чувство новизны уже давно прошло, я до сих пор не мог к этому привыкнуть. Попробовав поэкспериментировать, я узнал, что новая сигарета появляется в пачке только после того, как я докурю старую, но если я ее просто достану и положу, допустим, себе в карман, то новая не появится до тех пор, пока я не выкурю предыдущую. Или если она не исчезнет каким-то иным способом — однажды я одну сигарету случайно смял и раскрошил, и в пачке тут же появилась новая. Сигаретами я мог угощать кого угодно, но если они сразу не выкуривались, то «Сумеречные» могли незаметно исчезнуть у этого человека и снова появиться у меня в пачке. Сама пачка была очень приятная на ощупь, хотя и ужасно мятая. Ее невозможно было сжечь или утопить, она не реагировала на кислоты и щелочи, ее можно было бросить в грязь или забыть на скамейке, а на следующий день найти на том же самом месте, похоже, что на нее было наложено заклинание невнимания, и только я мог ее уви-

деть и забрать. Внутрь пачки можно насыпать, например, песок, но на качество сигарет это не влияло. Однажды я попробовал налить туда кофе, и спокойно выпил его, одновременно дымя абсолютно сухой сигаретой, которую из этого же кофе достал. Но вот стоило только сигарете покинуть пачку, как она становилась уязвимой ко всем внешним раздражителям — она легко сгорала или размокала, ее мог унести ветер или замести снег, сигарету мог поднять и выкурить бомж или затоптать случайный прохожий — вариантов было множество, но результат всегда один и тот же — как только сигарета переставала существовать физически, в пачке тут же появлялась новая. Я ужасно гордился своей тайной и тщательно ее хранил, особенно, перед сотрудниками Ночного Дозора — не хватало еще, чтобы мой артефакт отобрали для каких-то опытов.

Докурив, я поднялся наверх и, вежливо постучав, заглянул в кабинет к Гесеру.

Присутствовали практически все Светлые от первого уровня и выше, если не считать моей Нади, которая по прежнему полностью игнорировала Ночной Дозор. Ольга вопросительно посмотрела на мой карман, и я без лишних разговоров достал ей сигарету. Открыв форточку,

она впустила в комнату изрядную дозу свежего воздуха, который тут же озонировала с помощью прикуренной сигареты. Присутствующие дружно воздержались от замечаний Великой, тем более, что дым от моих сигарет нравился всем. Поморщился только Гесер, но и только.

— Антон, я не буду вдаваться в детали нашего сегодняшнего совещания, скажу лишь только о том, что посвящено оно было вампирам, которые снова начинают проявлять повышенную активность. Все идет к большой войне, и мы обязаны быть готовы к ней со всех сторон. От тебя нам нужно вот что — в архиве наверняка есть данные о том, кто и как боролся с ними на протяжении прошлых веков, какие применялись заклинания и как удавалось ограничивать их численность. Конечно, кое-что помню я, кое-что остальные, но даже нам не лишним будет освежить свою память. Архив у нас, как ты уже наверняка убедился, просто огромный. Все документы собирались веками, и в этих списках очень часто можно найти описания самых неожиданных событий. На Темных надежды мало, они до сих пор даже не установили, пропало ли у них что-то при взломе или нет. Так что будь добр, все упоминания о вампирах, об их образе жизни, их слабых и сильных

сторонах, о битвах, где они побеждали и, особенно, где проигрывали — буквально все мне на стол! Может у тебя уже есть что-то на примете?

Все выжидательно уставились на меня, а Ольга выпустила в мою сторону колечко дыма и, зябко передернув плечами, закрыла форточку. Окурок она, как обычно, просто растворила в воздухе. «Интересно, должны же они где-то выпадать, там уже целая гора их собралась! — подумал я. — Или она окурки в Сумраке прячет?»

— Борис Игнатьевич, так как до сих пор мне не ставились какие-то конкретные задачи, я занимался, в основном, обычными архивными делами, так что ничем пока порадовать не могу. К сожалению, даже Элен Киллоран не удалось полностью систематизировать все содержание нашего Архива, и мне нужно будет немало времени, чтобы хотя бы приблизиться к ее умению и мастерству. Я не знаю, сколько времени мне понадобится на решение вопроса о вампирах, но кое-какие мысли по этому поводу у меня есть.

— Какие? — без особого интереса спросил Гесер.

— Прежде всего, я считаю, что налет на архив Темных совершили именно вампиры.

— Откуда такая уверенность? — тут же заинте-

ресовался Гесер.

— Вы же помните, что чуть более двух лет назад Саушкин что-то искал в нашем архиве под видом Элен Киллоран. Я считаю, что искомое он не нашел и сейчас сделал попытку порыться в архиве Темных.

Гесер покрутил в пальцах карандаш, пожевал губами и решительно взялся за телефон.

— Кажется, мы поняли, кто взломал твой архив, — ехидно начал он.

— И..?

— Вампиры.

— У нас была такая версия, но мы не нашли мотива. У тебя он есть?

— Два года назад Саушкин рылся и у нас, но не нашел того, что искал.

— Я перезвоню, — сказал Завулон и отключился.

Не успел Гесер положить трубку, как телефон противно зазвонил — шеф специально не менял мелодию звонка, чтобы не было соблазна не брать трубку.

— Да?

— Как ты думаешь, у нас они нашли то, что искали?

— В вашем бардаке? Нет, конечно! — злорадно

ответил Гесер и с миной победителя положил трубку на место. — Теперь они сами все перероют, чтобы найти то, не зная, что. Продолжай, Антон.

— Мне нужно ваше разрешение на контакт с Костей Саушкиным, — медленно и членораздельно произнес я. Одинокая муха, упорно мешавшая всем в комнате, чуть не свалилась от воцарившейся тишины и поспешила спрятаться от греха подальше в одинокую паутину в углу. Все недоуменно посмотрели на меня.

— Я против! — мгновенно отреагировала Светлана.

— Погоди, — отмахнулся от нее Гесер. — Давай-ка поподробней, почему ты считаешь, что такой контакт будет нам полезным? — обратился он ко мне.

— ***Accidit in puncto, quod non contigit in anno*** — иногда в один миг случается то, на что не надеешься и годами. Дело в том, что я лучше всех вас знаю Костю. И даже лучше Темных. Одно время мы были чуть ли не друзьями, затем стали заклятыми врагами, а в истории с Шестым Дозором он даже помогал нам. Я не знаю, как он сейчас относится ко мне — нейтрально или ненавидит, потому что я дважды уничтожал его и развоплотил его отца. Но я уверен, что при любом раскладе

ему будет очень интересно встретиться со мной, во первых, для того, чтобы посмотреть, как живет Антон Городецкий-человек, а во вторых, проверить возможность что-либо выведать у меня. Он же не дурачок какой-то и поймет, что я буду делать то же самое. Я надеюсь, что в спокойной обстановке он скажет мне что-нибудь такое, что сможет дать нам решающее преимущество в предстоящей битве или я смогу узнать, что он до сих пор ищет.

— Я по прежнему против! — решительно заявила Светлана. — Антон, ты собираешься встретиться с нашим смертельным врагом, и последствия могут быть самыми непредсказуемыми! Он может убить тебя одним пальцем, ты понимаешь это?! Да и где ты собираешься с ним встречаться? Поедешь к нему на Рублевку?

— Нет, Света, у нас дома.

— Что?! Чтобы эта мразь, сосущая кровь у беззащитных людей, переступила через порог нашей квартиры? Да я его в порошок сотру! — Я невольно залюбовался Светланой, с которой можно было бы писать портрет валькирии.

— Я считаю, что это будет самым безопасным местом для встреч. А вот тебя с Надей дома дома быть не должно, — ответил я.

— Что?! — снова взвилась моя жена. — Теперь из-за этого кровососа я еще и в свою квартиру не имею права заходить! И где же ты мне жить прикажешь?

— ***Elephantum ex musca facis***. Света, ты делаешь из мухи слона! Борис Игнатьевич, — обратился я к Гесеру, который молча слушал нашу перепалку и что-то усердно прикидывал. — Я предлагаю дать Светлане Городецкой отпуск, тем более, что у нее больная мама, пусть поедет подлечит ее. А я тем временем постараюсь наладить отношения с Саушкиным, возможно, что-то и получится.

— Я помню, в 1924 году, сразу после смерти Ленина… — начал было Семен, но Гесер бесцеремонно его перебил.

— Как ни странно, твоя идея мне нравится. Света, — он жестом решительно остановил мою жену. — Твоя задача будет состоять в том, чтобы снабдить Антона максимальной защитой от воздействий со стороны вампиров вообще и от их Мастера в частности. Кое-что я затребую у Инквизиции, а ты попроси помощи у бабушек, я думаю, что они тоже не останутся в стороне. У меня к тебе, Антон, только один вопрос — как ты заставишь Саушкина прийти к тебе на встречу?

— Я собирался поговорить с Завулоном и попросить его связаться с ним по своим каналам.

— Решено, тогда прямо сегодня и начинай! Кстати, поиски в архиве тоже остаются на тебе!

Домой мы ехали молча. Светлана явно злилась и резко бросала машину из полосы в полосу, полностью игнорируя правила дорожного движения и все окружающие нас автомобили. У Семена научилась, что ли? Но я уже привык спокойно воспринимать ее манеру вождения — Светлые мне напомнили, что она автоматически просчитывает вероятности попасть в аварию, и нам абсолютно ничего не угрожает. Более того, ни водители, ни дорожная полиция нас попросту не замечали, но старательно уступали место и объезжали непонятно зачем пустое пространство, вот только дорожные камеры никак не удавалось обмануть, но после нескольких «писем счастья» с оповещением о начисленных штрафах, Светлана перед выездом с помощью магии меняла номер нашего автомобиля на номер одной из машин вампиров, и теперь все штрафы приходили им на Рублевку. Когда же за рулем был я, я старался ехать очень аккуратно и поэтому бывало часами торчал в московских пробках.

К нашему удивлению, в квартире оказалась

Надя.

— Мама, папочка, привет! Я ненадолго! — Она звонко чмокнула меня в щеку. — Мамочка, мне нужно срочно с тобой поговорить! Извини, папа, это наши девочкины секреты! — она схватила Свету за руку и уволокла ее в комнату.

«Уж не беременна ли она!» — ошалело подумал я и побрел в спальню переодеваться. А что? Она вполне могла решить, что делать мне особо нечего и для разнообразия можно наградить меня внуком или внучкой, чтобы я не скучал. Я попробовал прикинуть, готов ли я стать дедом, ничего не решил и начал прислушиваться к разговору. Было слышно, как за стеной Надя что-то очень решительно доказывает матери, но слов разобрать я не мог. Голоса Светланы слышно не было. Прождав около 20 минут я, решился зайти к ним в комнату.

— Девочки, я все-таки кушать хочу, пойдемте ужинать!

За столом Света была непривычно тихой и задумчивой. Она практически не участвовала в нашем разговоре, по-видимому, обдумывая то, что ей сказала дочка. Зато Надя не умолкала — она весело рассказывала об их с Кешей взаимоотношениях, жаловалась на то, что он много

времени проводит за своими «предсказаниями», с которыми затем бежит ко мне, поделилась, что надолго собираются за границу, хочется, мол, побольше повидать, пока нет детей. Я посоветовал ей кругосветное путешествие, но она мне ответила, что на это они пока не рассчитывают, не хватит ни времени, ни средств, а обращаться лишний раз к прадеду не очень то хочется.

Пообщавшись еще около часа, Наденька снова чмокнула нас в щечки и упорхнула к счастливчику Кеше. Света нежно коснулась моей руки:

— Надя убедила меня, что твое решение правильное и я обязана оставить тебя наедине с этим кровососом.

— Но откуда она узнала?! На совещании она не была, мы сразу же приехали домой…

— Не забывай, что наша дочь — Абсолютная волшебница. Даже я не всегда могу понять ее и не до конца знаю ее возможности. Она говорит, что мы обязаны оставить тебя одного, и не просто быть рядом, а совсем наоборот, уехать как можно дальше, иначе Саушкин вряд ли окажется в нашей квартире, а это почему-то очень важно. Пока он еще не набрал свою максимальную силу, ему еще нужно время и армия, он очень боится нас с Надей и вряд ли пойдет на контакт. Поэтому Надя

с Кешей открыто улетают на другой конец света и сделают все возможное, чтобы постоянно быть на виду у тех вампиров, которые будут приставлены к ним для слежки. Мне же достаточно просто уехать к маме, как ты и предлагал. — Она подняла мою руку и прикоснулась к ней щекой. — Антон, я очень люблю тебя, даже если в последнее время тебе могло показаться иначе. Нам выпало очень серьезное испытание, возможно, что такого еще никто в мире не переживал, кроме нас. Молчи! — она приложила пальчик к моим губам, заметив, что я собираюсь что-то сказать. — Мне очень не хочется оставлять тебя одного, но Надя утверждает, что это необходимо для нашего общего блага. Поэтому не обижайся, но завтра я уеду к маме в деревню, — на ее глазках заблестели слезы.

Я молча встал, взял ее на руки и унес в нашу спальню.

Вскоре все мои девочки разъехались, и я остался наедине с самим собой. Зная, что дома меня никто не ждет, я часто, чуть ли не каждый день, допоздна задерживался на работе. Поиски архивных данных о вампирах возбуждали меня и заставляли забыть про сон и еду, я буквально заставлял себя попить чая с бутербродом и немного поспать прямо здесь, в Архиве. Я забросил преж-

ние свои поиски, но, к сожалению, ничего нового найти пока не мог. На самом деле, сообщений о вампирах было множество. Чаще всего они носили летописный характер — где, когда и сколько людей погубили вампиры, сколько вампиров погибло в схватках с магами, какие заклинания применялись и какие потери были среди мирного населения. Я систематизировал эти данные в одну таблицу, получилось довольно познавательно, но из нового почти ничего. Оказалось, правда, что во времена Великого Переселения Народов, когда волны скифов, сарматов, гуннов, мадьяр, татар и прочих племен волнами накатывали из азиатских степей на Европу, существовала и обратная волна. Волна вампиров с Запада на Восток. В столкновениях между собой, как не странно, всегда побеждала дикая степная сила и менее цивилизованные отряды неизменно отбрасывали вампиров на прежние позиции, вот почему в России они появились намного позже, чем, скажем, во Франции, уже во времена Василия III. Был, правда, очаг вампиризма в Хазарском каганате в низовьях Волги, куда вампиры попали в числе евреев-переселенцев из Персии, но после разгрома Хазарии Киевским князем Святославом, который оказался не инициированным Иным,

они были полностью вырезаны и весь регион вновь возвратился людям. В те дни вампиры одинаково часто конфликтовали как с Темными, так и со Светлыми, и лишь после нескольких глобальных поражений жалкие остатки их армий вынуждены были вступить в Дневной Дозор. Вампиров опустили до самых низов иерархии Темных Иных, им ограничили пищу и размножение, и долгие годы, века, они вынуждены были с этим мириться. Из заклятий чаще всего против них применялся Серый Молебен, который на большой мощности не только развоплощал вампиров, но и ломал кости всем окружающим. Вот почему маги старались использовать его точечно и очень осторожно. Это все было интересно, но идти с такими мелочами к Гесеру было смешно, поэтому я тщательно обследовал самые дальние углы Архива, но все пока безрезультатно.

Эта шкатулка стояла на самом видном месте, но меня почему-то не покидало ощущение, что раньше ее здесь не было. Правда, моя память в последнее время часто меня подводила, посылая несуществующие воспоминания и затирая реальные. Но ведь в самом деле — не мог же я раньше не заметить этого произведение искусства — деревянную шкатулку с изумительной

резьбой, которая, казалось, не стоит на полке, а слегка парит над ней и подсвечивается мягким голубым сиянием? Долгое время я просто проходил мимо, потому что мне казалось, что то, что на самом деле искал в нашем архиве Костя Саушкин, должно находиться в самых дальних его уголках. Но когда мои поиски фактически зашли в тупик, я не выдержал, принес стремянку и осторожно перенес шкатулку к себе на рабочий стол. Под светом настольной лампы ее сияние стало менее заметным, наверное, на улице оно не заметно совсем, зато появилось какое-то мерцание, от которого нелегко было отвести взгляд. Не помню, сколько времени я ее рассматривал, изучая каждый завиток, каждый штрих мастера, сотворившего такое чудо. Отвлек меня только звук открывающейся двери, оказалось, что ко мне снова зашел Лас.

— Привет, Антон!

— Привет, Лас! Рад тебя видеть!

— Чем занимаешься? Может, по пиву?

— Ты знаешь, пока что-то не хочется. Вот, нашел на полках, теперь сижу изучаю. — Я указал ему на шкатулку.

— А что тут может быть интересным? — спросил Лас и взял листок, на котором шкатулка

стояла. Я пораженно смотрел, как его рука свободно прошла сквозь твердое дерево — Обычный санскрит, перепись Темных Иных за 15 век, рутина, ничего нового. — Он зевнул. — Устал после дежурства, — объяснил он мне. — Так как насчет пива?

— Наверное, пока никак, — я старался не выдавать своего волнения, но голос все равно предательски дрожал.

— Никак, значит, никак. — Легко согласился Лас и снова зевнул. — Тогда, дружище, извини, угости меня сигареткой, если у тебя найдется, и пойду-ка я лучше отдыхать. — Лас никогда не ленился пройти лишний раз вверх-вниз шесть этажей по ступеньках, лишь бы попросить у меня закурить.

Дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, я снова взглянул на шкатулку. Неужели ее вижу только я? Или это происки Сумрака и никакой шкатулки на само деле нет, а есть только жалкие галлюцинации бывшего Великого Иного? Я коснулся ее и легонько погладил слегка шершавую, в узорах, боковую стенку, на которой явно просматривалась вертикальная полоса. Точно такая же полоса была и на других трех стенках. Да нет же, вот она, вполне реальная! Я порылся в

каталоге Киллоран, но никакая шкатулка в нем не значилась, а место на полке обозначалось как пустое. Получается, что она сама собой появилась здесь только в последнее время? Или наступил какой-нибудь условный час Х, когда она должна была проявиться? Но почему тогда ее никто не видит?

И вдруг я все понял. Лас не видел ее потому, что он Иной. По этой же причине ее не видели Саушкин в образе Киллоран, сама Киллоран и тот Антон Городецкий, который был Высшим магом. Почему-то только люди были способны увидеть ее и воспользоваться. Но снова возникал вопрос — почему и зачем?

Я слегка приоткрыл крышку, которая поддалась необычайно легко, как будто давно этого ожидала. Из образовавшейся щели показался мягкий голубой туман, он медленно выполз наружу и голубым светом окутал всю шкатулку. Я невольно отпрянул и насторожился, но больше ничего подозрительного не происходило, если не считать того, что крышка и дальше продолжала открываться. Заглянув во внутрь, я обнаружил, что она почти доверху заполнена какими-то бумагами. Я взял несколько верхних листочков. Это оказались записи князя Евгения Павловича

Долгорукого, сделанные им летом 1854 года в городе Санкт-Петербурге. Он сообщает, что его дядя, Дмитрий Иванович Долгоруков, будучи полномочным министром в Персии с 1845 по 1854 год, по возвращению в Россию привез очень занимательную шкатулку и попросил его, своего племянника, сделать перевод бумаг, которые в ней находятся. Будучи знатоком арабского языка, он практически без труда перевел текст, написанный, как оказалось, великим арабским историком VIII века Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтот, чьи исторические труды чрезвычайно ценились и сами по себе уже стоили немалых денег, но вот основной документ был написан на неизвестной ему разновидности арамейского языка, и никто из его знакомых лингвистов даже не знал, на какой. Текст же первого документа гласит следующее:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

В месяц Мухаррам год 48 от Хиджры случился черный мор недалеко от Куфы, но еще чернее было в самом городе. Тучи летучих мышей наполнили улицы, не давая пройти ни днем ни ночью, и очень удивительными были эти твари, потому что не боялись они нападать на горожан и пить их кровь. Стали опасаться люди из домов своих

выходить, и продолжалось это до месяца Сафара, когда Аллах, да святится имя Его! прислал своего Великого Воина, который стал на центральной площади Куфы и прокричал громогласным голосом, чтобы жители все заперлись в домах своих и не разрешали никому чужому входить к ним в дом, и останутся тогда они живы, а он уничтожит всех, кто остался на улицах. Спрятались перепуганные горожане, и только в крошечные щели видели, как черная тьма надвинулась на площадь, и некоторые летучие твари вдруг начали превращаться в обнаженных людей, и это было страшно. Но лишь смеялся громогласно Великий Воин, и от смеха его рушилась темная стена и падали на колени его враги. Все павшие превращались в пыль, и, когда пал последний враг, поднял он смерч до небесных вершин, а затем забросил этот смерч в самую середину песчаной пустыни и каждую пылинку смешал с миллионом песчинок, которые рассеял затем по всей пустыне. И сказал Великий Воин кому-то невидимому: — А теперь попробуй, собери их! — и снова радостно засмеялся громогласным смехом.

С опасением выходили горожане из своих домов, очень медленно собирались они на площади вокруг Великого Воина. Но терпеливо ждал Он,

пока они соберутся все, и лишь тогда начал речь свою.

— Сегодня повезло вам и городу вашему, потому что вовремя узнал я о вашей беде и успел спасти вас. Но не надейтесь, что они ушли навсегда! Эти твари как сорняк ползучий, их очень тяжело вывести, и они очень легко возрождаются. Запомните все — никогда не разрешайте незнакомому путнику входить в ваш дом, потому что получит он при этом власть над вами, но если уж вошел он непрошеный, то не страшен он вам, накормите и омойте ноги его, и спать уложите на лучшей постели вашей. Только робкий гость, который не посмеет войти в дом ваш без разрешения вашего, на самом деле страшнее самого свирепого дэва. Я не всегда смогу оберегать и спасать вас, в следующий раз я могу быть на тысячу дней пути от Кафы и надеяться вам придется только на самих себя. Но, во имя Аллаха, я оставлю вам эту шкатулку, и заклинание, заключенное в ней, сможет помочь вам в новой войне. Семь дней и семь ночей вам нужно будет молиться Аллаху и накладывать заклинание на избранного, который станет новым Великим Воином и снова спасет ваш город. Только мудрейший из мудрейших сможет прочесть это заклинание, и наложить

печать на сердце самого достойного, который сможет его принять. Никто, кроме человека, не сможет заглянуть внутрь, никто, кроме вас, не сможет взять и сохранить эту шкатулку. — Он обвел взглядом толпу и подозвал мальчишку, отца отца отца моего, да будет мир ему!

— Твоя семья будет хранить ее века и передавать из поколения в поколение. И случится в твоей семье великий ученый, который сможет с ваших слов записать события сегодняшние, так пусть же эти записи тоже хранятся в этой шкатулке, пока не придет их время. — с этими словами передал он шкатулку мальчишке и растворился в белом тумане.

И вот теперь я, Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтот, записываю рассказ об этих событиях со слов своего отца, который тоже слышал об этом от своего отца, и тот тоже от своего. Но не смог я перевести заклинание, потому что написано оно на очень древнем языке, похожим на арамейский, но для знаний которого не хватает мудрости моей.»

Наверное, это было как раз то, чего ждал от меня Гесер. но, вместо того, чтобы тут же бежать к нему со своей находкой, я задумался. Еще раз перечитав перевод, я остановился на той его части,

где Великий Воин разговаривает с горожанами, и тут до меня дошло — возможно, что заклинание, заключенное в шкатулке, превращает человека в Иного и дает ему магическую силу для борьбы с вампирами!

Дрожащими руками я достал из шкатулки свиток пергамента, на котором уважаемый историк изложил свой рассказ, и тщательно осмотрел его. Выглядел свиток практически как новый, по видимому, шкатулка создавала необходимый для сохранения микроклимат, и здесь не было ничего удивительного, с подобными вещами мне уже приходилось сталкиваться даже в своем архиве. Отложив свиток, я хотел достать листочки, на которых было написано само заклинание, но они, как будто услышав мое желание, один за другим воспарили из шкатулки и мягко спланировали передо мною на стол. Семь листов пергамента были исписаны знаками, среди который я не мог выделить ни букву, ни слово, какая-то странная вязь, которую не смог расшифровать даже великий арабский ученый. Мне же предстояло как-то справиться с этой задачей, но вот как? Дать прочесть Светлане, которая, возможно, сможет это сделать с помощью Сумрака? Но как она это сделает, если листки пергамента будут

невидимы для нее? Я посмотрел на ксерокс — а вдруг получится? — и по очереди сделал копии с каждой странички. Древние явно не знали, что в будущем будет произведена такая машина, и у меня получились аккуратные и красивые копии. Оставалось только позвонить Светке в село, и дождаться, когда она приедет и прочтет их.

Еще арабский историк писал о какой-то печати, которую нужно наложить на сердце избранного. Я снова заглянул в шкатулку и невольно вздрогнул — на самом дне лежала черная мужская кисть. Высушенная и мумифицированная, она внушал мне мистический ужас, и я долго не решался взять ее в руки. Наконец, собравшись с духом, я все-таки взял ее и поднес к настольной лампе, чтобы получше рассмотреть. Неужели это и есть та самая печать?! Но не успел я обдумать эту мысль, как кисть рассыпалась в мельчайшую пыль, а невидимый магический пылеулавливатель тут же удалил ее из архива. А я так и остался растерянно стоять у пустой шкатулки. Что это? Злой рок, судьба или обычная случайность? А может, это так забавляется Сумрак и радостно хохочет сейчас над моей неудачей? Еще пару часов назад у меня не было ничего — ни данных о вампирах, ни свидетельств о том, что существует

хоть какая то возможность снова стать Иным. Еще не факт, что моя находка решила бы мою проблему, но утеря кисти просто убивала на корню все мои надежды. Оставалось, правда, еще заклинание, но его еще нужно было расшифровать, и я чувствовал, что даже это будет непросто сделать.

Перечитав перевод в третий раз, я остановился на названии города. Кафа. Мне показалось, что где-то я уже встречал упоминание об этом населенном пункте, вот только где? Я бросился к записям Чаба Ороша. Точно, вот же оно — автор с гордостью перечисляет города, которые когда-либо полностью находились под контролем вампиров! Читая текст, я не обратил особого внимания на это упоминание, но в памяти это отложилось и сейчас очень пригодилось мне. Среди десятков поселений, многие из которых сейчас уже не существуют, как, например, египетский Пелузий из восточной части дельты Нила, в списке был даже огромный Константинополь! Проследив хронологически и географически время и место захвата городов, я обнаружил, что они почти на 100 % совпадают с ареалом Юстиниановой чумы, охватившей всю территорию цивилизованного мира того времени и проявлявшуюся в виде отдельных эпидемий на протяжении двух веков с

541 по 750 года. Что это, неужели вампиры были распространителями чумы?! Поразмыслив над этим вопросом, я все-таки отбросил такую вероятность — вряд ли мертвая нечисть может служит переносчиком хоть какой-то заразы. Тогда что? А вдруг они просто следовали за чумой, чтобы скрытно и незаметно, на фоне огромной смертности, безбоязненно пить человеческую кровь?

Я нашел в интернете признаки заболевания чумой и поразился тому, что до сих пор никто не обратил внимания на очень интересную деталь! Вот что написано о ней в современной Википедии: «Особенный ужас наводила на современников первично-септическая чума. Внешне здоровый человек при ней погибал в тот же день, причем до появления каких-либо клинических признаков.» Ну разве не понятно, что большая часть таких смертей происходила по вине кровососов, но современники списывали все на чуму!

Когда-то Элен Киллоран рассказывала мне, что в нашем Архиве содержатся порой уникальные летописи, в которых раскрываются исторические данные, неизвестные ученым. В качестве примера она приводила мне Георгия Амартола. Считалось, что его «Хроники» состояли из четырех книг, но у нас их было на одну больше. Пятой

книгой, о которой никто не знал, была «История Константинополя», и мне срочно понадобилось ее пересмотреть, в переводе, конечно. Найдя главу об исторических событий 544 года, я вынужден был прочесть ее несколько раз, прежде чем до меня дошло, что описание почти полностью повторяет то, что написал в своем свитке Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтот! Жители, боящиеся выйти на улицу, огромные тучи летучих мышей и, что самое главное, Избавитель, который изгнал из города этих тварей! Но ни слова о шкатулке…

Кое-как приведя в порядок свои мысли, я решил, что в первую очередь обязан доложить о находке Гесеру, но пока только об «Истории Константинополя». Вопрос о шкатулке я решил отложить на более позднее время, мне еще предстояло обдумать, что делать дальше с ней и с заклинанием.

Поиск и обработка документов в архиве занимали столько времени, что порой, заканчивая работу, я с трудом мог поверить, что уже второй час ночи и все нормальные люди давным давно крепко спят. Как, например, сегодня. Но Гесер очень часто засиживался допоздна в своем кабинете, да и нормальным человеком назвать его

можно только с большой натяжкой, поэтому я, не мешкая, помчался к нему с докладом о своей находке.

Конечно же, он еще был на месте. Закончив все свои неотложные дела, Борис Игнатьевич мог себе позволить снять официальный костюм и облачиться в более привычный для него просторный узбекский халат. Ненавистный галстук валялся на столе, зато ноги в любимых поношенных тапочках были любезно выставлены на общее обозрение. Выглядел он уставшим, но, тем не менее, очень собранным, по видимому, события последних дней не давали ему возможности нормально расслабиться даже после 20-часового рабочего дня.

— Да, здравствуй, Антон. — ответил он на мое приветствием, — что там у тебя?

— Борис Игнатьевич, — начал я. — Выполняя ваше поручение по поиску всех данных, касающихся вампиров, я столкнулся описанием очень интересных событий, которые могут вас заинтересовать.

— Ну?

— Я обнаружил, что вампиры очень часто следовали за вспышками чумы. Вряд ли они являлись разносчиками болезни или болели ею,

скорее всего, под прикрытием пандемии они занимали целые города и высушивали тех, кому удавалось уцелеть.

— Хм… вполне вероятно, но что это нам дает?

— Да, сам по себе факт интересен, но не более. Но поразительно другое — всегда находился кто-то, кто шел у вампиров по следу и выбивал их из занятых городов!

— До сих пор я не встречал письменных указаний на подобные события, — враз насторожился Гесер. — Где ты встретил подобные упоминания?

— В записках Георгия Амартола и Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтота, — без запинки ответил я. Не знаю, знакомы ли шефу эти имена, но он и глазом не моргнул, услышав их.

— И как же они это описывают?

— И тот и другой указывают, что во времена чумы в городах появляются полчища летучих мышей, которые начинают терроризировать людей, выпивая у них кровь. И продолжается это до тех пор, пока не появляется какой-то Великий Воин или Избавитель, который уничтожает всех кровопийц и освобождает город.

— А от болезни он лечил?

— Не знаю, — был вынужден признать я. — Об

этом авторы умалчивают.

Выслушав мой рассказ, Гесер надолго о чем-то задумался, и сразу стало заметно, как же он все-таки устал и осунулся. Посидев еще немного неподвижно, он поднялся, подошел к окну, устало облокотился на подоконник и долго долго смотрел на любимый ночной город, город, который, наверное, никогда не спит. Дороги, очистившиеся от постоянных вечерних московских пробок, все равно были наполнены автомобильными огнями, а ленивые светофоры по прежнему решали, кому ехать, а кому еще придется постоять. Смог потихоньку рассеивался, как будто огромный ночной дворник включил свой мощный пылесос, очищая воздух перед новым рабочим днем. Но вряд ли в этот момент Гесер видел Москву. Что-то неуловимо изменилось в его облике, в его лице еще больше стали заметны азиатские черты, а взгляд стал каким-то отреченно печальным, мне показалось, что своей находкой я всколыхнул в нем старые, почти забытые воспоминания, и, возможно, сейчас перед его глазами проносились картины далекого прошлого, а не реальные огни ночного города. Постояв еще немного, он вернулся в свое кресло.

— Ты провел хорошую работу, Антон. — начал

он. — До тебя никому еще не удавалось найти письменные свидетельства о Великом Охотнике, Уничтожителе Вампиров, и только самые старые Иные помнили о его существовании. Может тебе просто повезло, а может… — он не закончил свою мысль и снова задумался.

— Действительно, на протяжении ранних веков подобные сражения случались неоднократно и только так можно было остановить вампирскую экспансию. В те времена Охотник, Избавитель или Великий Воин, как ты его называешь, нередко пользовался большим скоплением вампиров в одном месте и уничтожал всех, до кого мог дотянуться. Возможно, именно благодаря Охотнику, нынешние вампиры не любят собираться большими группами, история их эволюции показала, что намного лучше они выживают поодиночке, медленно наращивая свою популяцию за счет новообращенных. Но я хочу, чтобы ты понимал суть происходящего, начало начал, почему кто-то, какой-то мифический Охотник, занимается истреблением целой ветви Иных, и никто, ни Темные, ни Светлые, ни Инквизиция не могут ему ничего противопоставить. Эту историю знают далеко не все, но ты все равно роешься в архиве и неизвестно, что еще ты там найдешь и

в каком виде, так что лучше ты услышишь мою интерпретацию, тем более, что ты уже просто обычный человек, — мимоходом он достаточно больно уколол меня, но даже не заметил этого.

Я замер в ожидании.

— Несколько тысяч лет назад в древней Месопотамии, еще в дошумерский период, была небольшая деревня, названия которой уже не сохранилось в анналах истории. Деревня была процветающей, жители ее занимались в основном скотоводством, успешно отбивались от нападений жадных соседей, строили новые глиняные дома и размножались. В общем, как практически все в те времена. Плодородные и малонаселенные земли давали хорошие урожаи, тучные стада обеспечивали всех мясом, шкурой и шерстью, и будущее было счастливым и безоблачным. Никто не подозревал, что происходило так во многом благодаря старосте поселка, который был Иным, но в те древние времена Иных было так мало и они были так разобщены, что даже не понимали, что значит быть Иным. Одним только своим присутствием староста отгонял захватчиков и вредителей, вовремя призывал дожди, но не предполагал, что это все его рук дело. Не знал он силы своей, никаких рангов, естественно, еще

не было, и все, что происходило вокруг него считал он дарами Сумрачного Духа, который иногда приходил к нему в сны и беседовал с ним.

Гесер сделал небольшую паузу, удобней облокотился на спинку кресла, закрыл глаза и продолжил. Его речь становилась все пластичней и напевней, он как будто читал чей-то древний текст, соблюдая неслышимый мне ритм и паузы. Что-то мне это напоминало, но я пока не понимал, что.

— Но не торопился Сумрачный Дух обучать старосту мудрости своей, долго присматривался он к нему и только изредка преподать он мог крохи Истины сумрачной, недоступной для всех остальных живущих.

— И вот явился однажды Сумрачный Дух в ночной сон старосты деревенского и сказал ему так: — «Очень скоро к деревне твоей племя новое явится. Поведаю я тебе, что нет никого на земле милее их для меня, ибо это дети мои от духа моего. Издалека идут они к тебе по звездам, которыми я путь им проложил, как мог поддерживал я их и помогал дойти им до селения твоего, и теперь ты обязан приютить их. Разреши войти им в дома твои, ибо древнее тебя они и семьи твоей.»

— С благоговением слушал староста слова Бога

своего и радовался, что новые люди прибудут в селение его, и новая кровь вольется в кровь жителей деревни его.

— И действительно, всего через два дня и две ночи новое племя из тринадцати человек прибыло к селению его. Были тощими они и оборванными, и только темные голодные глаза выделялись на скуластых лицах их. Удивился староста, что плохо так Сумрачный Дух заботился о детях своих, но ничего не стал он говорить об этом, а сказал только, что очень рад видеть их и двери домов деревни его теперь всегда открыты перед ними.

— Ибо не знал тогда староста, что без разрешения его не смогли бы гости его войти в любой дом селения его.

— И поселил их староста у одной вдовы, муж которой утонул в бурной реке в период половодья, и велел он вдове накормить и напоить их, для чего лично зарезал барана для еды им.

— И стали они жить у вдовы, похорошели, поправились, но заметили жители, что через некоторое время летучие мыши-кровопийцы появились в краях их. По ночам начали нападать летучие мыши на животных, и поначалу только кровавый след оставался на шее у баранов. Походит такой баран вялыми несколько дней,

отъестся на зеленой траве, и снова бодрый он и крепкий. Но прошло несколько лун и начали находить овец высушенных полностью. Даже староста не мог понять, откуда напасть приключилась такая и хотел попросить он Бога своего, Сумрачного Духа, помочь и уберечь стадо от кровопийц залетных. Но не захотел Сумрачный дух разговаривать с ним и лишил он старосту сна его. Стал староста ночами деревню охранять, пытаясь кровопийц ненасытных отогнать, и заметил он тогда, что вылетают они из дома, где племя новое поселил он. А утром, войдя в дом этот, увидел он вдову, которая на полу лежала полностью высушенная и мертвая. И закричал он страшным голосом своим, но только насмешливо смеялись в лицо ему сытые и наглые дети Бога его. И упал он в беспамятстве, и пришел к нему, наконец, сон блаженный, и во сне явился к нему Бог его снова.

— Но что тебе до односельчан своих? — вопрошал Сумрачный Дух — Обычные люди, просто стадо, созданное для пропитания детей моих. Не забывай, что ты тоже Иной, создание мое, и хочу я видеть как ты служишь мне и насколько ты верен мне. И за службу твою верную, за то, что приютил и накормил ты детей моих, награжу я тебя по желанию твоему, но сейчас ты должен

видеть и чувствовать все нутром своим и забыть, что такое сострадание к людям!

И сделал Сумрак так, что не мог староста пошевелить ни руками ни ногами своими, и мог он только взирать молча на происходящее, сидя у двери дома своего. И не согревало жаркое солнце его, ибо стыла кровь в жилах от увиденного. Вырезали вампиры сначала все стада, что в деревне были, а затем принялись и за людей. Шли дни за днями, и не мог староста уснуть ни на минуту, и не смел он глаза закрыть ни на миг, а вынужден был смотреть, как даже среди белого дня вампиры пьют кровь соплеменников его. До поры до времени не трогали лишь семью его. Хотел закричать он, но не было звука в крике его, и хотел заплакать он, но не было слез в глазах его. И не мог он сделать ничего, потому что не знал, как противостоять Сумраку и детям его. И вот пришел час, и когда в деревне остались только он и семья его, зарезали вампиры и всю его семью, и только он один остался неподвижно сидеть, как памятник, на одном месте, ожидая участи своей. И лишь тогда смог он снова закрыть глаза свои, уснуть на миг и незримый Сумрачный Дух снова вошел в него.

— Ты хорошо служил мне до прихода детей мо-

их, ты хорошо принял их и впустил в дома свои, но не справился ты со службой своей мне после их поселения. — промолвил Сумрачный Дух. — За это будешь ты и вознагражден, как обещал я, но и наказан будешь тоже, ибо не принял ты воли моей. — Сумрачный Дух сделал паузу. — Итак, чего хочешь ты от повелителя своего?

Не сразу произнес измученный староста желание свое, но, когда он начал говорить, оказалось оно очень коротким и очень простым.

— Хочу я, чтобы любое ремесло и любое умение, которые есть сейчас и которые будут в будущем, я умел делать лучше всех остальных и людей, и Иных.

— Странно звучит твое желание в последние мгновения твои, но да будет так! — отвечал Сумрачный Дух и тут же растворился сам в себе.

Не вник Сумрачный Дух в суть этого самого заветного желания слуги своего, и не смог он понять, к чему привести может оно. А староста поднялся и в одно мгновение испепелил стоявших перед ним пятерых вампиров. Ведь в один миг постиг он, как лучше всего уничтожить врагов его, познал он все заклинания, которых боятся вампиры, и лучше всех на свете теперь он мог использовать их. И пошел он затем в дом

вдовы, и нашел он всех остальных вампиров там. Обездвижив всех, начал сжигать он их постепенно, медленно, по одному, испытывая сожаление лишь от того, что поторопился он уничтожить первых пятерых и не могут видеть они, как пожирает он огнем своим соплеменников их. Огромное волнение прошло по Сумраку, взрыв магии и боли заставил Сумрачного Духа снова вернуться в селение, где, как он считал, ему уже делать нечего. И поразился Дух всему увиденному, и поднял он павших вампиров из праха и приказал он им уничтожить старосту. Быстрее тени взвились крылатые кровопийцы над головой старосты, но успел укрыться он Щитом и от вампиров крылатых и от самого Сумрачного Духа, а затем применил против них заклинание Разящих Мечей, и посек их на мелкие куски, которые кровавым дождем упали к ногам его. Поднял он отрубленную кисть мужскую и оставил себе, а над остальными останками провел он рукой своей и снова превратил в прах. Взял он тридцать кувшинов, и мгновенно весь пепел взвился выше крыш и с оглушающим воем влетел в открытые жерла.

— Так будет надежней. — сказал он тихо и застыл на месте. Чувствовал он, как вокруг

клубится Сумрак, Сумрак кровожадный, враждебный, жаждущий мести, но бессильный и не способный ничего противопоставить силе его. И тогда он сам вошел в свою тень, но испугался его Кровавый Бог и еще глубже вошел сам в себя. Но староста не отставал и продолжал погоню до тех пор, пока снова не оказался в обычном мире. Так родились слои Сумрака, и понял староста, что не сможет он убить злого Бога, потому что суть мироздания он.

— Ты, наверное, не знаешь, Антон, — сделал отступление Гесер. — что, не имея физического тела, Сумрак не способен на действия в физическом мире. Именно поэтому, намного позже после этих событий, Сумрак научился производить Двуликих и Тигров, с которыми ты уже был знаком.

Я молча переваривал услышанное и до конца не мог поверить, что все это — правда.

— Борис Игнатьевич, вы разрешите мне записать это с ваших слов и поместить в наш Архив?

— Итак, продолжим. — Гесер сделал вид, что не услышал меня. — Вернувшись в реальность, он собрал все кувшины с прахом вампиров и, не оглядываясь назад, пошел в сторону Великой реки Тигр. Наложив на кувшины трехтысяче-

летнюю печать, забросил он их далеко в пучину великой реки, а сам пошел по землям, городам и странам, уничтожая всех ненавистных вампиров на своем пути.

— То, что ты нашел, Антон, это уникальные записи о существовании Великого воина, странно только, что никто до тебя их не обнаружил.

— Не там искали, Борис Игнатьевич. Похоже, что кто-то специально вычистил все упоминания о нем, и только в городских летописях остались короткие упоминания об Избавителе.

Гесер вздохнул.

— Вот так все, вероятно, и было, Антон. Да вот только последние лет сто не слышно об Охотнике ничего, хотя я уверен, что он живой, но сам скрывает свое местоположение.

— Борис Игнатьевич, — наконец и я подал свой голос. — Что-то подобное я уже когда-то читал, мне кажется, что все это похоже на Книгу Иова из Библии. Вам так не кажется?

— Мне никогда ничего не кажется! — отрезал Гесер. — Библия была написана намного позже, и легенду об Иове исказили, переврали под себя и просто включили в текст Ветхого Завета.

— А вот имя сохранили… — немного помолчав, добавил он.

— А откуда у вас такая уверенность, что он жив? — задал я второй вопрос.

— Хм… — Гесер внимательно посмотрел на меня, как будто видел в первый раз, но все-таки решил идти до конца. — Иов был моим учителем. Это он инициировал меня, и я бы почувствовал, если бы он умер.

Выйдя на улицу, я закурил и начал по новой прокручивать в памяти прошедший разговор. А вдруг Сумрак все-таки дотянулся до праха вампиров и снова оживил их, а спустя тысячи лет арабы начали вылавливать кувшины с обезумевшими от долгого заточения джиннами, повести о которых затем вошли в «Сказки Тысячи и одной ночи»? — пришло мне в голову. Нужно будет спросить у шефа в следующий раз

А еще благодаря рассказу Гесера я догадался, что печатью, которой закреплялось заклинание, была отрезанная кисть вампира. Чем черт не шутит, возможно мне удастся заменить одну печать на другую и, произнеся заклинание, снова стать Иным? То ли утренняя прохлада подействовала, то ли от одной этой мысли меня пробил озноб, я решил, что так и заболеть можно, и снова спустился к себе в Архив — домой идти уже слишком поздно, да и что я там потерял?

Оставался еще вопрос с заклинанием, поэтому, не откладывая в долгий ящик, я набрал Светлану. Ответила она мгновенно — по ее словам, она задолго до звонка знала, что я позвоню, даже как сейчас, ранним утром.

— Привет, мое светлое солнышко, — поприветствовал я жену.

— Привет, Тошка! — ответила она. — Ты почему не спишь?

— Понимаешь, я тут интересный свиток нашел, но написан он на каком-то очень древнем языке, и мне нужна твоя помощь, чтобы перевести его.

— Нет.

— То есть как нет? — опешил я. — Ты думаешь, что у тебя тоже не получится?

— Нет означает то, что все должен сделать ты сам — ни я, ни Надя, никто другой из Иных не должны принимать в этом участия. Любое наше вмешательство может резко изменить ситуацию в Москве и, скорее всего, не в лучшую сторону.

— Что же мне делать? — растерянно спросил я.

— Все, что ты посчитаешь нужным. — голос жены смягчился. — Поверь, я бы с удовольствием разорвала сейчас пространство и оказалась бы рядом с тобой. Я бы разогнала всю нечисть вокруг, помогла бы найти тебе самого себя, расшифро-

вала бы все твои загадки, все, что угодно, лишь бы быть с возле тебя, чувствовать твое дыхание. Но Надя мне категорически это запретила, а ей я верю больше, чем себе. Поэтому держись, любимый, как только придет время, я обязательно окажусь рядом, но пока я вынуждена быть здесь.

Я был огорчен, но старался не показывать этого. Хотя, кого я обманываю — Светлана и на расстоянии прекрасно чувствовала все мои переживания.

— Как мама? — попробовал я перевести тему разговора.

— Спасибо, я почти поставила ее на ноги, и ее конечно поддерживает мое присутствие. Думаю, что вскоре я смогу ее покинуть, но не раньше, чем мне разрешит наша дочка.

— Хорошо, передавай ей привет от любимого зятя, пусть выздоравливает!

— Спасибо, Антоша, только я внушила ей, что никакого зятя и внучки у нее нет, иначе тяжело было бы объяснить, почему вы так долго к ней не приезжаете.

— Думаешь, так будет лучше?

— Конечно, поверь мне.

Разговор со Светой помог мне понять, что у Нади есть какой-то план и главным звеном в этом

плане был я. Я не понимал, что должно получиться в конце, но не доверять дочери, Абсолютной Иной, у меня не было никаких причин. Это план предусматривал полную свободу действий с моей стороны, даже не смотря на то, что я не знал, что мне делать дальше. Зато у меня появились зацепки сразу в двух направлениях моих поисков, и если с переводом предстояло еще разобраться, то информация по вампирам появилась вполне определенная, и я решил позвонить деду — все-таки вампирский вопрос интересовал Темных в той же степени, что и Светлых, и не будет ничего плохого в том, что я передам им ту же информацию, что только что озвучил Гесеру.

— Привет, Завулон! — сказал я в трубку. — Свободен? Есть желание пообщаться?

Глава 3

Я уже так привык к тому, что дома меня никто не ждет, что в погожие дни предпочитал покурить на лавочке у подъезда после работы, чем подниматься в свою пустую квартиру. Ко мне привыкли и начали узнавать всевидящие бабушки, соседи, проходя, здоровались, а я, в свою очередь, обнаружил, что у нас во дворе есть, как минимум, три очень колоритные личности. Все они уже давно были пенсионерами но, имея кучу свободного времени, не просиживали целыми днями у телевизора, а образовали свою небольшую шарашку, ремонтируя в гаражах любую домашнюю технику. К ним тащили все — телевизоры, микроволновки, электрочайники, кофемолки и даже электробритвы советского образца. Громоздкие холодильники и стиральные машинки они старались ремонтировать на месте или выделяли собственную тележку для их доставки, категорически отказываясь что-либо таскать самостоятельно.

— Посмотрите на нас, — убеждали они своих заказчиков, к примеру, такого же возраста бабушек, — Если мы сами попробуем поднять этот

холодильник, то одна часть позвоночника вылезет через темечко вверх, а вторая провалится ниже копчика. Ну ладно, на ту часть, что из головы торчит, хоть фонарь повесить можно, а что делать с нижней? Асфальт царапать? А кто тебе потом твой вентилятор чинить будет?

И бабушки были вынуждены звать родственников или соседей, потому что бригада ремонтников не шла ни на какие уступки даже за дополнительную плату, утверждая, что здоровье дороже. Пару раз ловили соседи и меня, но я никому не отказывал, считая, что таким образом смогу быстрее влиться в людской социум. Благодаря этому я узнал, где у них находится мастерская, да и с самими ремонтниками удалось познакомиться поближе.

Очень часто, идя домой по вечерам, имели они очень довольный вид и красные лица, но вели себя чрезвычайно интеллигентно и аккуратно, за что их все любили и уважали. Лидером их компании был дядя Гриша, высокий мужчина лет под семьдесят, абсолютно лысый, с веселыми глазами и лукавыми морщинками на лице. Одевался он неброско, но чисто, заметно было, что он следит за своей внешностью, хотя все во дворе знали, что дядя Гриша вдовец. Поселился

он в нашем доме лет 10 назад, о своем допенсионном прошлом особо не распространялся, предоставив возможность дежурным бабушкам самостоятельно создавать его биографию. Дядя Слава был под стать своему напарнику, немного ниже ростом и шире в плечах, но тоже лысый и краснолицый, они были до того похожи, что за ними прикрепилось прозвище «Двое из ларца одинаковых с лица». Переехал он к нам года через три после дяди Гриши, судачили, что это его старый знакомый, которого он перетащил поближе к себе. Третий, дядя Семен, тоже был приметной личностью, хотя и резко отличался от первых двух. Невысокий, плотный, с огромными ручищами и густой седой шевелюрой, он сильно боялся больших собак и увидев, как кто-то из жильцов выгуливает своего питомца, останавливался поодаль и жалобно просил убрать собачку. Над ним подшучивали, но к его странности уже привыкли и старались лишний раз не огорчать. В нашем доме он поселился раньше всех остальных после развода с женой и в обществе своих друзей смотрелся несколько инородным телом, что, впрочем, не мешало им всем чувствовать себя вполне комфортно в компании друг с другом.

Вторая половина апреля радовала хорошей

погодой. Многие москвичи, пользуясь теплом, рванули на дачные участки, в разрешенных (и не только) местах молодежь играла на гитарах и жарила шашлыки, но мне все это не грозило — я до сих пор не знал, как подступиться к расшифровке загадочного текста. Надя, специально или нет, поставила меня в положение отверженного, одиночки, заставив самостоятельно решать все свои проблемы. Часто, сидя на лавочке возле дома с очередной сигаретой в губах, я доставал листочки с заклинанием и рассматривал их, как будто это могло мне хоть как-то помочь. Я так часто вглядывался в эти записи, что даже начал узнавать некоторые символы, не понимая, однако, что они на самом деле означают. Это стало моей манией, навязчивой идеей, и хотя я прекрасно понимал, что все эти знаки сами по себе не превратятся в осмысленные слова, что-то внутри меня заставляло снова и снова доставать и просматривать ксерокопию этой странной рукописи. Удивительным образом это помогало мне лучше сконцентрироваться и максимально сосредоточиться на важнейших вопросах. Арабский историк писал, что записи сделаны на языке, похожем на арамейский, но прочесть он их не смог, хотя сам арамейский наверняка знал.

Другой диалект? Тайнопись? Но в таком случае, зачем было передавать это людям и так шифроваться? Как с помощью заклинания можно создать нового Великого Воина? Или это возможность создать Иного, который автоматически становится Великим Воином? — это вопрос меня интересовал больше всего. — И, в конце концов, где я смогу достать новую печать?!

— Читаете на староарамейском, молодой человек? — мои размышления вдруг были прерваны самым бесцеремонным образом. Я поднял глаза. Рядом со мной, слегка пошатываясь, красноликий и чрезвычайно довольный, стоял дядя Гриша. — Должен предупредить вас, что вы держите текст вверх ногами, и благодаря этому я смог разобрать несколько слов. — с умным видом продолжал он. — Не спорю, так может быть удобнее, но я бы посоветовал вам перевернуть листок.

Ах, вот в чем дело! Я быстро перевернул лист, но понятней от этого он почему-то не стал. Пока я тупо смотрел на строчки, вторая, более умная, половина моего мозга постепенно начала понимать, что дядя Гриша, оказывается, свободно читает то, что здесь написано!

— Я же не всегда был дядей Гришей. — от-

ветил он на мой невысказанный вопрос и без разрешения уселся рядом. — Если угостите своей замечательной сигареткой, я могу много интересного вам рассказать. — Как-то я имел неосторожность угостить всю их бригаду «Сумеречными», и теперь, увидев меня, они постоянно просили очередное угощение. Кстати, дядя Гриша раньше страдал типичным кашлем курильщика, но после нескольких «Сумеречных» кашель безвозвратно ушел. Мне кажется, что он сопоставил эти два события и сделал правильный вывод. Ко мне он начал обращаться очень уважительно, я бы даже сказал, учтиво, но каждое обращение заканчивал просьбой дать ему одну сигаретку. Наверное, он думал, что я их сам делаю или достаю через какие-то секретные каналы и сигареты, возможно, содержат какую-то запретную травку. Не знаю точно, но с лишними вопросами он ко мне не приставал, и я продолжал снабжать его куревом из своей бездонной пачки.

— Для начала разрешите представиться: доктор филологических наук, профессор, академик РАН, бывший заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист в области лингвистической типологии и корпусной лингвистики Копунов

Григорий Сергеевич, известный вам как дядя Гриша. Как-то так получилось, что по совместительству я еще и доктор физико-математических наук, автор нескольких изобретений и патентов. К сожалению, из всего того, что я знал и умел, мне пригодились лишь навыки, которые я приобрел, самостоятельно ремонтируя свой первый Жигуленок.

— Очень приятно, Антон Городецкий, архивариус, специалист по запыленным полкам и забытым рукописям, — постарался представиться и я, но по сравнению со всеми регалиями дяди Гриши, прозвучало это как-то жалко. — Никогда не думал, что у нас в доме откроют филиал Российской Академии наук, — пошутил я. — Наверное, дядя Слава тоже академик какой-то, не зря же вы так похожи!

— Слава? — дядя Гриша улыбнулся. — Титулов у него, конечно, меньше, он «всего-навсего» кандидат технических наук, но потенциал у него намного выше. Зато он практик, и даже я сейчас многому у него учусь. Вы же знаете, чем мы занимаемся.

— Знаю, но мне всегда казалось, что руководите всем процессом вы, а не дядя Слава.

— Если вы имеете в виду договориться с заказ-

чиком, то это действительно моя работа, но что касается самого ремонта, то Слава у нас непререкаемый авторитет, мы с Семеном у него как мальчики на побегушках. — он засмеялся. — Но давайте вернемся к вашему тексту — что это у вас?

Пока он представлялся, я успел придумать более-менее правдивую версию.

— Я сейчас работаю в довольно запущенном архиве одной московской организации. Недавно, приводя в порядок документы, я нашел какой-то странный текст, который никто не смог прочесть. Более того, никто даже язык не смог определить, вот я и взял его ксерокопию с собой домой — хотел еще в интернете поковыряться. Или хотя бы попытаться найти, к кому можно обратиться за помощью.

— Это вы хорошо придумали, но зря, интернет вам тоже не поможет. А попытаться найти специалиста в вашем случае, это все равно что обратиться к первому попавшемуся человеку на улице. Или нет, даже намного меньше, — он пожевал губами. — Сколько населения проживает сейчас на нашем шарике?

— Ну, кажется, около 8 миллиардов.

— Тогда ваш шанс составляет одну восьмисот

миллионную долю, потому что во всем мире найдется только с десяток людей, способных это прочесть. А максимум, что вы найдете в интернете, так это то, что ваш текст написан древнефиникийским алфавитом на одном из диалектов арамейского языка. Лично я назвал этот диалект староарамейским и отстоял свое право так его называть в споре с другими лингвистами мирового уровня. — он внимательно посмотрел на меня. И теперь это уже был взгляд не подвыпившего дяди Гриши, а, как минимум, полковника КГБ. — Но вы знаете, что меня смущает? В настоящее время в Москве имеется всего два документа, написанных на этом наречии, еще один находится в Ташкенте. Около десятка хранится в Турции, и около полутора сотен в Иране и Ираке, то есть, в мире насчитывается менее двух сотен документов, написанных на этом языке. Если учесть вероятность находки такого документа даже не в Москве, а в России, умножить это на вероятность того, что текст попадет в руки уникального специалиста, то в результате мы получим цифру, бесконечно близкую к нулю. И, тем не менее, вот мы сидим рядом с вами на скамейке и рассуждаем об арамейских языках. Антон, скажите прямо, кто и зачем вас

ко мне послал?

Оказалось, что за внешностью потрепанного пенсионера скрывался очень острый и пытливый ум, и мне теперь предстояло тщательно подбирать слова, чтобы не сболтнуть чего-либо лишнего.

— Григорий Сергеевич, до сегодняшнего дня я даже не подозревал, что у вас есть отчество! — попытался отшутиться я. — А теперь вы обвиняете меня в том, что я непонятно зачем подсовываю вам непонятный текст на непонятном языке! Попробуйте придумать хоть одну причину, зачем мне это нужно!

— Ну да, ну да, предположим… Семен! — позвал он вдруг своего компаньона. — Подойди к нам на минутку!

Ходили слухи, что раньше Семен служил в каких-то спецвойсках и даже принимал участие в каких-то спецоперациях в известных и неизвестных нам горячих точках. По крайней мере, такая информация блуждала между жителями дома, но трудно было поверить, что этот среднего роста седой мужчина в очках когда-то мог подобным заниматься.

— Добрый день, Антон! — поздоровался подошедший. Рука у Семена оказалась большой,

теплой и сухой.

— Что ты знаешь об Антоне? — спросил дядя Гриша.

— Антон Городецкий, жена Светлана Городецкая, дочь Надежда Городецкая, работает в архиве «Горсвета». — Тут же отозвался Семен. — Жена работает там же, дочь в настоящее время находится за границей. Если нужны дополнительные данные, можем получить в течение часа, — по военному четко, без запинки, доложил он.

Я с трудом приходил в себя — поверить, что такое происходит в обычном московском дворике, было просто невозможно. Хорошо хоть, что перед именами моих девочек он не добавил «Великая Иная» и «Абсолютная Иная».

— А знаешь, пожалуй мне этого достаточно, — задумчиво произнес дядя Гриша. — Иди, Сёма, спасибо. Итак, Антон, — повернулся он ко мне. — Я по прежнему считаю, что вероятность такого события чрезвычайно мала и на досуге обязательно подумаю над этим, но на данный момент пока не вижу причины, зачем понадобилась подобная подводка. Кроме того, мне на самом деле интересно воспользоваться своими навыками и прочесть этот текст. Если ты не возражаешь, я возьму лист с собой и попробую сделать перевод, идет?

Теперь задумался я. Личность дяди Гриши оказалась намного многогранней, чем казалось вначале, а на листах написан магический текст. Как он его воспримет? Какие проверки посчитает нужным мне устроить? Но, с другой стороны, а какие варианты еще есть?

— Вы сомневаетесь, можно ли доверить мне ксерокопию какой-то рукописи, которую вы не можете перевести самостоятельно? — поднял брови дядя Гриша, видя мою нерешительность.

— Ну что вы, просто у меня возник вопрос — почему вы, ученый с мировым именем, лингвист, знающий наверняка не только забытый всеми древнеарамейский язык, но и с дюжину современных, работаете в какой-то мастерской вместо того, чтобы передавать свои знания студентам или подрабатывать, скажем, репетитором?

— Две дюжины, — согласно кивнул дядя Гриша. — От преподавательской работы я отказался категорически, нужно уметь вовремя уйти и дать дорогу молодым, а что касается репетиторства… вы когда-нибудь пробовали вкладывать знания в тех, кого родители считают непризнанными гениями и в неумении освоить материал будут обвинять исключительно вас? Поверьте, чинить часы и ремонтировать сантехнику намного спо-

койней и благоразумней.

Мы посмеялись.

— Ваши слова о том, что нужно уступать место молодым, напомнили мне четверостишие одного моего хорошего знакомого:

С годами понимаешь — если сухо
И жизнь проходит, словно с яблонь дым
Гоните самогон и хреновуху!
Но пить все оставляйте молодым…

— Золотые слова! — воскликнул дядя Гриша и лукаво добавил. — Как-нибудь я предложу вам наш собственный продукт и поверьте, вы раз и навсегда откажетесь от той бурды, которую под видом коньяков, виски и рома продают вам в магазинах.

— Как, вы еще и этим успеваете заниматься? Но я же был у вас в гараже, там совершенно нет лишнего места!

— А почему вы решили, что у нас один только гараж? — дядя Гриша был доволен произведенным эффектом. — Но мы отвлеклись от темы — мне кажется, что вы не горите желанием передать мне эту ксерокопию для перевода.

— Ни в коем случае! — поспешил я его успокоить. — Просто здесь не один листок, — я принял решение идти до конца. — Всего их семь, могу отдать их все. И как вы верно заметили, это ксерокопии, оригинал хранится в архиве и его выносить я не имею права.

Григорий Сергеевич умел держать себя в руках, но даже у него слегка отвисла челюсть и начали подрагивать руки.

— Но это же невероятно! — воскликнул он. — Даже один документ на древнеарамейском наречии, найденный за тысячи километров от того места, где он был написан, заслуживает того, чтобы именоваться мировой сенсацией, а целых семь…

— Э-э-э-э… Давайте повременим с сенсацией, пока я действую на свой страх и риск, вы же понимаете, что без санкции руководства я не имею права заявлять о такой находке. Поэтому передать текст для расшифровки я могу только в том случае, если вы пообещаете мне никому не рассказывать о том, что попало к вам в руки. Хотя бы какое-то время. Идет?

Дядя Гриша снова начал жевать губами, как-то я не замечал за ним такой привычки в прошлые наши встречи. Волнуется?

— Но затем я хочу получить эксклюзивное право на публикацию оригинала и своего перевода!

— Я думаю, что смогу добыть вам такое разрешение, — обрадовал я пенсионера, не представляя, впрочем, как сказать об этом Гесеру. Ничего, время покажет, пока что главное это секретность и возможность получить правильный перевод. — Но что если сам текст не представляет никакого интереса?

— Молодой человек! — дядя Гриша снисходительно посмотрел на меня сверху вниз. — Большинство старинных текстов не что иное, как долговые расписки, инвентаризация стада и намного, намного реже, описание каких-либо событий того времени. Так что вне зависимости от содержания, основную роль играет само его наличие, а не содержание, хотя оно тоже чрезвычайно интересно!

— Так мы с вами договорились?

— Да, даю вам честное слово ученого ничего никому не сообщать по поводу тех документов которые вы предоставите мне для перевода. И у меня к вам последний вопрос — нет ли у вас случайно данных, откуда эти раритеты попали в ваш архив? Если это не секрет, конечно.

Я не видел причины скрывать такую информа-

цию, поэтому ответил честно.

— Не секрет. В сопроводительной записке указано, что в середине XIX века его привез из Персии Дмитрий Иванович Долгоруков, который был там в должности полномочного министра с 1845 по 1854 год. С тех пор проводились неоднократные попытки по его переводу, но всегда безрезультатно. Необычный случай — ***Casus extraordinarius***.

— Практически все древнеарамейские тексты найдены именно в том регионе, так что это, скорее, ***Casus ordinarius*** — обычный случай, — примирительно кивнул дядя Гриша, по видимому, это мое сообщение окончательно победило какие-то его внутренние противоречия. — Но подобные раритеты должны храниться не у вас в непонятно каких условиях, а в специально отведенных местах, где научные работники смогут их изучать. — Я кивнул, соглашаясь — не буду же я ему объяснять, что вряд ли в Москве найдется еще хотя бы одно такое место, настолько приспособленное к хранению древних манускриптов, как наш Архив.

— А может у вас ещё что-то интересное есть? — дядя Гриша подозрительно поглядел на меня.

— А вам мало? — удивился я.

— Не в том дело. До сих пор я был уверен, что

знаю все укромные уголки, где могут находится подобные документы. Многочисленные архивы, институты, открытые и закрытые коллекции, и вдруг — архив Горсвета! Поэтому я не исключаю возможности найти в нем не менее интересные древности!

Если бы дядя Гриша только знал, насколько близок к истине он оказался! Но вряд ли в обозримом будущем ему грозило найти что либо именно в этом архиве.

— Мне, наверное, понадобится несколько дней, чтобы все вспомнить и сделать качественно, но, если честно, за право перевести эти строки любой из десяти специалистов еще бы и приплатил бы тебе, — лукаво заявил он, забирая листочки.

— У меня холодильник сильно гудит, может, посмотрите? — тут же нашелся я, но дядя Гриша уже углубился в текст и только досадливо отмахнулся. Нужно будет придумать три заветных желания, я думаю, что это совсем не много за целых семь листов.

Была еще одна причина, по которой лавочка превратилась в мой дворовой офис — мне по прежнему необходимо было увидеться с Хозяином Хозяев, и я надеялся, что рано или поздно мне повезет. Так как в квартиру войти без моего раз-

решения он не мог, приходилось коротать время на придомовой скамейке, делая вид, что просто наслаждаюсь погожими весенними деньками. Завулон достаточно скептически отнесся к моей затее, но пообещал в меру своих «скромных» сил помочь организовать такую встречу.

— Сейчас Мастера вампиров нет в городе, и никто не знает, где он и когда будет, но как только появится, я распоряжусь чтобы с ним связались, — достаточно равнодушно отвечал дед по телефону. Кстати, теперь вся связь с ним осуществлялась только через Валерию, которую то ли в награду, то ли в наказание сделали ответственной по связям с общественностью в лице Антона Городецкого. Коммутатор Дневного Дозора регулярно перебрасывал меня на девушку, даже когда у нее был выходной, но она извлекла урок из нашего предыдущего разговора, отвечала всегда вежливо и мгновенно выполняла все мои пожелания. Ведь может же, когда захочет, я невольно даже проникся симпатией к ней.

Вскоре Валерия перезвонила мне сама.

— Шеф велел сообщить вам, что Мастер вампиров находится в своей резиденции на Рублевке и ему передано ваше пожелание о встрече, но состоится ли ваше свидание, — она все-таки не

удержалась от небольшой колкости, — или нет, и в каком формате оно будет происходить, решать будет исключительно глава Кровавого Дозора.

Неопределенность не очень устраивала меня, но за неимением другого варианта, приходилось соглашаться и на этот. Кстати, в последнее время ситуация в Москве значительно успокоилась — вампиры перестали лезть на рожон и раздражать Дозоры, и оставалось только гадать — это временное затишье или ***status quo ante bellum***.

Задумавшись над тем, как дяде Грише удастся перевести текст и что в нем может содержаться, я даже не заметил, как оказался во дворе абсолютно один. Куда-то заспешили и ушли мамочки с колясками, пенсионерки, охая и причитая, побежали выключать абсолютно холодные утюги и вынимать из духовки несуществующие пироги, владельцы собак передумали выводить животных для облагораживания территории, и даже ветер, почти замерев, еле-еле шевелил молодую листву. Лишь когда чья-то тень закрыла от меня солнце, я поднял голову и вздрогнул, увидев Хозяина Хозяев..

Выглядел он потрясающе. Одетый во все черное, он стал выше и шире в плечах, я бы сказал, внушительней, но непонятно было, то ли он

подрос за время, прошедшее с последней нашей совместной встречи, то ли снова наводил на себя иллюзию. Черты его лица заострились и приобрели хищный вид, а узкие губы, слегка искривленные в иронической улыбке, в любой момент готовы были обнажиться, чтобы продемонстрировать устрашающие клыки. Мне кажется, что он специально подбирал этот образ для сегодняшней встречи, наверняка он считал необходимым внушать мне ужас и уважение, и это у него, несомненно, получилось.

— Привет, Костя, — поздоровался я первым. — Присаживайся!

— На эту грязную скамейку? — криво усмехнулся вампир. — Нет уж, спасибо, но я лучше постою!

Он прошелся, демонстративно глядя на меня сверху вниз. Не знаю, что он ожидал увидеть, но такое положение ему явно нравилось.

— Как же ты все-таки жалок, Антон Городецкий, — презрительно продолжил Саушкин. — Ты опустился до уровня завсегдатая дворовых скамеек? Весь смысл твоей малозначимой жизни сместился в этот замусоренный двор?

— До твоего появления он совершенно не выглядел замусоренным! — обиделся я на оскорб-

ление работы наших дворников.

— Дерзишь, дерзишь… Даже жена и дочь не хотят жить рядом с таким ничтожеством, но ты позволяешь себе дерзить мне, Хозяину Хозяев! Тебе не дорога своя жизнь? Или ты самостоятельно понял нелепость своего существования и призвал меня, чтобы я его прервал? Я же вижу, как ты дрожишь от страха! — Он хищно улыбнулся. Одни только его клыки вызывали ужас, и мне стоило немалых трудов, чтобы держать себя в руках. — Или ты пригласил меня, чтобы разведать о моих дальнейших планах? Конечно же, чего еще можно ожидать от бывшего Светлого Иного, да еще Великого! Все ваше белое стадо зарылось в свои норы и не придумало ничего лучшего, чем попросить тебя, бывшего!!! шпионить за мной!

— Ты тоже изменился, Костя, — мне откровенно нелегко было владеть собой, но я старался хотя бы внешне выглядеть спокойным. — Ты прекрасно осведомлен, что я давно уже человек и не принимаю участия в ваших склоках. Мне наплевать на твоих вампиров и прочих Иных вместе взятых, и эта дворовая скамейка, кстати, совсем не грязная, сейчас мне дороже всех высоких кресел в ваших Дозорах!

— Можно подумать, что тебе эти кресла кто-то

предлагал! — Саушкин начал от души хохотать, улыбнулся в ответ и я.

— Мне вполне достаточно того положения, которое я сейчас занимаю, я же не страдаю от мания величия, как некоторые. Интересно, а кто из вас придумал такое великолепное название — Кровавый Дозор? Уж не ты ли? — я тоже попытался было хищно осклабиться, но куда мне было до Мастера вампиров! — Ты, наверное, считаешь, что одно только название должно внушать страх и заставлять трепетать окружающих?

— Конечно, по крайней мере, твои хозяева трепещут так, что давно отказались от намерения атаковать мою резиденцию.

— Напомню тебе еще раз — я человек и у меня нет хозяев. ***In me omnis spes mihi est*** — вся моя надежда только на себя. И нужно еще хорошо подумать, кто из нас более жалок — я, живущий нормальной человеческой жизнью, или ты, Мастер вампиров? Наверняка ведь твои подручные успели проверить, что Света и Надя далеко, что засада отсутствует и вокруг нет ни одного Иного, но все равно ты побоялся явиться один. Сколько твоей охраны вокруг? Десять, двадцать, сто? — Я демонстративно оглянулся и полез в карман за очередной сигаретой. Руки противно

подрагивали, но я более-менее справился с нервным напряжением и с удовольствием закурил. Дым сигареты Саушкину почему-то не понравился, и он аккуратно сделал шаг в сторону, чтобы стать с подветренной стороны.

— Было бы глупо явиться сюда, не приняв никаких мер предосторожности, — казалось, его совсем не задели мои слова. — И охрана никогда не бывает лишней, тем более, что я не понимаю до конца, чем вызван твой такой острый интерес к моей личности.

— Охрана охране рознь, — возразил я. — Ведь ты даже людей со двора удалил, хотя достаточно было бы простого заклинания, чтобы никто не обращал на тебя внимания! А вот я не боюсь! Ни одного человека охраны, да просто ни одного человека вокруг, а рядом со мной находится самый могучий вампир на Земле! Так кто из нас жалок, а? — я снова пыхнул сигаретой в его сторону. Конечно, я немного лукавил, но зачем ему знать о трех камерах наблюдения, установленных на расстоянии 100–120 метров и нацеленных точно на скамейку? Сейчас и Светлые и Темные наверняка прогревают порталы, и готовы в любой момент прийти мне на помощь, если заметят признаки агрессии со стороны Хозяина Хозяев.

Единственно, чего я боялся, так это чтобы у кого-то раньше времени не сдали нервы. Хорошо, что я не знал, что вампиры предусмотрели такой вариант и устроили небольшие провокационные налеты на оба офиса Дозоров, отвлекая их таким образом от функции надзора. Но вот что они не могли предположить, так это наличия над нами заклинания Всевидящего ока, которое наложила на весь наш двор Надя. Правда, об этом и я не знал, о том, что она наблюдала за всем нашим разговором, дочка призналась намного позже.

— То, что ты здесь сидишь без охраны, говорит только о твоей личной глупости и недальновидности твоего *бывшего* руководства. — презрительно бросил Саушкин. — Хотя… — он снова скользнул по мне взглядом. — Кому нужен этот жалкий Антон Городецкий, бывший Высший Светлый Маг, а ныне житель обычной московской помойки, способный разве что бухать с бомжами на пустыре, чем приносить хоть какую-то пользу!

— Ты сам себе противоречишь, Костя. — ответил я. Выпущенное колечко дыма лениво направилось в сторону вампира, и он неторопливо сделал легкий шаг в сторону, чтобы его пропустить. — Две минуты назад ты утверждал,

что я шпион Светлых, а теперь говоришь, что я никому не нужен. — Я деланно рассмеялся, потому что в чем-то он все же оказался прав. — Но ты действительно вызываешь у меня определенный интерес, интерес человека, который увидел живого вампира, если, конечно, тебя можно назвать живым.

Саушкин недовольно поморщился, все вампиры почему-то очень больно воспринимали упоминание о том, что они не живые существа, и я воспользовался этим, чтобы лишний раз уколоть его.

— Когда-то я знал тебя и мне очень хотелось сравнить свои впечатления о тебе прошлом и тебе настоящем, тем более, что это уже будут впечатления совершенно разных людей. Кроме того, я собираюсь написать собственную летопись о событиях, которые сейчас происходят, и для этого наша встреча была мне просто необходима! Я действительно попросил Завулона пригласить тебя, но ты, очевидно, не очень сильно спешил. Из чего я делаю вывод, что раньше был совершенно не интересен тебе, но сейчас что-то произошло или происходит, и это заставило тебя таки явиться ко мне.

— Ты зря хорохоришься, Городецкий. — в голосе

Саушкина по прежнему звучала насмешка. — Наши статусы сейчас несоизмеримы, о каком интересе с моей стороны ты можешь говорить? — он засмеялся.

— Ну, например, ты знаешь, что я работаю в архиве, в котором ты что-то долго и безуспешно искал и куда доступ тебе теперь окончательно закрыт. Возможно, тебе интересно, не находил ли я чего-нибудь необычного, того, что ты до сих пор ищешь по всем европейским архивам.

— С чего ты взял, что я что-то ищу? — лениво отозвался Костя, но я всем своим естеством почувствовал, как он подобрался.

— Это оказалось очень просто, достаточно было сопоставить твое посещение нашего архива, налет на архив Дневного Дозора и недавние нападения на небольшие архивы Риги, Вильнюса и Таллинна, которые ты вообще перевернул вверх дном.

— Какие смелые выводы мелкого архивариуса, — он захохотал. — Ты еще скажи, что знаешь, что именно я искал!

— Конечно, знаю, — я скромно опустил глаза. — Потому что мне кажется, что я это нашел.

В образовавшуюся паузу вполне могла бы поместиться вся 6 симфония Баха, а умению такую

паузу держать позавидовал бы сам Станиславский. Но как ее выдержал я, не понимаю сам до сих пор. Ужасно хотелось курить, но я не то что пошевелиться, а даже лишний раз вздохнуть боялся,

— Так ты все-таки ее нашел, — прошипел, наконец, вампир, прожигая меня насквозь немигающим взглядом. — И что же нового ты узнал?

— Ты хочешь обсуждать это прямо здесь, на этой грязной скамейке?

— Есть дела, которые можно обсуждать даже на помойке, достойной тебя.

— Но я же вижу, как страдает твое вампирское эго от недостойного тебя места переговоров. Поэтому у меня есть предложение получше.

— Какое? — быстро спросил вампир.

— Я предлагаю подняться ко мне в квартиру и в спокойной обстановке, без лишних глаз и ушей, все обсудить.

— То есть ты, простой смертный, разрешишь мне, Хозяину Хозяев, войти в свой дом?! Но ты хоть понимаешь, что если хоть что-то пойдет не так, то ничто не сможет помешать мне высушить тебя?!

— Ты хочешь сказать, что в собственной квартире мне будет опасней чем здесь? Не думаю,

что возникни у тебя сейчас такое желание, ты бы остановился только от того, что мы на улице посреди белого дня.

Если после сообщения о находке Саушкин еще хоть как-то пытался держать лицо, то после этого моего предложения нам обоим стало ясно, что этот раунд выиграл я, причем с сухим счетом. Нужно отдать ему должное — соображал Костя очень быстро. Сейчас подача была на моей стороне, конечно, я его достаточно позлил и расстроил, но ему необходимо было узнать все подробности о шкатулке, вот только я до сих пор не мог понять, что именно в ее содержимом интересовало его больше всего. Бонусом шел доступ в мою квартиру — то ли он рассчитывал найти в ней саму шкатулку, то ли его интересовала возможность в спокойной обстановке срисовать ауры Абсолютной и Высшей Светлой — не знаю, но это его явно заинтересовало не меньше, чем сообщение о самой находке. С другой стороны, мое приглашение выглядело несколько странно и попахивало засадой, поэтому, после секундной паузы, он кого-то позвал. Из-за дома появился один из его охранников, молодой и широкоплечий парень, который вразвалочку и не спеша направился к нам. В этом не было бы ничего

необычного, если бы я его не узнал — это был Максим Говоров, оборотень, а то, что оборотни примкнули к вампирам, мне очень не понравилось. Была бы рядом Светлана, я бы попросил переломать ему ноги, и она с радостью выполнила бы мою просьбу, даже несмотря на присутствие Мастера вампиров. Я с такой теплотой подумал о своей жене, что аж сердце защемило.

— Ключи! — Костя требовательно протянул ко мне руку. Ключи от квартиры он передал Максиму и приказал: — Проверь, все ли там чисто!

Так же не спеша Максим отправился к подъезду. Вернулся он очень быстро, даже чересчур, скорее всего, он уже неоднократно посещал мое место жительства, когда я был на работе, и ему не составило большого труда убедиться, что изменений там не произошло. К сожалению, в отличие от вампиров, оборотни свободно могут входить в чужие жилища без разрешения их владельцев. Возможно, что именно из-за этой способности, Мастер вампиров и призвал их к себе на службу.

— Хорошо, мы еще поговорим, — сказал мне Саушкин, возвращая ключи. — Но не сегодня. — он ненадолго задумался. — Послезавтра, в это же время. И не советую создавать засады, я обещаю, что если ты поведешь себя разумно, то с тобой

ничего не произойдет. — не прощаясь, он развернулся и ушел.

Поднявшись домой, я позвонил Гесеру и доложил о состоявшейся встрече. Борис Игнатьевич ответил, что хотя они с Завулоном и не знают подробностей, но в курсе происходящего, и я нахожусь у них на личном контроле. Аналитики утверждают, что в предстоящей встрече мне ничего не будет угрожать, так что готовиться я могу совершенно спокойно.

Следующее появление Кости не было таким напыщенным, но тоже произошло практически не заметно для окружающих. Просто ко мне подошел обычный молодой человек приблизительно моего возраста, поздоровался и без приглашения плюхнулся рядышком на скамейку.

— Привет, Антон!

— Привет, о величайший из вампиров!

Костя поморщился.

— Давай сегодня обойдемся без этого, хорошо? Постарайся не раздражать меня лишний раз, удел слабых — слушать и покоряться, а не болтать языком почем зря.

— Слушаюсь и повинуюсь! — все-таки не удержался я. Меня немного успокаивало то, что и сам Саушкин и оба Дозора обещали, что встреча будет

полностью безопасной для меня, так что можно и подерзить немного.

— Курить будешь? — вежливо спросил я и протянул ему сигарету. Костя снова скривил кислую мину..

— Ты же знаешь, что мы не испытываем потребности в никотине. Да и ты мог бы воздержаться — здесь все-таки дети ходят, а ты, здоровенный такой дядька, своим дымом травишь всех вокруг. — я от неожиданности даже поперхнулся, не каждый день вампирам удается пристыдить человека.

— Ладно, тогда предлагаю партию в шахматы и спокойно побеседовать на интересующие нас темы в дружественной обстановке.

— Не имею ничего против. Конечно, мы и здесь могли бы поговорить не менее дружественно, но я решил, что у тебя дома будет более непринужденная атмосфера, так что веди! Когда еще у меня появится шанс побывать в квартире Великих Светлых! — Саушкин старался показать, что все решения принимает лишь он единолично, но я и не думал возражать

Поднявшись на свой этаж, я трижды выполнил церемонию приглашения войти в мое жилище, хотя, как следовало из хроник, раньше достаточ-

но было и одного раза. Со временем эта процедура почему-то усложнилась, я думаю, что это могло быть одним из условий вхождения вампиров в Дневной Дозор, и сейчас они спокойно могли бы снова возвратиться к одноразовому согласию. Но как бы там ни было, вообще без одобрения хозяина входить в чужие жилища они по прежнему не могли. Интересно, что в древние времена учитывалось исключительно согласие мужчины, но в наш эмансипированный век вампиры перестали брезговать и охотно пользовались разрешением ветреных хозяек.

— Запах смерти, — поморщился Саушкин, входя в квартиру. — Да еще в жилище у Светланы и Надежды Городецких! — Он недовольно повел носом. — Что, не выветривается? Ах да, бедная, бедная Лилит, она была настолько стара, что после нее еще долго будет вонять, и открытые окна вам вряд ли помогут — этот запах проникает сюда со всех слоев Сумрака, и от него не так просто избавиться. — он прекрасно знал все заранее и сейчас просто ломал дурака. Светлана с Надей очень хорошо поработали, чтобы удалить из квартиры все, что могло бы напоминать им о Лилит.

— Я этого запаха не ощущаю, а Светы с Надей

дома нет, так что в данный момент он мешает только тебе.

— Я очень огорчен, что Лилит сейчас не с нами, она бы очень пригодилась мне в предстоящей войне. Надеюсь, у тебя нет еще одного Тигра в запасе? — он с деланным испугом начал оглядываться по сторонам.

— Конечно есть, — я приветственно махнул кому-то за его спиной. Вампир резко развернулся и уставился на стену, на которую Надя, в память о тех событиях, нанесла изображение тигра с какой-то открытки.

— Все шутишь, — угрожающе начал он, но тут же взял себя в руки. — Неплохой рисунок, у твоей дочки явный талант!

— Можешь успокоиться, ни Тигра, ни Тигрицы поблизости нет и быть не может, тем более, что я очень смутно представляю, кто это. — На самом

деле, глаза любого человека и многих животных можно использовать для скрытного наблюдения за происходящим, даже если это простой рисунок, выполненный магом, но доступна эта магия далеко не всем. В крайнем случае, в них можно встроить миниатюрные интернет-камеры. Не знаю, догадался ли Саушкин о чем-то или нет, а я, естественно, удержался от того, чтобы посвящать его в делали.

— Тебе даже не удосужились полностью восстановить память? — удивился Костя. — Впрочем, этого и следовало было ожидать. Твои Светлейшие из Светлых хуже всех Темных вместе взятых, стоит только кому-то из ваших оступиться, как к нему у вас пропадает всяческий интерес, заметь, даже встречу со мной пытался организовать твой дед Завулон, а не Гесер. — он прошел по комнате и остановился на том самом месте, где была развоплощена Лилит. — Да, жаль… — еще раз повторил он.

— Костя, ты сам просил обойтись сегодня без взаимных уколов, и я очень старательно пытаюсь удержаться, хотя, поверь, мне тоже есть что сказать.

— Хорошо, хорошо! — засмеялся вампир, поднимая руки вверх ладонями ко мне. — Шахматы

так шахматы, и отбросим все формальности в сторону! Скажи честно — ожидаешь получить фору, играя белыми? Ну уж нет, пусть я трижды буду Темным, но первенство хода будем разыгрывать! — продолжал Костя. Сейчас это был совершенно другой человек — обычная одежда, на лице ни следа от позавчерашней насмешки и презрения, нет показательной демонстрации клыков — обычный парень и все.

— Пиво будешь? — предложил я.

— Если тебе нужен собутыльник — давай, — согласился Саушкин. — Удовольствия я от этого не получу, но и особого вреда — тоже. Кстати, твой номер с алкоголем на мне не сработает, так что можешь не стараться — снова засмеялся вампир.

Я на секунду задумался — переводить пиво или нет, но все-таки налил ему кружку тоже. Мы разыграли цвет, и белые все-таки достались мне.

— Ну, теперь берегись, — засмеялся я, отхлебнул пива и сделал привычный ход с e2 на e4.

— Гроссмейстер играл второй раз в жизни, — глубокомысленно заметил Костя, делая ответный ход с e7 на e5. — Или в третий? — он поднял на меня смеющиеся глаза, стараясь показать, насколько хорошее у него сегодня настроение, но я бы не стал обольщаться его показным юмо-

ром, уж слишком быстро меняется настроение у вампиров!

Не знаю, была ли шахматная партия между Воландом и Бегемотом интересней нашей и за какую из них мировые шахматные журналы заплатили бы больше, но сражение началось нешуточное. Начав с классической Испанской партии, мы затем резко ушли в неизведанные до сих под дебри и подолгу раздумывали над каждым своим ходом, как будто от исхода партии решалась, как минимум, судьба человечества. Я несколько раз бегал курить на балкон, потому что мой противник просил не окучивать его этим противным дымом, а сам Костя, забыв о своем равнодушии к пиву, выдул уже полтора литра и требовал еще, хорошо, что я успел заложить в холодильник целый ящик. Со стороны мы, наверное, выглядели, как два старых знакомых, которые просто собрались сыграть в шахматы. Мы играли без часов, на интерес, незлобно поддевали друг друга, смеялись и втайне ждали, кто же первым начнет разговор.

— Костя, вот один из вопросов, который я хотел тебе задать — что именно ты *собирался* найти в нашем архиве? — попытался я отвлечь соперника.

— Но ты же утверждаешь, что уже нашел это? — недоуменно поднял бровь Саушкин. — Или я что-то неверно понял?

— Я думаю, что ты все понял верно, — успокоил я его. — Но все-таки есть небольшая вероятность, что я нашел нечто иное, не то, что ты искал, но эта находка тоже несомненно тебя заинтересует.

— Ну, предположим, искал я не только у вас, пришлось проверил все возможные места, к которым я мог добраться, но затем понял, что это все равно, что искать иголку в стоге сена и прекратил это бесплодное занятие. — Ответил Костя не отрываясь от доски. — Последним в моем списке был московский архив Темных, но ты уже и сам знаешь, что он собой представляет! — засмеялся он. — Поэтому, признаюсь, меня заинтересовало твоё сообщение об архивной находке, и только благодаря этому ты имеешь возможность общаться со мной, — в его голосе снова была слышна плохо скрытая насмешка. — Осталось только выяснить, заинтересует ли это меня?

— Ты мне так и не ответил, Костя.

— Это украшенная узорами обычная деревянная шкатулка, — очень серьезно ответил Саушкин. По-видимому, он принял уже решение, о чем можно мне рассказывать, а о чем — нет.

— Так ты и не мог ее найти! — ответил я.

— Почему? — быстро переспросил Костя.

— Дело в том, что эта шкатулка обладает магическими свойствами — ни один Иной не может ни увидеть, ни прикоснуться к ней. Поэтому ни ты, ни настоящая Элен Киллоран не видели ее все то время, что она там стояла.

— Значит, она все-таки там была… — задумчиво протянул Костя, видно было, что он мгновенно оценил сложившуюся ситуацию. — А так как ты сейчас не Иной, тебе удалось ее найти. И что же ты обнаружил внутри?

— Да особо ничего интересного, — и я рассказал ему об истории, которую изложил Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтот, опустив самую концовку, в которой шлось о заклинании.

— Действительно, ничего интересного. Я знаю множество подобных историй и эта — просто очередная полусказка, — ответил Костя. — Я даже знаю, кто этот Воин на самом деле, поэтому подобные истории меня мало интересуют. Что еще было в этой шкатулке?

— Еще там была мумифицированная кисть мужской руки, но она рассыпалась в прах от времени, как только я попытался ее взять, а вытяжка

развеяла пыль над городом.

Костя, который еще минуту назад выглядел как беззаботный молодой человек, враз осунулся, на лице образовались хищные острые скулы, и он обжег меня таким взглядом, что, не будь я увешан разными защитными амулетами, как рождественская елка игрушками, тут же умер бы на месте от страха. Честно говоря, я не был уверен, что они мне смогут помочь в решающую минуту, но психологического равновесия все-таки добавляли. В моей партии это был самый острый и опасный момент и я был готов в любой момент нажать ногой на кнопку, запускающую полусекундный портал в кабинет к Гесеру — место на полу, на котором стоял мой стул, было единственным во всей квартире, где портал мог сработать. Но Хозяин Хозяев ограничился только испепеляющим взглядом, резонно полагая, что сможет уничтожить меня в любой момент, и даже нашел в себе силы продолжить разговор.

— Ну что же, откровенность за откровенность. Во первых, это была не мужская кисть, а кисть вампира, а во вторых, не простого вампира, а Великого Мастера вампиров, мощнее которого не знала еще история. — Я не решился перебить его и сказать, что это была, скорее всего, кисть первого

попавшегося под руку кровососа, и только в своих легендах они подняли его до такой высоты.

— Он и сейчас мог бы быть величайшим из всех нас, и даже я бы встал на колени пред ним, но судьба его сложилась так, что ему пришлось сразиться с Великим Магом, который только набирал свою силу в то время. Насколько у тебя хватит воображения, чтобы представить сражение двух величайших Иных всех времен и народов? — Я вспомнил, как описывал это «сражение» Гесер, но снова благоразумно промолчал.

— В этой битве пал наш великий предок, а его соперник, маг по имени Иов, издевательски отрубил ему кисть, а останки развеял по пустыне. Кисть он положил в деревянную шкатулку, которую постоянно носил с собой и черпал из нее силы во время последующих сражений. Веками среди вампиров из уст в уста передавалось предание о нем и о его шкатулке, веками мы пытались найти Иова, отомстить ему и отобрать у него эту кисть, чтобы с почестями предать ее земле. Мы следовали за ним повсюду, где только могли обнаружить его следы, но он был слишком силен для нас. Около полуторы тысячи лет назад мы узнали, что он потерял свою шкатулку и начал прятаться, пугаясь решающей битвы, но почему-

то все равно постоянно опережал нас на шаг. А в начале прошлого столетия мы окончательно потеряли его след, но после переезда Инквизиции в Прагу пошли слухи, что шкатулку видели среди аналогичных артефактов, и сейчас она хранится в оборудованных и прекрасно защищенных новых хранилищах. Нам никак не удавалось туда проникнуть и тогда мы решили подкупить кого-нибудь из персонала и таким образом достать ее. Но когда уже все было готово, оказалось, что кто-то успел нас опередить. Мы смогли проследить магический след, который через Прибалтику и Питер привел нас в Москву, лично я считал, что это операция Ночного Дозора, поэтому и начал именно с вашего архива. Как показало время, я оказался прав, но тогда, не найдя шкатулки, мы ринулись по следу и разобрали прибалтийские архивы, а затем и мусорник Дневного Дозора.

— У меня возникает сразу несколько вопросов — кто, как и зачем переместил шкатулку в Москву? Если шкатулку не может взять Иной, то кто мог забрать ее из хранилища и перевезти сюда? Почему она оказалась в архиве Ночного Дозора и почему именно я ее нашел? И, наконец, какой силой обладала эта кисть, что вампиры веками пытались ее добыть?

— Ну что же, давай рассуждать вместе. Последний вопрос самый легкий, поэтому я начну именно с него — мы не знали и не знаем ее реальной силы, но это — наша святыня, наша история, наша память. Обладая такой реликвией, мы бы подняли боевой дух нашей армии до небывалых высот, а захоронив ее в укромном месте, получили бы Священную Усыпальницу, к которой неисчерпаемыми потоками шли бы наши паломники со всего мира.

— Хорошо, что она вам не досталась! — язвительно заметил я, но вампир, занятый своими мыслями, не обратил на мои слова никакого внимания.

— Я думаю, что кое-кто из низших Иных могли ее видеть и даже брать в руки, иначе она стала бы недоступной абсолютно для всех. Скорее всего, это оборотни, потому что мы все-таки нашли и казнили Инквизитора, который украл шкатулку из хранилища. Он оказался именно оборотнем, но тогда мы не обратили на это внимания, и только сейчас, после твоих слов о ее характеристиках, я начинаю понимать, что только он и мог ее взять. Мы долго пытали его, но он так и не смог толком объяснить, *кому* передал шкатулку, скорее всего потому, что и сам не знал этого. И мне кажется,

что только Великий светлый маг совместно с человеком мог разработать и осуществить подобную комбинацию.

— Но почему именно Светлый?

— Не забывай, что шкатулка была помещена именно в ваш архив. Это мог быть даже ты, в свою бытность Великим Светлым магом ты легко мог околдовать более слабого оборотня, но кто тебе помогал и зачем? Только для того, чтобы уничтожить нашу святыню? Так это можно было сделать сразу же после получения шкатулки! — он замолчал и надолго задумался.

Я не успевал за скоростью его мысли, но мне показалось, что самым разумным было предположить, что эту комбинацию мог продумать и совершить только мой шеф, Великий Гесер. Однако Мастер Вампиров думал иначе.

— Основной вопрос, который будоражит меня и заставляет ненавидеть тебя еще сильнее звучит так — почему снова ты? Почему снова Антон Городецкий, даже став человеком, продолжает успешно уничтожать все, что связано с нами или с нашей историей? Почему именно я постоянно сталкиваюсь с тобой на протяжении всей своей жизни и даже после того, как погиб благодаря тебе? — он поднял на меня свой тяжелый неми-

гающий взгляд. — Если бы ты только знал, как мне хочется уничтожить тебя прямо сейчас, как ты уничтожал меня и моих братьев, выпить из тебя всю твою поганую кровь и порвать на куски остатки твоего дряблого тела! Но что-то останавливает меня, какая-то мысль пытается пробиться через завесу моей ненависти, чтобы объяснить мне до конца, что же все-таки происходит…

Моя нога уже трепетала над самой кнопкой, но, выпустив пар, Мастер вампиров, слегка успокоился и продолжил свои размышления вслух.

— Вся комбинация имела бы смысл только в том случае, если бы кто-то наперед знал, что ты выживешь в поединке с Двуединым, но останешься после этого человеком, пойдешь работать в архив и там найдешь шкатулку, откроешь ее и уничтожишь кисть. Гесер? Твоя жена или дочь? Не думаю, для этого нужно было контролировать Двуединого, даже нет, не контролировать, а внушить ему не уничтожать тебя, а просто превратить в человека. А это, скорее всего, под силу только его создателю…

— Ты имеешь в виду Сумрака?!

— А почему бы и нет? Что если предположить, что сам Сумрак задумал и осуществил свою собственную комбинацию? — продолжил Сауш-

кин. — Он всегда любил нас, как своих детей, и если вдруг решил нам помочь… Но в чем же заключается его помощь, что он пытается сказать мне таким образом? — Он обхватил голову руками и утупился в доску. Задумался и я — а что, если Костя прав, и мы оба находимся сейчас внутри какой-то дикой комбинации Сумрака?

— Костя, а что ты думаешь по поводу цепочки событий: Четыре всадника Апокалипсиса, чье появление вызвало перемещение хранилища Инквизиции в Прагу, переезд поспособствовал обнаружению шкатулки, затем ее выкрадывают и перемещают в хранилище Ночного дозора, после поединка с Двуединым я остаюсь в живых, но превращаюсь в обыкновенного человека, благодаря чему получаю возможность найти в архиве шкатулку и случайно уничтожаю кисть? — по мере перечисления всех логических составляющих, лицо у Кости все более разглаживалось, мне показалось, что в его собственных умозаключениях все события, наконец, окончательно стали на свои места. Он поднялся и начал ходить по комнате.

— Мне кажется, я все понял, Антон. Дело в том, что у каждого из нас есть свое предназначение, определенное Сумраком, а кисть древнего Масте-

ра свое уже выполнила и просто стала не нужна. Но взамен ее я получил нечто большее, я получил *Указание* о том, что мне предстоит сделать в будущем. Все оказалось очень просто и лежит буквально на поверхности, но я даже не буду пытаться донести это до тебя, а сам ты не способен этого понять по самой своей природе. Но не огорчайся, когда-нибудь я расскажу тебе все, обещаю.

Какие указания он получил и почему скрывает их от меня? Я ничего не понимал, но мое недоумение мало трогало Мастера вампиров.

— Ну и чего ты вскочил? — как можно спокойнее спросил я. — Твой ход!

— Правильно, теперь мой ход! — Саушкин еще раз глубоко выдохнул и снова сел за стол. Он опустил глаза на доску, но заметно было, что мысли его по прежнему витали где-то очень далеко. Наконец, он поднял голову и взглянул мне в глаза. — Никогда не забывай, кто ты, а кто — я. Только вы, люди, могли расти и развиваться постоянно воюя друг с другом. Вы ненавидите соседей, людей иной расы, иной веры. Войны и предательства, голод и разруха — вот ваш путь. Но ты когда нибудь слышал, чтобы мы, вампиры, воевали сами с собой?

— Не только слышал, но и видел. — теперь уже

рассмеялся я. — И тогда именно ты убил немало своих сородичей.

— Это не в счет, — пренебрежительно отмахнулся Саушкин. — Это обычное состязание за первенство, не более, и я очень сожалею, что мне пришлось умертвить своих сородичей, они бы нам сейчас очень пригодились. В отличие от людей, у нас все по другому — мы поддерживаем и помогаем друг другу, делимся пищей, стараемся быть рядом в трудную минуту, потому что иначе нам не выжить. Мы были бы счастливы жить своими большими семьями, создавать свои кланы, но оказалось, что ради выживания нам жизненно необходимо существовать поодиночке и жить в тесном соседстве с вами. До того тесном, что без нас многие ваши знаменитости просто не стали бы тем, кем стали и умерли в неизвестности. Даже ты, наверняка, знаешь о наших основных увлечениях?

— Да, конечно — джаз и футбол. Если не считать вашего настоящего увлечения — сосать у всех кровь, — язвительно добавил я.

— А ты не задавался простым таким вопросом — почему? Почему именно музыка и спорт, и более того, конкретно джаз и футбол? — Саушкин хладнокровно не обратил внимания на мой укол

в свой адрес.

— Нет. — вынужден был признаться я.

— А ведь все очень просто. — Костя снисходительно усмехнулся. — Все мы в силу своего строения имеем уникальный музыкальный слух, несравнимый со слухом даже тех людей, у кого он считается абсолютным. Мы способны различать мельчайшие нюансы каждой музыкальной фразы, мы идеальные слушатели и почитатели человеческих талантов, но ни один вампир никогда не способен был написать ничего своего. Нам для этого не хватает ни ваших эмоций, ни ваших переживаний о бренности бытия. — Саушкин демонстративно налил еще пива и потихоньку, маленькими глотками, показушно смакуя, выпил до дна. — Нет, нет — он увидел мой взгляд. — Я уже говорил тебе, что не чувствую вкуса этого пойла, просто я научился подражать вашим, человеческим эмоциям, ведь мне часто приходится принимать участие в каких-то светских вечеринках.

— Но продолжим о музыке и спорте. На протяжении веков рядом со многими гениальными музыкантами были и мы, вампиры. Изредка это были жены, чаще — просто очень близкие друзья. Ты вряд ли найдешь их имена в анналах истории

— мы старались быть близкими, но незаметными, зато мы всегда были первыми слушателями и первыми критиками всех их произведений. Мы наслаждались Бахом, Гайдном, Моцартом, Паганини, мы были среди тех, кому Джузеппе Верди и Жорж Бизе демонстрировали свои новые оперы и, кстати, многих из них мы поддерживали финансово, пока они не становились знаменитыми и богатыми. Но с появлением джаза мы поняли, что в музыке началась новая эпоха, эпоха джаза. Свинг, вокальная экспрессия, импровизация, опора на риффы, использование ладов с блюзовыми нотами — не только мы, весь мир был очарован новой музыкой! — Саушкин снова начал возбуждаться, он явно был в восторге от джаза и даже не пытался этого скрывать. — В начале XX века у нас была достаточно большая община в Новом Орлеане, и таким образом мы оказались в самом центре его зарождения. Именно мы финансировали первую запись легендарного **«Original Dixieland Jazz Band»** в далеком 1917 году, после чего джаз начал свое победоносное шествие по всему земному шару. Заметь — в этом же году Светлые провели социальный эксперимент над всей Россией, на долгие годы превратив огромную страну в развалины. Тебе не кажется

странным, что какие-то презренные вампиры сделали для будущего намного больше хорошего, чем вы, Светлые? — Он победоносно взглянул на меня. Возразить мне было нечего.

— Мы полностью переключились на джаз, именно благодаря нам засияли имена Флетчера Хендерсона, Каунта Бэйси, Бенни Гудмена, Глена Миллера, Дюка Эллингтона, все новые направления, которые появились позже — рок, поп, рэп, это всего лишь далекие отголоски все того же джаза, его жалкие пародии! Даже сейчас мы стараемся посещать все более-менее значимые джазовые фестивали и иногда нас там бывает больше, чем вас, людишек. — Саушкин презрительно кивнул в мою сторону. — Но мы, как правило, всегда стараемся держаться порознь.

— Зато именно мы, людишки, как ты о нас отзываешься, создавали эту музыку, а вы как были, так и остались до сих пор попутчиками и охранниками, мальчиками на побегушках у великих музыкантов, — бросил я.

— Тебе больше не удастся разозлить меня, ты слишком мелок для этого и из-за своего скудоумия не способен осознать своего истинного места. Я прощаю тебя за эту грубость, сегодня тебе будет позволено все, но сам себе задай вопрос — надол-

го ли? — от его слов веяло такой уверенностью в своих силах и таким спокойствием, что я решил на всякий случай прикусить язык.

— С футболом все еще проще, — продолжал Саушкин. — Я уже говорил тебе о нашем стремлении создавать свои семьи, кланы, сбиваться в группы. Почему? Даже я не могу тебе точно ответить на этот вопрос. Возможно, это тоже заложено в самой нашей природе — ты видел когда-нибудь пещеры, переполненные летучими мышами? Или деревья в Камбодже, на которых днем отдыхают стаи летучих лисиц? Последний вариант не совсем корректен, потому что летучие лисицы не обладают эхолокацией, но дело не в этом. Возможно, что сами того не подозревая, мы ищем плечо друга, на которое могли бы опереться в тяжелую минуту, семью, в которой мы могли бы жить равными среди равных. Но, оказывается, это невозможно для нас. На протяжении веков мы гибли целыми кланами только от того, что находились рядом, из-за этого нас беспощадно выжигали и уничтожали, потому мы и научились выживать поодиночке или небольшими группами, мы приспособились прятаться в толпе среди людей, потому что еще не было случая, чтобы обычные люди уничтожались одновременно

с нами. Нас не очень любят Темные, хотя многие годы мы верно служили им, и ненавидят Светлые, с которыми мы воевали всю нашу историю. Но даже они не знают, кто на нас охотится. — Костя на минутку задумался над очередным ходом. — Так вот, практически одновременно с развитием джаза, в мире началось бурное развитие футбола. Признаюсь, мы не сразу поняли его потенциал, лишь после того, как в Рио-де-Жанейро была построена знаменитая Маракана, наши бразильские собраться обнаружили, что это идеальное место для сбора наших общин. Пусть только на полтора часа, но как же это много после веков одиночества! Мы получили возможность собираться тысячами! Ты представляешь себе, Антон — тысячами, не боясь быть растерзанными беспощадным врагом! На стадионах мы находим все, что нам необходимо — чувство родственного плеча и одновременно чувство безопасности, вызванное большим скоплением народа. И, что немаловажно, стадионы — это всегда открытые помещения, которые мы всегда можем покинуть в случае экстренной ситуации. — Он сделал очередной ход. — Тебе мат, Антон.

Несколько последних ходов я сделал как в тумане и поэтому не удивительно было, что партию

я проиграл. Что-то меня зацепило в Костином рассказе, что-то очень важное было в его словах, но я никак не мог ухватиться за нужную ниточку. Стараясь не выдать себя перед Саушкиным, я сделал огорченную мину.

— Может, еще партию?

— Нет, на сегодня хватит, у меня есть еще важные наши, вампирские, дела. — Костя с насмешкой посмотрел на меня. — Наверняка Светлана рассказывала тебе, чем мы сейчас занимаемся, и ты все-таки просто шпионишь, пытаясь что-то у меня выведать. — он рассмеялся. — Можешь передать ей, что в моих планах — мировое господство, и пусть ваши Дозоры и Инквизиция гадают, что я имел в виду!

С этими словами Мастер вампиров, не прощаясь, величественно вышел из комнаты.

Но в данный момент меня не интересовало ни мировое господство вампиров, ни Дозоры вместе с Инквизицией. У меня, наконец, появилась Идея. Ну, или что-то на нее похожее.

На следующий день ко мне подсел дядя Гриша. Выглядел он осунувшимся и невыспавшимся, наверное, увлекся переводом — подумал я.

— Добрый день, Антон!

— Здравствуйте, Григорий Сергеевич, не ожи-

дал вас так быстро! Закурите? — я услужливо предложил ему сигарету.

— Не откажусь, надеюсь, что и после прочтения моего перевода продолжишь угощать меня! — несколько смущенно засмеялся дядя Гриша.

— Что-то не так? — заволновался я. — Не удалось перевести? Или это действительно оказались долговые расписки и перепись стада?

— Ну, не так кардинально, но вы почти угадали, — он снова перешел на «вы». — Кстати, я уже говорил вам, что ничего плохого в долговых расписках нет, важен, прежде всего, текст сам по себе, ведь даже в такого рода записях ученые черпают данные о том, как жили люди в те времена, какой социальный строй они поддерживали, чем питались и прочее, прочее…

— Ну что же, значит, текст из нашего архива несомненно послужит науке, — оптимистично заявил я, горько раздумывая, зачем мне нужны долговые расписки и что они делали внутри шкатулки

— Э-э-э-э….. - дядя Гриша снова начал жевать губами. — Не совсем так… Дело в том, что даже я не до конца понимаю, что написано в этом документе. Да, это несомненно древнеарамейский язык, да, мне понятны все слова, но когда эти

слова вливаются в предложение, я почти ничего не понимаю! То ли автор шифровал свои записи, то ли они ничего не значат и это просто обычный рецепт, то ли это что-то весьма значительное, чего я просто не способен понять.

— Как это — рецепт? — опешил я. — Рецепт чего — блюда, лекарства? — Может, магический рецепт — крутилось у меня на языке.

Дядя Гриша глубоко затянулся, умудрившись при этом еще и грустно вздохнуть, докурил сигарету до фильтра и начал рассказывать.

— В те далекие времена пропитание играло важнейшую роль в жизни общин. Ведь важно было не только собрать урожай, но и сберечь его. Не только прокормить стадо, но и, забив животное, суметь сохранить мясо хотя бы на месяц. Чаще всего мясо вялили, но в этом рецепте описан абсолютно новый способ! Когда вы сами будете читать, то обратите внимание — сначала его промывают родниковой водой, затем обрабатывают паром, пока оно не побелеет, коптят ароматным дымом, обжаривают на открытом огне, затем размещают на ветру, чтобы ушла излишняя горечь, и для лучшей сохранности кладут на лед. После того, как мясо полностью готово, заготовитель ставит на нем свою печать, тавро. Да, я очень

далек от индустрии заготовок и кулинарии, но мне кажется, что в таком состоянии оно способно очень долго храниться даже в условиях жаркого климата. Конечно, чрезвычайно странно, что именно такой документ дожил до наших дней, но ранее встречались и более загадочные тексты, так что, ничего удивительного, собственно говоря, не произошло. Мне остается только надеяться, что вы не очень разочаруетесь, читая это, — и он протянул мне мои листки, к каждому из которых скрепкой был прикреплен текст перевода.

— А еще я обнаружил очень интересную деталь, — оживился дядя Гриша. — Весь текст написан в стихотворной форме, и мне стоило немалых трудов, чтобы хоть как-то передать напевное звучание этих строчек. Надеюсь, я не очень исказил смысл рецепта, если учитывать, что он и так был не очень понятным. Каждый стих состоит из трех частей — первая указывает на последовательность, вторая и есть собственно рецепт приготовления мяса, о котором я вам рассказал, а вот что означает третья, я вообще понять не могу.

Я был не просто огорошен его сообщением, я был просто опущен, растоптан, убит. Я не знал и только мог предполагать, что содержится в этом

заклинании, но мне и в голову не могло прийти, что там обычный рецепт, сведения, которые ничего не значат для меня. Но, тем не менее, я принял бумаги и, стараясь не высказать своей неуверенности, поблагодарил дядю Гришу за проделанную работу и попросил еще кое-что для меня сделать. Мне показалось, что он был расстроен даже больше меня, поэтому с радостью ухватился за новое задание и буквально побежал в свою мастерскую, где его уже наверняка ждали и дядя Слава, и дядя Семен.

Поднявшись в квартиру, я разложил листочки на письменном столе и начал изучать перевод следуя нумерации, которую указал на текстах дядя Гриша.

Лист 1.

Первый пласт разорви как прогнившую ткань
И у тела его тоже рядышком встань,
***
Родниковой водой проведи омыванье,
Чтобы смыть наслоения жизни прошедшей,
Пусть вода унесет навсегда расставанье,
Боль и страх, ночь и день, жар и холод кромешный.
***
Белым древком копья наполняй ожиданье

Нового смысла его пребыванья.

Лист 2.

В анфиладе дворца зал второй отыщи
Красок в нем не найдешь средь усталых морщин.
***
Нежно в руки возьми и обдай белым паром,
Чтобы он погрузился в него непременно,
Чтобы в теле убогом, унылом и старом
Красный цвет белым стал полноценно..
**
Белый нож, превратившийся в пар,
В нем раздует немыслимый жар,

Лист 3.

Третьим плотным покровом укутай его,
Очень крепко храни, не бросай одного!
***
Силой дыма быстрее взрыхли ему поры,
Прах взметни высоко над суровой вершиной,
Ну а ветер колючий, сухой и пустынный
Прочь унесет пыль и мелкие споры.
******
И пускай горький дым принесет ароматы
Все тех бурных времен, что прошли безвозвратно.

Лист 4.
Как только пройдешь ты еще одну стену
То в холод, то в жар попадешь непременно.
***
Огонь разожги и пусть вспыхнет в нем пламя,
В розовом небе рассыпятся искры.
Старая мудрость и вечная память
В тело войдут при касании быстром.
***
Можешь Стеною огня все закрыть,
Лишь бы до времени вам не остыть.

Лист 5.
В пятой комнате холод исчез леденящий,
Снова солнце восходит над миром пропащим,
***
Дуновением ветра его освежи,
Гарь уйдет и останется свежесть.
Отдохни и его на ветру положи,
Ощути вновь рожденную прелесть.
***
Водрузи на него тяжкий пресс,
Чтобы силу поднять до небес.

Лист 6.
Поднимайся вперед на шестую ступень,
Где зеленой листвы появляется тень.

***

Тебе нужно остыть среди жаркого дня.
Принеси с гор не тающий лед..
Тело нужно слегка надо льдом подержать -
Пусть лежит, пока время придет.
***

Паутиной из снега его накрывай
И тихонько шепчи: — остывай, остывай…

Лист 7.

Возвращайся скорей в свой родной, милый дом,
Где все, что случилось, покажется сном.
***

Усталое сердце шлет черную кровь,
Но ты дело свершил, и не время скучать.
Для шага последнего все приготовь
И твердой рукою оттисни печать!
***

Ты только что создал великое чудо,
Но время пройдет, и тебя позабудут…

За один раз мне не удалось уловить древний стихотворный слог, обработанный дядей Гришей, пришлось читать еще раз, затем еще и еще. Я не оставлял надежды найти что-то такое, чего не заметил дядя Гриша, но что мог знать я. Наконец,

я понял, что именно мне напоминают первые две строчки каждого стиха, и они явно означают не только нумерацию страниц…

Несколько дней я был озадачен новой загадкой и на улицу выходил только для редких встреч с дядей Гришей. Между нами установились ровные деловые взаимоотношения, хотя со стороны, наверное, это выглядело странно — долгие беседы молодого мужчины и пожилого пенсионера. Но, зная, чем обычно занимается дядя Гриша, окружающие не сильно обращали на нас внимания, и это было мне на руку. Он начал заходить ко мне в квартиру, а для внимательных бабушек хватило объяснения, что у меня просто сломалась стиральная машина. Поэтому, когда раздался очередной дверной звонок, я был уверен, что это пришел дядя Гриша и спокойно открыл дверь.

Но на пороге стоял Саушкин.

Выглядел он, как и в первую нашу встречу во дворе — мрачно и величественно, хотя настроение, видимо, было отличным.

— Будешь глазеть на меня или все же разрешишь войти?

Я для вида поколебался, но затем произнес формулу входа и жестом пригласил вампира в комнату.

— Ты пришел сыграть еще партию в шахматы? Или, может, хочешь холодного пива? — я откровенно подразнивал его, но Саушкину явно было наплевать на мои мелкие уколы.

— И не надейся! — засмеялся он. — Пиво твое было просто отвратительным, я целые сутки мучился изжогой, пока не высушил очередного молдаванина.

Меня передернуло от отвращения.

— Сегодня это не более, чем визит вежливости, о которой вы, люди, так часто забываете. — продолжил Хозяин Хозяев, спокойно расхаживая по комнате. Остановившись перед рисунком тигра, он долго рассматривал его, все-таки вампира чем-то зацепило это изображение. — В прошлый раз благодаря тебе я понял, каким должен быть мой следующий шаг, и за эти дни убедился, что это — единственно верное решение. Поэтому нет ничего удивительного, что я зашел проведать тебя и убедиться в твоем здравии.

— Теперь я могу рассчитывать на ваши регулярные посещения в качестве моего лечащего врача? — я сделал клоунский реверанс, — Хотя о чем это я? Ведь все ваше лечение сводится лишь к средневековому кровопусканию!

— Все как раз с точностью до наоборот, — снова

улыбнулся он. — Это последняя наша встреча, на время которой тебе гарантирована безопасность, и я тебя очень *прошу* — пожалуйста, постарайся больше не попадаться мне на глаза. По крайней мере, пока я сам этого не захочу!

Еще раз взглянув на тигра, Мастер вампиров развернулся и не спеша пошел к выходу. А я стоял в растерянности от услышанного и раздумывал — вот как у него так получается, быть одновременно и холодным и величественным, улыбаться и внушать ужас? И что означает его сообщение, что это была наша последняя встреча, на которой мне была гарантирована безопасность?

Глава 4

Мне приснился Зов. Мягкий и нежный, он шел издалека, я не видел и не мог представить, где его истоки, но расстояние не заглушало Зов, а наоборот, только усиливало и наполняло новыми красками. Найдя меня в гуще огромного мегаполиса, Зов превратился в бесконечное сверкающее покрывало, которое окутало и подняло меня в нежных своих объятьях, показывая в окно огни ночного города. Зов звучал, как давно забытая колыбельная, он проникал во внутрь, и не было ни сил, ни желания ему сопротивляться. Даже наоборот — Зов хотелось слушать, вдыхать, блуждать в его невесомых складках и никогда не просыпаться, чтобы случайно не потерять его. Не было ничего прекрасней этого Зова, он воплощал в себе все — самую прекрасную музыку, самый любимый голос, самые невероятные картины и самые нежные материнские прикосновения. С ним было спокойно и безопасно, он был и другом и любимой, и мне просто необходимо было найти того, кто так прекрасно и так ласково звал меня к себе. За ним я бы пошел куда угодно — в огонь и в воду, я бы залез на самую высокую вершину и

прыгнул бы за ним в самую глубокую пропасть, я бы следовал за ним по всему миру — все, что угодно, лишь бы слышать его.

Словно со стороны я видел, как встаю с постели, одеваюсь, бросаю в сумку какие-то предметы первой необходимости и выхожу на улицу. Ночное движение, не такое плотное, как днем, порождает передо мной такси, которое мчится туда, откуда меня зовут и где давно уже ждут мои самые любимые друзья. Я разрывался на части от нетерпения окунуться в этот прекрасный источник, и такси, как будто чувствуя мое желание, стремительно неслось по ночной Москве, все ближе и ближе к цели.

Очнулся я в полностью заполненном салоне самолета, который, по видимому, уже давно находился в воздухе. Большинство пассажиров уткнулись в свои гаджеты, кое-кто спал, детей почти не было, и благодаря этому царила нормальная полетная тишина. На фоне этой мирной картины один лишь я, наверное, выглядел более, чем странно — от неожиданного пробуждения я попытался вскочить, но ремень безопасности достаточно больно остановил меня и откинул обратно в кресло.

— Не подскажете, куда мы летим? — задал я

вполне логичный вопрос соседке справа, симпатичной брюнетке бальзаковского возраста с ослепительно белой кожей, но она так странно на меня посмотрела, что мне сразу же перехотелось с ней общаться.

Тем не менее, этот ее взгляд меня слегка отрезвил, я на какое-то время притих и постарался не делать резких движений. Сознание включалось медленно, рывками, я как будь-то выныривал из густого тумана и, по мере появления, получал способность формулировать вопросы самому себе. Как я здесь оказался? Кто все эти люди? Куда мы, действительно, летим? — во мне начинала нарастать паника, я принялся крутить головой в попытках найти любые внешние признаки, способные хоть что-то подсказать мне, но в ответ видел лишь нейтральное убранство салона самолета и безлико-равнодушные лица пассажиров. Друзья это или враги? А может просто сопровождающие? Кто меня позвал, неужели это Хозяин Хозяев воспользовался своим даром, и сейчас вокруг меня сидят одни вампиры, делая вид, что я им абсолютно не интересен? Но зачем я ему, мы же только недавно встречались?!

Зов опустошил меня полностью, выпил, высушил, как вампиры высушиваю свои жертвы. Не

было сил двигаться, думать, переживать… Мне стала понятной реакция людей, летящих на Зов, как бабочки на свет — быстрее, быстрее, нужно успеть, ведь если я не успею, то могу потерять его, а жить без этого Зова я больше не смогу!

А вот я не успел, не долетел… Но что, если я и сейчас продолжаю к нему лететь? Может, меня просто отпустили, чтобы я помучился, пока лечу, потому что все равно из самолета никуда не денусь, зачем тратить на меня лишние силы! Или он не работает на высоте 10000 метров, но стоит авиалайнеру приземлиться, как Зов меня снова подхватит и понесет в туманную неизвестность? Какой-то частью своего сознания я понимал, насколько это опасно и практически безнадежно, но и отказаться от мысли о нем я тоже не мог, для этого у меня не было ни сил, ни желания…

В салоне было немного прохладно, я слегка продрог и время от времени содрогался от мелкого озноба, в такие моменты соседка справа снова начинала коситься в мою сторону, пытаясь отодвинуться от меня подальше, но я ничего не мог с собой поделать и продолжал дрожать всем телом. «Хорошо хоть зубами не цокаю!» — успокоил я себя и тут же цокнул два раза. «Не думать об этом, не думать!» — внушал я себе, но,

наверное, к ознобу добавлялось еще и нервное напряжение, перемешанное с чувством бессилия что-либо изменить, в этот момент я казался себе полуживой рыбой, которую поймали на крючок и затем выбросили на песчаный берег. И неизвестно, что ждет впереди — сковородка, засолка на таранку или просто отдадут поиграться коту. Я ждал и в тот же момент боялся приземления, ведь в любой момент Зов мог возобновиться и я отлично понимал, что с радостью побегу навстречу своей гибели.

То ли я немного успокоился, то ли в салоне стало теплее, но дрожать я перестал и просто сидел в своем кресле, сжавшись в комок и опасаясь задремать даже на минутку. Соседка, заметив, что я больше не дергаюсь и не задаю глупых вопросов, успокоилась и перестала обращать на меня внимание, но я почему-то был уверен, что она тщательно за мной наблюдает и, стоит мне снова начать нервничать, как она хищно улыбнется, показывая мне свой левый клык и прошипит в ухо: — «Сидеть!» Запугав самого себя, я так и просидел в своем кресле до того момента, когда в салон вошла стюардесса и на русском и французском языках сообщила, что наш рейс Москва — Париж подходит к концу, мы подлетаем к аэро-

порту Шарль-де-Голль, просьба пристегнуться и оставаться на своих местах до полной остановки авиалайнера.

Итак, на одно неизвестное меньше. Франция, Париж. Не самый худший вариант — в Париже я уже бывал неоднократно, город хорошо знал, а французский язык по-прежнему оставался в моем арсенале — в отличие от многих других, которые я мгновенно забыл, превратившись в человека. Но оставались вопросы, ответ на которые еще предстояло найти — кто и зачем меня сюда пригласил, а точнее, похитил и привез? И возобновится ли Зов после приземления?

Я прекрасно понимал, что если снова погружусь в пучину Зова, то уже никогда не смогу из него выбраться, и поэтому, когда самолет сначала коснулся своими шасси взлетно-посадочной полосы, а затем и полностью остановился у здания терминала, я вздохнул с облегчением — все-таки Зов меня отпустил! Я проследил взглядом за выходящими попутчиками, но никто не интересовался мной, все казались озабоченными своими личными делами и старались побыстрее покинуть надоевший самолет, и даже моя соседка выскочила из салона одной из первых. Забрав свою сумку, я поплелся за последним

выходящим, приветливо кивнул стюардессам на пожелание хорошо провести время в «прекрасной столице прекрасной Франции», и вошел в здание авиатерминала. Отстояв небольшую очередь на паспортном контроле, я вышел в зал для встречающих, с тайной надеждой, что сейчас все образуется и станет на свои места, но на выходе никто ко мне не подошел, никто не размахивал табличкой «Антон Городецкий», и я какое-то время просто растерянно стоял, всеми забытый и никому не нужный.

Немного придя в себя, я для начала решил наведаться на стойку регистрации Иных и поинтересоваться у дежурной пары, возможно, они в курсе, почему я здесь. Но сколько я не бегал по аэропорту, эту чертову стойку я так и не нашел, хотя точно знал, что она здесь есть и даже место приблизительно помнил.

Хорошо, придется все вопросы решать самому. Делать мне в Париже было абсолютно нечего, зато дома осталось слишком много нерешенных вопросов, неужели меня специально выдернули из Москвы, чтобы я не успел доделать начатое? «Нечего здесь прохлаждаться!» — решил я, и поспешил к кассам взять билет на обратный рейс.

— Месье желает так быстро покинуть наш ве-

ликолепный город? — с искренним огорчением спросил меня темнокожий кассир с серебряной серьгой в ухе, по-видимому считающий себя коренным парижанином. ***O tempora, o mores.*** — О времена, о нравы!

— К сожалению, да. Надеялся провести здесь пару дней, вспомнить свои былые прогулки по весенним бульварам, но неожиданный звонок, и я вынужден срочно возвращаться в Москву.

— Должен вас огорчить, месье — ближайший рейс на Москву, на который есть свободные места, будет только поздним вечером, зато у вас будет целый день для того, чтобы побродить по Парижу! Кстати, рекомендую посетить открытие ежегодного джазового фестиваля **Saint-Germain-des-pres,** который будет проходить в знаменитом районе Сен-Жермен-де-пре с 24 мая по 4 июня на таких уникальных площадках, как церковь Сен-Жермен-де-пре, университеты Сорбонна и Декарт, Сенат, театр Одеон, ирландский культурный центр и другие. Так что вы сможете попасть на открытие, на котором будут многие известные музыканты!

— Благодарю, я с удовольствием воспользуюсь вашей подсказкой! — Удовлетворенный кассир, подрабатывающий, скорее всего, зазывалой на

какую-нибудь туристическую компанию, сверкнул ослепительно белыми зубами, а я подумал — а почему бы и нет? Свободного времени у меня полно, а из предыдущих своих поездок я помнил, что непосредственно из терминала в центр города идет прямой поезд, и решил, раз уж я здесь оказался, снова пройтись по этому прекрасному когда-то городу. Хоть посмотрю, сколько там вампиров тусуется, если узнаю их, конечно — посмеялся я над самим собой.

В вагоне я увидел недавнюю свою соседку по самолету, наши взгляды встретились, она недовольно скривилась и отвернулась. Точно наблюдает за мной…

В мае Париж особенно прекрасен. Старинный город раскрывает вам свои объятья после не очень холодной, но слякотной зимы, цветущие каштаны украшают мощеные улицы, а многочисленные кафешки открывают свои летние площадки, приглашая вас отдохнуть после долгих путешествий по городу. В мае еще работают аттракционы тронной ярмарки **Foire du trone**, только что закрылся фестиваль хлеба **La Fete du Pain**, зато начался открытый чемпионат Франции по теннису **Roland-Garros**, и многие парижане специально посещают все матчи женского тур-

нира, чтобы еще раз услышать сексуальные вскрики молодых и красивых теннисисток. Еще вы можете поехать на Марсово поле, подняться на Эйфелеву башню, прогуляться Люксембургским садом и насладиться Лувром или на целый день зависнуть на фестивале джаза, на который я сейчас и приехал.

Джазовые площадки были открыты сразу в нескольких местах, кое-где уже звучала музыка, но в большинстве случаев музыканты только настраивали инструменты и аппаратуру. К открытию собралась достаточно большая толпа поклонников, но сколько я не высматривал, вампиров так и не заметил. А чего я ожидал? Что кто-то будет демонстрировать клыки и тайком пить кровь соседа, застывшего в эйфории? Наверняка, они здесь были, и немало, но обычному человеку, такому как я, например, невозможно было выделить даже одного из пестрой толпы любителей джаза. Прохаживаясь по площади, я добросовестно пытался разобраться, что же вампиры находят в такой музыке, от чего они дуреют до такой степени, что слетаются на подобные мероприятия со всего мира? Как там говорил Саушкин? Свинг и опора на риффы? Я прислушался. Наверное, не всем дано понять, что это такое, и

я наверняка принадлежу именно к тем людям, которым намного ближе рок и даже порядком заезженная классика. Возможно, здесь сейчас и выступают какие-то мировые знаменитости, но я вспомнил свои прежние нарезки, которыми заполнял плейер, и даже немного загрустил о них — джаз оказался явно не моим увлечением, так что в вампиры я точно не гожусь. Пусть все, что угодно, даже попса с Киркоровым и Басковым, но джаз… отдайте его вампирам, раз они так его любят.

Разочаровавшись в очередной раз, я остановился возле одной из фанатских групп, члены которой с заметным наслаждением слушали какую-то группу афроамериканцев из Алабамы, а как по мне, так обычных алжирцев, да и сами слушатели были больше похожи на афро-французов, чем на коренное население Парижа. Впрочем, к этому давно уже все привыкли, и даже для меня это не было новостью, поэтому я просто стоял, делая вид, что слушаю музыку, а сам думал над тем, что получается полная ерунда какая-то — вампирский Зов привел меня в Париж, где на знаменитом джазовом фестивале должна быть уйма вампиров, но фестиваль мне не понравился, вампиров я не заметил, до самолета оставалось

все меньше и меньше времени, а я по прежнему никого не интересовал.

На фестивале я порядочно устал от многоголосия звуков и столпотворения людей, и поэтому решил просто пойти прогуляться где-нибудь неподалеку, а ноги сами понесли меня в сторону неподражаемого Люксембургского сада. Идти нужно было не очень далеко, времени у меня хватало, и я не спеша направился туда по **Rue Bonaparte**. Свернув на **Rue de Vaugirard**, я увидел афишу, в которой сообщалось, что в Люксембургском музее с 7 марта по 1 июня проводится выставка картин знаменитого живописца венецианской школы позднего Ренессанса Тинторетто. Возможно, искусствоведам это имя что-то и говорило, но я слышал о нем впервые и даже обрадовался случаю провести время с пользой и расширить свой кругозор.

На удивление, в залах практически не было людей. Скорее всего, изысканные парижане уже успели посетить выставку ранее, и поглазеть на картины зашли только такие же приблудные туристы, как и я. Для лучшего ознакомления с творчеством маэстро, я приобрел программку-путеводитель, в которой и прочел, что Тинторетто, оказывается, называют последним Великим

художником эпохи Возрождения, и мне предлагают собственными глазами убедиться, что это действительно так. Подойдя к первой же картине, я застыл в восторге — пустая, казалось бы, затея, с пользой провести пару часов, превратилась в увлекательнейшее путешествие по миру произведений действительно Великого Мастера. Я подолгу останавливался у каждой картины, читал, что о ней писали исследователи его творчества, старался сначала охватить взглядом все полотно в целом, чтобы впитать сюжетную линию, которую передавал своей гениальной кистью Художник. Только после этого я начинал изучать картину во всех деталях, разделяя ее на персонажи и окружение, любуясь тем, как умело он передавал полотну краски и свет. В той же программке писалось, что Тинторетто работал под девизом **«il disegno di Michelangelo ed il colorito di Tiziano»** — «Рисунок — как у Микеланджело, колорит — как у Тициана». И, хотя многие указывали на то, что в своем творчестве он также испытал влияние Рафаэля и Джулио Романо, тем не менее, отмечалось, что «*Ранние произведения Тинторетто исполнены в традициях Высокого Возрождения, с его величием, героикой, оптимизмом. Но уже в них ощущается повышенный*

интерес художника к динамике резко освещенной формы, необычным ракурсам, к изображению народной толпы, охваченной единым действием, настроением, состоянием.» На этой экспозиции были представлены именно его ранние произведения, но в самом конце выставки, чтобы никто случайно не ушел ранее, зрителям обещали показать его знаменитую картину «Тайная вечеря».

К моему удивлению, у этой картины стоял только один посетитель.

— Привет, Костя, — сказал я, подходя к нему.

— Как же не вовремя оказался ты в Париже, —

глухо ответил Мастер вампиров, не поворачиваясь и не здороваясь. — Ты сам-то хоть понимаешь, что пренебрег моим предупреждением и подвергаешь себя смертельной опасности, преследуя меня?!

— А разве не ты призвал меня сюда? — удивился я — Да и отсутствие посетителей очень уж напоминает твой почерк, — я съязвил, напоминая ему его первое появление во дворе. На самом деле, мне было страшно, очень страшно, но не для того же он затащил меня сюда, в Париж, в Люксембургский музей, чтобы затем посетовать на нарушение режима и высушить меня?

— Я?! — он гневно повернулся ко мне. — Мы еще выясним, что ты имел в виду, но знай, что пока лишь одно спасает тебя от наказания — твой час еще не пробил. — я невольно вздрогнул, у него отлично получалось навеивать на меня ужас. — Но, раз уж ты здесь, позволь тебе напомнить наш недавний разговор о роли вампиров в вашей, человеческой истории. Взгляни, что ты видишь на этой картине?

Я даже отпрянул от неожиданности — первым, на что наткнулся мой взгляд, было изображение огромной летучей мыши в верхнем левом углу картины. Она открыто висела вниз головой с

широко расставленными крыльями, и этот образ оказался настолько ярким, что мне с трудом удалось перестроить свое зрение и убедиться, что на самом деле это изображение обыкновенного светильника. Я мигом раскрыл програмку и прочел в описании этой картины: *Помещение, где находится Иисус Христос и его последователи, освещено двойными лучами света — земного, льющегося из подвешенного светильника, и божественного, струящегося от головы самого Божьего сына и его апостолов. Он буквально вырывает из мрака отдельные фрагменты, украшая всю картину эффектными золотыми бликами.*

— Не каждому дано увидеть то, на что обратил внимание ты, — удовлетворенно произнес Мастер вампиров, заметив мое удивление. — Заметь, так называемый светильник находится значительно выше и освещает помещение гораздо лучше, а за ярким светом от головы Божьего сына сразу же угадывается тьма.

— Аллегория на тему Тьмы и Света?

— Не совсем. Скорее это признание того, что именно мы, Темные вампиры, имеем намного больше заслуг перед людьми, чем так называемые Светлые.

— Если тебя послушать, так окажется, что все

выдающиеся памятники человечества созданы благодаря вам!

— Ты недалек от истины, Городецкий, — голос у вампира был серьезный и печальный. — Но даже ты не можешь себе представить, сколько прекрасных картин было создано *исключительно* благодаря нам!

— Ты хочешь сказать…

— Да взять хотя бы это полотно, в твоем путеводителе для неучей указывается, что «Тайная вечеря» Тинторетто была написана ровно через сто лет после знаменитой на весь мир «Тайной вечери» Леонардо да Винчи, но концептуально от нее отличается. И все. Ты только вслушайся — «концептуально от нее отличается»! И ни слова о том — почему! — в голосе вампира снова была горечь, еще раз горечь и удивление. — А как ты думаешь, чего смог бы в одиночку достичь сын красильщика, которого с позором изгнал из своей мастерской сам Тициан? Какое будущее могло быть уготовано талантливому художнику — бунтарю, не способному самостоятельно добиться положенного места в обществе?

— Мне как-то слабо верится, что он стал знаменит только благодаря твоим предкам!

— Ну что ты, конечно же, нет, без собственного

таланта он был бы нам просто не интересен! Благодаря Тинторетто и ему подобным мы развлекались в скучное Средневековье, у нас всегда хватало времени, денег и влияния для создания собственных изысканных персонажей, театра кукол, если хочешь. Очень часто мы откровенно соперничали друг с другом, состязаясь в том, чей подопечный станет знаменитей. Так вот Тинторетто как раз и есть из числа подобных марионеток, именно нам он обязан своей славой и тем, что его до сих пор помнят и чтут. Причем, не только люди, но и мы, вампиры, потому что при написании этого полотна, истинной вершины его творчества, специально было оговорено, чтобы на нем присутствовал узнаваемый представитель нашего семейства. По понятным причинам Тинторетто не мог вписать в эту картину своего покровителя во всей его красе, поэтому был выбран компромиссный вариант с его изображением в сумрачном виде.

— ***Pacta sunt servanda*** — договоры нужно соблюдать, — кивнул я. — Так это и стало условием вашей, так называемой, безвозмездной поддержки?

— И снова нет, мой дорогой оппонент! Свою неограниченную поддержку мы всегда оказыва-

ем исключительно из любви к искусству, абсолютно бескорыстно! По-видимому, ты не обратил внимания на дату создания картины — 1592–1594 года. А теперь взгляни на дату смерти автора — 1594 год. В средние века мы не очень скрывались, и Тинторетто знал, кто его поддерживает на самом деле. Но к старости он окончательно утратил свое бунтарство, стал труслив и суетлив, начал бояться смерти и того, что попадет в ад за знакомство с Темными силами. Он принялся обвинять своих покровителей за утерю собственной загробной жизни, и тогда мы заключили с ним соглашение — он получает от нас жизнь вечную, а мы от него религиозную картину с условием, о котором я уже только что тебе рассказал. Кстати, достаточно распространенный договор, можешь вспомнить еще картину Вильяма Бугро «Данте и Вергилий в аду», если она тебе известна, конечно. Каждый из нас выполнил свою часть договора, официально Тинторетто умер, но благодаря нам он влачит свое жалкое существование до сих пор. Правда, после того, как он стал Бессмертным, он не способен больше написать ни одного нового полотна. Мы неоднократно предлагали ему переквалифицироваться и стать меценатом, чтобы поддерживать молодых художников, как когда-

то поддержали и его, но это ничтожество вновь и вновь проклинает нас, теперь уже за ненужную ему вечную жизнь, и не отходит далеко от своего последнего детища, охраняя «Тайную вечерю» от перемещения куда-либо за пределы венецианской церкви Сан-Джорджо Маджоре.

— Ты весьма странно отзываешься о своем поданном, да и вся твоя история с явным вампирским душком. Даже если принять все тобою сказанное за истину, то получается, что ваше стремление блага принесло человеку страдание и вечные муки. И ты еще считаешь, что вы являетесь меценатами, а не кровопийцами?

— Как же ты глуп, Антон Городецкий! — даже с какой-то горечью в голосе произнес Мастер вампиров. — Когда же ты поймешь, что черные полосы всегда чередуются со светлыми, день сменяет ночь, а благие намерения слишком часто ведут в ад. Даже ваш Гесер отбрасывает тень! — он засмеялся удачно подобранной аналогии. — Запомни, хотя тебе вряд ли это пригодится в будущем — самые темные времена наступают тогда, когда именно ваши Светлые вознамериваются в очередной раз вознаградить человечество всеми возможными светлыми благами.

— По этому поводу…

— Возражения больше не принимаются! Тем более, что они меня не интересуют! — резко прервал меня вампир. — И теперь я весь в ожидании *твоих* объяснений — почему ты оказался в Париже? — он больно ткнул меня в грудь указательным пальцем, украшенным длинным загнутым когтем. — Учти, я легко распознаю ложь, и в твоих же интересах рассказать мне всю правду сразу. Лично я думаю, что это очередные проделки вашего Гесера, но не понимаю, зачем нужно было тебя так светить? Тем более, после моего предупреждения не попадаться больше мне на глаза? Кстати, ты уже что-то начинал бормотать о том, что уверен в некой *моей* причастности, и сейчас пришло время узнать, что же ты имел в виду!

— То есть ты хочешь сказать что супер мощный вампирский Зов организовал не ты? — насмешливо ответил я. — И ни сам Мастер вампиров, ни его слуги не услышал его здесь, в Париже? — Мой наглый тон Саушкин пропустил мимо ушей, зато Зовом явно заинтересовался.

— Начинай, но не забывай, с кем ты разговариваешь! Уверяю тебя, что не знаю ничего ни о каком Зове!

Я с сомнением посмотрел на Хозяина Хозяев,

хотя уже успел понять, что лгать ему не было никакого смысла. Но если это не он, то кто же? Другой вампир без разрешения своего Мастера выдернул меня из Москвы в Париж и организовал нашу встречу?! Но зачем? Мне пришлось рассказать ему обо всем — о том, как я услышал Зов и затем очнулся в самолете, о своем прибытии в Париж и посещении джазового фестиваля, как, в конце концов, оказался в Люксембургском музее и встретил его. Хозяин Хозяев слушал не перебивая и по его лицу невозможно было понять, верит он мне или нет. Но после того, как я закончил, он задумчиво сказал:

— Ни я, ни мои подручные в Париж тебя не вызывали. Более того, здесь этот Зов не был даже зарегистрирован, поэтому, скорее всего, место его происхождения — Москва, а цель — усадить тебя именно в тот самый самолет, где летела Кристина, и вместе с ней прибыть в столицу Франции. Или не Москва? — задумчиво спросил он самого себя.

— Какая еще Кристина?

— Ты не был ранее знаком с ней, но именно она случайно оказалась твоей попутчицей.

— Ах, случайно?! Да она только и делала, что пялилась на меня!

— Если я сказал случайно, значит, так оно и есть! — не повышая голоса сказал, как отрезал Мастер вампиров. — Но она действительно доложила мне о твоем присутствии и я приказал ей доставить тебя ко мне.

— Получается, наша встреча не была спорадической?

— Конечно же, нет! Даже ты должен был догадаться, что все мои встречи тщательно готовятся заранее!

— Зачем же тогда эта клоунада с допросом?!

— Потому что я действительно не знаю, кто и зачем организовал Зов и выманил тебя в Париж, причем, таким сложным способом. Между прочим, Зов принято считать исключительно нашим заклятьем, но даже в Москве это могли сделать многие из Высших Темных и даже из ваших Светлых Иных, но особого смысла я в этом не вижу. Остается предположить, что кто-то, находящийся здесь, смог организовать Зов таким образом, что он прошел незамеченным через всю Европу, нашел тебя в огромной Москве, усадил в самолет и затем исчез. Из всех знакомых мне Иных есть только один, способный на такую мощную комбинацию, и уверяю тебя, что это не вампир. Но зачем? Операция отвлечения? — он

уже просто размышлял вслух, не обращая на меня никакого внимания. — Сейчас мы знаем, что он здесь, в Париже, и уже буквально наступаем ему на пятки! Неужели это просто попытка скрыться, пока я буду ломать голову и заниматься тобой? Вполне возможно, но тем хуже для него, я не собираюсь играть по его правилам! Антон Городецкий! — официальным тоном обратился он ко мне. — Ты уже вторично даешь мне очень полезную информацию и поэтому я продлеваю твое бесполезное существование! Пока ты здесь, никто из моих подданных не посмеет даже прикоснуться к тебе, я прикажу проследить, чтобы ты благополучно сел в самолет и добрался до Москвы. Но я категорически не рекомендую тебе и дальше разгуливать по Парижу!

Nemo me impune lacessit — никто не тронет меня безнаказанно, хотел съязвить я по этому поводу, но Мастер вампиров не считал нужным выслушивать меня и дальше, и просто исчез. А я так и остался стоять в одиночестве перед «Тайной вечерей», на которой то ли горел светильник, то ли висела огромная летучая мышь…

На выходе из музея меня ждала недавняя моя попутчица.

— Кристина, — представилась она. У нее оказа-

лась очень приятная и привлекательная улыбка, если бы я не знал, что она вампир, то вполне мог бы принять ее за ведущего менеджера какой-нибудь крупной иностранной компании. Рука, как и положено, была мертвенно-холодной.

— Антон, — ответил я на рукопожатие. — Но вы же и так с самого начала знали, кто я!

— Не совсем, — возразила Кристина. — В самолете я не была уверена, что рядом со мной сидит сам Антон Городецкий, да еще в таком странном состоянии. Поэтому сразу же после прилета сняла вашу ауру и отправила шефу, он подтвердил вашу личность и приказал доставить вас по адресу.

— Как посылку? — засмеялся я.

— Ну что вы! — ослепительно улыбнулась и Кристина. — Мне достаточно было слегка вас подталкивать, а все остальное вы сделали сами!

— И что же вам приказали делать теперь?

— Ничего особенного — просто проследить, чтобы вы благополучно добрались до аэропорта и никуда не выходили оттуда до отлета. Открою вам небольшой секрет — в городе начинаются небольшие беспорядки, а шеф почему-то очень беспокоится о вашей безопасности, ему чрезвычайно важно знать, что вы благополучно возвратились в Москву! Кстати, это весь ваш

багаж? — они кивнула на мою сумку.

— ***Omnia mea mecum porto*** — все свое ношу с собой! — скромно ответил я. — И, честно говоря, пожелания вашего шефа, полностью совпадают с моими, уж слишком много событий за последние сутки, с удовольствием подожду рейса в терминале.

Странно — раньше о моей безопасности тревожились только Светлые и моя семья, затем подключился Дневной Дозор, а теперь еще и Дозор Кровавый! Не хватало только Инквизиции, но и без нее у меня начало складываться устойчивое впечатление, что я нахожусь в центре какой-то запутанной паутины, на краю которой сидят злющие пауки и по очереди дергают свои ниточки, пытаясь по максимуму использовать меня в темную.

Кристина набрала какой-то номер и вскоре перед нами остановился шикарный черный Мерседес. Возле водителя сидел громила-сопровождающий, но крупная комплекция не помешала ему ласточкой вылететь из салона и открыть перед нами заднюю дверь. Нужно будет запомнить, что, Кристина, скорее всего, не совсем рядовой член штаба Кровавого Дозора.

Усевшись на заднее сиденье, мы двинулись

в направлении аэропорта. С трудом верилось, что я нахожусь в машине с тремя вампирами, и при этом мне ничего не угрожает, но до места мы добрались без происшествий, а Кристина, отпустив машину, присутствовала рядом вплоть до того момента, когда объявили регистрацию на мой рейс.

— Мне очень приятно было находиться в компании такого знаменитого человека, как вы, — заявила она на прощание. — Но сейчас я вынуждена вас покинуть, надеюсь, вы тоже с пользой провели свое время.

— Очень приятно было с вами познакомиться, Кристина! Странным образом у меня уже есть девушка для связи с главой Дневного Дозора и я был бы не прочь, если бы вы оставили мне свой телефон, чтобы через вас я бы мог связываться с Хозяином Хозяев!

Поколебавшись несколько секунд (по-видимому, инструкций на этот счет у нее не было) она все-таки дала мне визитку со своим номером и стремительно удалилась. Последнее, что я услышал, было какое-то невнятное бормотание, что-то типа, «ну, наконец-то, может, еще успею». А надпись на визитке свидетельствовала, что Анна-Ефросинья-Кристина Петровская является

старшим менеджером Благотворительного фонда «Кровные Узы». Чем занимается фонд указано не было. «Убийственные благотворители!» — посмеялся я над их креативностью.

На паспортном контроле я оказался одним из первых, передо мной в очереди стоял только один мужчина со значком Люфтганза на лацкане пиджака.

— Илон Маск? — таможенница на контроле удивленно подняла глаза на моего попутчика.

— Только случайный полный тезка! — засмеялся он. — Пилот Люфтганзы, — показал он ей на свой значок. — Лечу в Москву по делам. — добавил он, хотя девушка уже потеряла к нему всяческий интерес и молча поставила в паспорт отметку о выбытии.

Самолет постепенно наполнялся пассажирами, но на этот раз меня уже не интересовали мои попутчики, мне было все равно, наблюдают за мной или нет и кто из них вампиры. Я ужасно устал за последние сутки, в голове царила сумятица мыслей, состоящая из событий, фактов и догадок, поэтому я с трудом дождался момента, когда мы поднялись в воздух, расстегнул ремень безопасности и блаженно уснул. Снились мне какие-то синие черти, которые везли меня на

венецианских гондолах по каналам из горячей смолы. Я знал, что по ночам они превращаются в летучих мышей и нападают в небе на гражданские самолеты, но ничего не мог с этим поделать, потому-что летучая мышь по имени Тинторетто пригласила меня в церковь Сан-Джорджо Маджоре и показывала мне свою новую картину, на которой был изображен Хозяин Хозяев в белом плаще с кровавым подбоем и лавровым венком на голове.

— Я ему еще рожки небольшие дорисовал, чтобы венок не свалился, — пояснил мне Тинторетто.

— А почему плащ белый, если Костя Темный? — успел еще спросить я и проснулся.

Причиной моего резкого пробуждения стала стюардесса, милая и еще наивная девочка, наверное, самая молодая из всего состава, которую более опытные сослуживицы отправили в салон для оглашения не очень приятного объявления. Она как раз сообщала, что из-за сложной метеорологической ситуации в районе Москвы наш самолет совершит вынужденную посадку в Пражском аэропорту имени Вацлава Гавела, просьба к пассажирам сохранять спокойствие и оставаться на своих местах до полной остановки

авиалайнера.

Выражение «вынужденная посадка» уже изначально несет в себе элемент трагичности, и поэтому не удивительно, что пассажиры начали волноваться. В сторону девушки понеслись вопросы, возгласы возмущения и мелкие проклятия, как будь-то именно она была во всем виновата. Более опытные стюардессы знали, что после подобных сообщений может долго болеть голова, некоторые даже посещали экстрасенсов, и если им везло попасть на «правильную» лицензированную ведьму, она легко снимала с них крошечные инферно. В худших случаях приходилось дожидаться, пока они рассосутся сами, но процесс этот очень долгий и болезненный, чаще всего такие боли списывали на обычную женскую мигрень и прописывали разные таблетки, которые, конечно же, не помогали. В бытность свою Великим Светлым я снимал подобные инферно чисто автоматически даже с прохожих на улице, но в нынешнем своем статусе мог только посочувствовать этой девочке.

Пассажиры слегка успокоились и малознакомые донедавна люди стали рассказывать друг другу реальные и выдуманные страшилки на заданную стюардессой тему. Салон зашумел и

вскоре заполнился многоголосым шумом, который заглушил даже шум моторов. Но стоило только только самолету лечь на крыло, совершая плавный поворот, как разговоры мгновенно стихли, а руки перепуганных авиапутешественников самовольно, до судорог, вцепились в подлокотники сидений. Я прислушался, но ничего криминального в работе двигателей не услышал, даже наоборот, мне показалось, что полет проходит в штатном режиме, и я приказал себе не тревожиться попусту заранее. Вскоре мы благополучно приземлились, и салон тут же взорвался громом аплодисментов. «Наши летят!» — с теплотою подумал я.

— Уважаемые пассажиры! — снова отозвалась стюардесса, на этот раз уже другая. — Наш авиалайнер благополучно произвел посадку и сейчас будет отбуксирован за запасную стоянку для осмотра и дозаправки. Все пассажиры, находящиеся в салоне, обязаны пройти стандартную санитарную обработку, после чего будут размещены в отеле до получения дополнительных указаний. Просьба не вставать преждевременно со своих мест до специального объявления! Спасибо!

Интересно, что это за «стандартная санитарная

обработка»? Никогда не слышал о такой, и зачем проводить осмотр самолета, если мы сделали вынужденную посадку только потому, что в районе Москвы сложная метеорологическая ситуация? И больше никаких комментариев. Вскоре к нам в салон зашли люди в защитных костюмах и масках и чем-то обработали и нас и салон, судя по запаху, каким то легким антисептиком. Затем нас погрузили в поданные к трапу автобусы и отвезли в отель, где продержали еще сутки без всяких объяснений. Напоминало все это какие-то строгие карантинные меры, и только после этого, уже без всяких мер предосторожности нас отвезли обратно в аэропорт и указали стойки регистрации на новый рейс. Мы ничего так и не поняли, моли бы хоть что-то объяснить!

Рядом, на соседней стойке, которая проводила регистрацию на этот же авиарейс, я неожиданно заметил Кристину. Почувствовав мой взгляд, она резко повернулась в мою сторону, и я с удивлением отметил, что она довольно сильно изменилась за прошедшие сутки — помолодела, что ли? Обычно подобные метаморфозы происходят с вампирами, напившихся вдосталь человеческой крови, неужели она только что усиленно позавтракала и теперь снова будет лететь одним

рейсом со мной?!

— Почему вы здесь, а не в Москве? — жестко спросила она. От былой благожелательности не осталось и следа. — Впрочем, не отвечайте, поговорим в самолете! — она отвернулась, достала телефон и негромко, извиняясь, начала кому-то обо мне докладывать.

«Конечно же, Хозяину Хозяев, кому же еще! " — решил я. Еще в Париже я понял, что уровень и статус в Кровавом Дозоре у Кристины должны быть очень высокими, раз у нее есть возможность выхода прямо на своего Мастера. И вряд ли она путешествует одна.

Самолет нам предоставили тот же самый, на котором мы сюда прилетели, но летный состав заменили полностью. Салон пропах антисептиком и многие пассажиры, большинство из которых тоже присутствовали здесь во время вынужденной посадки, недовольно морщились, но молча занимали свои места. Только небольшая часть побоялась лететь этим же авиалайнером и осталась в аэропорту поджидать другого подходящего рейса, одно из их мест, вероятно, и выкупила Кристина. Представившись моей девушкой, она бесцеремонно прогнала парня, который устраивался рядом со мной, и решительно приступила

к допросу.

— Рассказывай, дорогой, как же так произошло, что ты тоже оказался в Праге?! Следил за мной? — лукаво спросила она. Продолжая играть роль моей девушки, Кристина взяла мои руки в свои и очень тесно прижалась ко мне, но продемонстрированный в короткой улыбке клык должен был показать, что разговор на самом деле предвидится очень серьезный. Руки были холодными, как лед, но нечего было даже думать их разнять.

— Ничего особенного, вынужденная посадка из-за сложной метеорологической ситуации в Москве. И, если можно, забери, пожалуйста руки, уж слишком они у тебя ледяные! — уже тише добавил я.

— Какая ситуация в Москве? Ваш рейс оказался единственным, который здесь сел! — перешла на тихий крик Кристина.

— По крайней мере, нам так объявили, — огрызнулся я и в подробностях рассказал все, что знал.

— Ничего не понимаю! — растерялась девушка, выслушав мой рассказ. — Мне с трудом верится, что это обычная случайность, а шеф чуть голову с меня не снял, узнав что ты еще не в Москве! По его приказу ты теперь под моим личным присмотром, пока не прибудешь на место назна-

чения! — она замолчала и дулась затем на меня все оставшееся время полета, как будь-то я был в чем-то виноват или назвал ее толстой. Ну чисто по женски, честное слово! Я попытался было выяснить, что *она* делала в Праге, но ответом мне было полное пренебрежение, поэтому я тоже замолчал и до Москвы мы добрались надувшимися и обиженными друг на друга. Хорошо хоть Света не видела этой картины.

После прохождения таможенного контроля она не доверила меня обычным таксистам, а снова вызвала водителя на Мерседесе. Никогда ранее не замечал тяги вампиров к этой марке! Неужели мания величия сказывается даже в таких мелочах? Теперь благодаря этим кровососам у меня образуется стойкий психологический комплекс и я, не особо задумываясь, буду считать, что в черных Мерседесах с затемненными стеклами ездят только вампиры. Впрочем, так оно, наверное, и есть на самом деле. Но сейчас мне даже не пришлось называть свой адрес — меня доставили прямо к дому, и только здесь Кристина удовлетворенно вздохнула, выпустив меня, и приказала водителю:

— На Рублевку!

Конечно, первым делом следовало бы обо

всем доложить Борису Игнатьевичу — собираясь в далекий путь под воздействием Зова, я не взял с собой мобильный телефон и все это время вынужденно был не на связи. Но, тем не менее, я решил не звонить и не заезжать пока в офис Ночного Дозора, потому что чувствовал острую необходимость побыть в одиночестве и еще раз хорошенько обдумать происшедшее. Присев на знакомую лавочку перед домом, я достал любимую «Сумеречную», закурил и начал сопоставлять факты. Похоже было, что Хозяин Хозяев и на самом деле не знал, кто и зачем позвал меня в Париж, но мое присутствие так его заинтриговало, что он приказал организовать нашу встречу, во время которой понял что-то до такой степени значимое, что даже выделил мне сопровождение до терминала, а затем и до Москвы. Вот только не понятно, почему ему так важно, чтобы я был именно в Москве, дома и не шастал где-нибудь по заграницам? Откуда такая острая заинтересованность в моей безопасности? Причем, одновременно с угрозами не попадаться ему больше на глаза? А еще в разговоре он упомянул о ком-то, кто, возможно, организовал этот Зов, и этот «кто-то» был ему явно неприятен, так что вряд ли Мастера вампиров или его

приближенных можно было обвинить в этой провокации. Наверное, на его месте я бы тоже заинтересовался, почему Городецкий неожиданно объявился там же, где и он, так что пока все было логично. Можно было принять за случайность присутствие Кристины в самолете на Париж, но вот поверить в то, что в Праге она тоже оказалась случайно, я не мог. А что, если все наоборот? Именно я непредвиденно оказался и там и там, а вот как раз Кристина везде была преднамеренно? Или мы оба должны были оказаться и там и там одновременно? И был ли в Праге Хозяин Хозяев? У меня голова шла кругом от всех этих умозаключений и я усилием воли постарался переключиться на что-нибудь другое.

Черт! Я совсем выпустил из виду, что в Париже мог бы повидаться с Егором! Или это Кристина заставила меня забыть обо всем постороннем, что могло бы помешать моей встрече с ее шефом? А ведь он наверняка уже открыл свой ресторан, о котором так мечтал, можно было бы просто посидеть и поболтать, но за своими проблемами я совершенно выпустил его из виду. Обидно, но ничего уже не поделаешь.

Я начал вспоминать наше знакомство много лет назад, его отказ инициироваться и желание

до сих пор оставаться потенциальным Зеркалом. Это было несколько странно, но, в конце концов, ***sibi unusquisque eligat viam suam*** — каждый сам выбирает свой путь, и Егор совсем не исключение в этом плане. Интересно, женился ли он повторно или просто меняет подруг время от времени, как, говорят, сейчас принято в Европе?

Так, размышляя о Егоре, я неожиданно обнаружил, что возле моих ног уже какое-то время трется большой красивый пепельный кот. Животное смотрело мне прямо в глаза и явно обрадовалось, что я его заметил. Кот принялся еще сильнее тереться о мои ноги, издавая при этом красивое глубокое мурчание.

— Потерялся, дурачок? — я наклонился и погладил его по спинке. — Не можешь найти свой дом? — кот согласно мяукнул и перешел к другой ноге. Животных у нас в квартире отродясь не было, даже тараканов и мух, от которых Светлана раз и навсегда избавилась с помощью несложного заклинания. Как-то так уже повелось, что Иные редко заводили домашних питомцев, возможно, из-за подозрения, что в каждом может скрываться оборотень или перевертыш, а может и по каким-то другим причинам, над которыми я никогда раньше не задумывался. Я осторожно

взял пушистика на руки, он слегка насторожился, но мурчать не перестал и мы какое-то время так и сидели — я гладил его по спинке, а он вымуркивал мне, как ему тяжело живется без дома и хозяина. «А почему бы не взять его себе?» — мелькнула шальная мысль. — «Кот явно домашний, к лотку приученный, у нас во дворе я его раньше не видел, значит, с хозяевами проблем не будет. Искать, откуда он сюда прибежал, бесперспективно — его могла испугать собака или специально завезли подальше и выбросили нерадивые хозяева, так что новый дом все равно будет ему необходим». «Но постой» — останавливал меня другой, более разумный голос. — «Ты не всегда бываешь дома, кто будет его кормить и ухаживать за ним, когда тебя снова понесет в Париж?» — «Так есть еще Светка и Надя, не всегда же они будут отсутствовать, кстати, у тещи тоже кот есть, так что Светлана с удовольствием примет и этого».

— Какой красивый кот! — дядя Гриша как раз шел мимо в свой гараж, но избежать соблазна попросить сигарету он, конечно же, не мог. Григорий Сергеевич присел рядышком на скамейку и мы дружно закурили. — Все подумываю и себе завести, но останавливает мысль, что с ним будет

после того, как я уйду.

— Да бросьте вы! — я махнул на него рукой. — Вы и сейчас еще мужчина в самом расцвете сил, только пропеллера не хватает! Или все таки есть? — я выразительно посмотрел ему на спину и мы оба засмеялись.

— Скорее шило, чем пропеллер, но его я вам не покажу! — дядя Гриша потянулся к коту, пытаясь его погладить, но кот выразил явное неудовольствие его действиями — зашипел и так махнул лапой с выпущенными когтями, что Григорий Сергеевич отшатнулся. — Хорошо, хорошо, вижу уже, что ты выбрал себе хозяина, но может, приведешь кого-нибудь и мне?

Я не стал уточнять, что сам еще в раздумьях, брать кота или нет, но вопрос решился совершенно другим, кардинальным, способом. Кот внезапно вскочил на лапки, зашипел, его шерсть стала дыбом, и от этого он сразу же увеличился в размерах раза в полтора. Больно впившись когтями мне в ногу, кот встал в защитную позу и приготовился к прыжку. Проследив за его взглядом, я остолбенел — со стороны детской площадки, огромными прыжками, в нашем направлении несся здоровенный волк. «Оборотень» — автоматически поправил я сам себя. Намере-

ния зверя не вызывали никаких сомнений, он целенаправленно мчался именно в нашу сторону. Меня накрыло такой волной страха, что я не мог даже пошевелиться, только как в замедленных кадрах видел мелькающие лапы чудовища и даже успел заметить слюну, капающую у него из открытой пасти. Краем глаза я увидел, как отвисла челюсть у дяди Гриши и упала на землю недокуренная сигарета, в другой раз я бы еще и посмеялся над этим, но сейчас я был полностью деморализован и не способен был даже пошевелиться. Где же все мои так называемые телохранители — Светлые, Темные или вампиры, в конце концов? В решающий момент оказалось, что защищать меня готов только какой-то приблудный кот, а все остальные попросту обо мне забыли, и даже Кристина уехала, не проследив, чтобы я безопасно зашел в свой дом. «На этот раз Хозяин Хозяев точно снимет с нее голову» — мелькнула на мгновение злорадная мысль, о которой я тут же забыл — оборотню оставалось еще каких-то пять прыжков и оббежать дядю Семена, который тоже спешил к нам за дармовой сигареткой, но, в тот самый момент, когда он поравнялся с пожилым отставником, громадные ручищи дяди Семена как клещи обхватили волка

за шею, он сделал резкий поворот на 90 градусов и я услышал громкий и противный хруст шейных позвонков. Бросив зверя на землю, дядя Семен упал на него сверху и довернул его шею до такого состояния, что морда волка мертвыми глазами уставилась на его собственный хвост.

— Я же предупреждал, что боюсь собачек, — как-то жалобно произнес мой спаситель, поднялся, посмотрел на нас и печально поплелся к своему подъезду. — Я на работу сегодня выйду, хорошо, Гриша?

Все произошло так быстро, что я даже не успел его поблагодарить. Дядя Гриша, сидевший с выпученными глазами и отвисшей челюстью, принялся судорожно глотать ртом воздух, у меня только начинался отходняк в виде дрожания всем телом, но кот, находясь еще в полной боевой готовности, осторожно спрыгнул с моих колен и боком-боком, на прямых лапках и с торчащим вверх хвостом, направился к лежащей туше. Недоверчиво обнюхав ее, он обошел вокруг оборотня и вернулся обратно ко мне на колени, как будто сообщая, что опасность миновала. Этим он и решил свою участь. «Беру!» — решительно сказал я коту и себе. — «Звать я тебя буду Егором и жить ты теперь будешь со мной!», взял его

на руки и, забыв про находящегося в столбняке дядю Гришу, побежал домой — необходимо было срочно звонить Гесеру.

— Борис Игнатьевич! — начал я с ходу. — Во дворе моего дома лежит мертвый оборотень, срочно нужна группа зачистки!

— Городецкий? — Гесер был явно удивлен, услышав меня. — Какой оборотень? Откуда? Ладно, это расскажешь на месте, группу я высылаю, а ты мигом ко мне! — и бросил трубку.

На этот раз в кабинете были только Гесер и Ольга, причем Борис Игнатьевич был явно чем-то огорчен.

— Антон, объясни мне, за каким чертом тебя понесло в Париж и Прагу? — начал он без раскачки. — Ты в курсе дела, что с минуты на минуту за тобой начнут охотиться и Светлые, и Темные и Инквизиция?

— За что?! — опешил я.

— А то ты не знаешь! — Глаза Гесера метали молнии и готовы были вот-вот испепелить меня. Причем в прямом смысле этого слова.

— Борис Игнатьевич, я не понимаю о чем вы! Что такого я мог натворить?!

— Он не понимает! — Гесер демонстративно обратился к Ольге. — Попробуй лучше ты ему

объяснить, а то я его сейчас просто разорву на части!

— Послушай меня внимательно, Антон! — начала Ольга. — Мы видим такую последовательность событий, если ты будешь с чем-то не согласен, поправляй. — Я согласно кивнул. — Внезапно ночью ты, никого не предупредив, исчезаешь из Москвы и оказываешься в Париже, где тебя замечают дежурные на регистрации и докладывают об этом своему руководству. Так как ты по прежнему достаточно известная личность в кругу Иных, за тобой устанавливается негласное наблюдение, а нам направляется запрос о цели твоего пребывания во Франции…

— Да я с ног сбился, пока искал этих регистраторов в аэропорту, а они, оказывается, слежку надо мной устраивали! — сорвался я.

— Успокойся и слушай дальше. Для установления наблюдения у них были все основания — одним рейсом с тобой прибыла Анна-Ефросинья-Кристина Петровская, Высший вампир и правая рука самого Мастера вампиров, которая спокойно прошла регистрацию в установленном порядке, — я громко сглотнул от неожиданности, Ольга это, конечно же, заметила, но невозмутимо продолжала. — Было установлено, что из аэропор-

та ты сразу же поехал в район Сен-Жермен-де-пре, где долгое время находился в компании большого числа вампиров, хотя прямого контакта замечено не было.

— Ну, хоть за это спасибо! — не удержался я.

— После этого ты посетил Люксембургский музей, куда никто из парижских Иных попасть не смог, потому что музей усиленно охранялся вампирами. — Она выразительно глянула на меня. — Из-за чего возникло предположение, что там ты встречался с самим Хозяином Хозяев. — Я молча кивнул.

— Ты представляешь?! Он даже не скрывает этого! — снова взорвался Гесер.

— В то же самое время армия вампиров начала атаку на офисы Ночного и Дневного Дозоров, их уничтожили полностью, погибло очень много и Светлых, и Темных, не ожидавших такого нападения, и эти европейские центры практически перестали существовать.

— Так вот почему он сказал, что я очень не вовремя там оказался!

— На выходе из музея тебя встречает знакомая уже тебе Анна-Ефросинья-Кристина Петровская, после чего окончательно становится ясно, что в самолете вы оказались совершенно не случайно.

Вы вместе садитесь в поданный автомобиль, в котором уже находились два вампира, и движетесь в сторону аэропорта, после чего вас теряют из виду из-за начавшихся беспорядков. Вновь тебя обнаруживают только в Праге во время регистрации на московский рейс. При этом ты снова тесно общаешься с Петровской, и вместе с ней летишь в Москву.

— Но это же чистая случайность!

— За время твоего пребывания в Праге вампиры делают молниеносную переброску своих сил и совершают нападение на европейский офис Инквизиции. Инквизиторы уже сталкивались с Кровавым Дозором и обязаны были принять меры защиты, но не приняли и тоже были разгромлены. Причем, если в Париже вампиры ограничились просто побоищем верхушки и среднего звена Дозоров, то в Праге они прошлись своими клыками по всем, к кому смогли дотянуться. Была предпринята попытка проникновения в Хранилище артефактов, и его пришлось взорвать в самый последний момент. Правда, вампиры тоже понесли большие потери, и мы надеемся, что у нас есть немного времени на подготовку к войне. Слух о том, что ты присутствовал и там и там, а до этого имел многочисленные контакты с

вампирами, мгновенно разошелся между Иными, и у нас не было никакого сомнения, что ты в этом замешан и теперь будешь скрываться в логове Кровавого Дозора. Отсюда и наше величайшее удивление, что ты объявился сам и не где нибудь, а у себя дома!

— А теперь попробуй объяснить мне, как ты докатился до того, что начал сотрудничать с вампирами?! — снова набросился на меня Гесер. — На чем тебя завербовали? На вечной жизни? Какой была твоя роль во всем этом деле?!

Я ничего не понимал. Разгромлены офисы Дозоров и Инквизиции?! Вампиры начали войну?! И я на их стороне?! Что за бред!

— Да, я действительно был и в Париже, и в Праге, но дела обстояли совершенно другим образом! — запинаясь начал я и обстоятельно, с мельчайшими подробностями, рассказал о всех своих приключениях. А для доказательства порылся в карманах и нашел входной билет в музей.

— Складно все у тебя получается, Антон. — уже более спокойно и даже задумчиво заметил Гесер. — Весь твой рассказ может быть как правдой, так и ложью, но мы обязательно постараемся все проверить. Боюсь только, что нам может не

хватить на это времени — не все будут согласны на отсрочку, горячие головы сразу же захотят твоей крови.

— Я предлагаю взять временную паузу и пока пустить слух, что его туда послали мы, — Ольга взглянула на мужа. — Предположим, нам стало известно о странной активности вампиров в Париже и Антон был тайно отправлен туда для изучения вопроса, ведь он уже человек и должен мало интересовать вампиров. А посадка в Праге была совершенно случайной.

— Кстати, это легче всего проверить. — Гесер тут же набрал телефон дежурного. — Попробуй соединить меня с аэропортом в Праге, там должен был дежурить Светлый, мне нужны сведения, почему аварийно приземлился самолет на Москву и что делали во время паузы пассажиры. Да, я знаю, что сейчас творится в Праге, но война войной, обед по расписанию! То есть, порядок должен поддерживаться! Так что давай, работай! А пока организуй нам кофе и бутерброды! — Он бросил трубку, но тут же схватил ее снова. — И сделай запрос в Венецию, зарегистрирован ли у них вампир Тинторетто, проживающий в… — Гесер на секундочку задумался, — в церкви Сан-Джорджо Маджоре. И быстро все! — Придется немного по-

дождать, — сказал он, обращаясь уже к нам. — А ты пока расскажи, кто помог тебе расправиться с оборотнем.

— Мы пересмотрели видеозапись с камеры наблюдения и, мягко говоря, поражены, как профессионально его убрали, — пояснила Ольга.

— А можно и мне посмотреть? — мне действительно было интересно взглянуть, как это выглядело со стороны.

— Ну, почему бы и нет! — файл, по видимому, недавно просматривался и поэтому долго искать его не пришлось. Камера захватила оборотня стоящим за деревом в тот момент, когда я еще сидел на лавочке в одиночестве, если не считать кота, и оборотень вряд ли ожидал, что за то время, пока он превратится в волка, ко мне подсядет кто-нибудь еще. В остальном момент нападения был выбран очень удачно — минимум людей вокруг, возможность практически незаметной трансформации и атака одинокой цели, что обещало минимум посторонних жертв. Даже на записи это выглядело внушительно — огромные прыжки свирепого зверя и мгновенная реакция на него со стороны дяди Семена.

— Можно мне на телефон закачать, на память о случайном спасении? — попросил я.

— Хорошо, давай я прямо сейчас тебе и сброшу. — Ольга поработала на клавиатуре. — Готово! Кстати, уже известно, что тот оборотень, что напал на тебя, потерял жену-инквизитора во время резни в Праге, и просто хотел тебе отомстить. Завулон в ярости и грозится истребить всех оборотней вместе взятых, если хоть что-то подобное повторится.

Ничего себе, дед дает! Не ожидал я от него такого активного участия и заинтересованности в моей судьбе! Но одновременно мне было искренне жаль этого парня, который повелся на пустые разговоры о моей вине.

Я рассказал о дяде Семене, и Гесер снова позвонил дежурному, требуя проверки личности моего спасителя. Вскоре дежурный перезвонил сам, Гесер молча его выслушал и положил трубку.

— Из Праги отвечают, что оба пилота перед вылетом на спор, кто съест больше, наелись парижской шаурмы, которая оказалась намного хуже нашей, московской, и сильно отравились, хотя, по инструкции положено, чтобы первый и второй пилоты кушали разные блюда. Да, да, экипаж был наш! — ответил он раздраженно на наши недоумевающие взгляды. — Во время полета они почти одновременно потеряли сознание,

но весь остальной экипаж оказался трудоспособным, и одна из стюардесс вспомнила, что видела в салоне пассажира со значком Люфтганза.

— Илон Маск, — встрял в разговор я.

— Что Илон Маск? — не понял Гесер.

— В аэропорту передо мной проходил паспортный контроль пассажир со значком Люфтганза, так вот его звали Илон Маск. Нет, однофамилец, — ответил я на вопросительный взгляд Ольги.

— Не перебивай меня со своими глупостями! Так вот этот пассажир действительно оказался отличным пилотом и аккуратно посадил самолет в Праге. Пока не выяснили в чем дело, салон и пассажиров на всякий случай продезинфицировали и всех людей на сутки изолировали в отеле. Летчикам была оказана экстренная помощь и сейчас их жизни и здоровью ничего не угрожает, кроме служебного разбирательства, конечно.

— Вот видите, все именно так, как я и рассказал!

— Нет, не все! — гаркнул на меня Гесер. — Подтверждены только данные твоего пребывания в Праге, для этого имеются свидетельства опрошенных работников аэропорта, и записи с камер наблюдения. Но твой рассказ о Зове не имеет никаких подтверждений! Ты хоть представляешь

себе, насколько сложно организовать подобный Зов, чтобы он мог пройти такое огромное расстояние и его не зарегистрировали ни в одном месте на всем его пути?! Кроме того, будет проведено дополнительное тщательное расследование твоего пребывания в Париже, после которого мы и решим, что же с тобой делать далее! — он сделал паузу. — Наверное, я пока приму предложение Ольги и постараюсь тебя отмазать, но учти, малейшее отклонение от твоего варианта и я спущу на тебя целую свору желающих отомстить! А пока — марш домой и до особого распоряжения будешь находиться под домашним арестом! Выходить разрешаю только в магазин! И никаких посторонних контактов! Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду!

Глава 5

Стоило мне только выйти из здания Ночного Дозора, как хлынул настоящий весенний ливень. Небо, на котором до этого не было ни единой тучки, мгновенно затянуло низкой облачностью, и сразу, без раскачки, город накрыла стена затяжного дождя. Плотный автомобильный поток, и без того медлительный, застыл окончательно, но никто из бывших моих друзей по Дозору не предложил подвезти меня домой, все старательно отводили глаза в сторону, когда я проходил мимо, поэтому до своего дома я добрался уже промокшим до нитки. Но хуже мокрой одежды было понимание того, что я стал изгоем, никому не нужным человеком, что все меня считают предателем и негодяем, и сейчас, в тяжелую для меня минуту, даже семьи нет рядом, чтобы поддержать меня. Только открыв дверь в квартиру я понял, что все-таки есть одно живое существо, которое меня ждет и которому я точно нужен. В коридоре, напротив двери, не известно уже сколько времени терпеливо дожидаясь моего возвращения, сидел кот. Увидев меня, он очень трогательно, по кошачьи, обрадовался и, победно

подняв хвост, поспешил ко мне. Вот черт, я же совершенно забыл о нем из-за своих проблем с Кровавым Дозором! А ведь я точно собирался зайти в супермаркет и купить какого-нибудь кошачьего корма, лоток и кетсан, но теперь придется обходиться тем, что есть под рукой. Ну и ладно, что-нибудь придумаю.

Чтобы не накапать по всей квартире, я решил раздеться прямо у входа, присел на низенькую табуреточку, почесал Егору за ушком и начал поглаживать ему спинку. Кот радостно замурлыкал, его совершенно не смущала моя мокрая одежда, он с удовольствием терся о мои мокрые джинсы и подставлял то голову то спинку под мою руку. От всего пережитого и успокаивающего урчания кота, которое временами начинало мне напоминать шум далекого прибоя, я, кажется, на какое-то время даже задремал и очнулся только от того, что меня пронзило острой болью от макушки до копчика, я замерз до такой степени, что изо рта, казалось, идет пар, поэтому изо всех сил постарался встряхнуться, быстро разделся и побежал принимать горячий душ. «Что же дальше?» — думал я, отогреваясь под плотными струями воды. «Домашний арест и полное игнорирование? А может плюнуть на все и махнуть к своей Светке

в деревню, пусть они тут сами разбираются, где я был и что делал!» Как же легко я лишился доверия среди своих друзей и знакомых, неужели был прав Мастер вампиров, когда утверждал, что мы, Светлые, слишком легко отрекаемся от всех тех, кто ненароком оступился и сделал неверный шаг? А в моем случае, даже этого шага не было ведь! Но я сам прекрасно понимал, что никуда отсюда не уеду — во первых потому, что это будет похоже на признание своей вины и бегство, а во вторых, было у меня здесь еще и незаконченное дело, и я просто обязан был его завершить.

После душа я нашел в холодильнике какую-то подозрительную колбасу и предложил ее Егору. Осторожно понюхав так называемую пищу, кот покосился на меня, как будь-то спрашивая — и ты считаешь, что это можно кушать? Я утвердительно кивнул, но лишь после того, как я демонстративно откусил от нее кусок, он решился попробовать мое угощение, правда, без особого энтузиазма. Зато я хотел жрать неимоверно, поэтому сварганил себе огромный бутерброд и быстренько употребил его, запивая горячим чаем. Наевшись, я постелил плед возле своей кровати и сказал коту, что здесь он будет спать, пусть пока привыкает ко мне, а затем подбе-

ру ему отдельный угол. Пригодилась и старая пластиковая миска, в которой Света временами что-то замачивала — в нее я намял обрывков старых газет — сойдет на первый раз — и поставил в туалет, подвел к ней Егора и рассказал ему, для чего она предназначена. Кот очень серьезно отнесся к моему рассказу, но присесть на газетки в моем присутствии решительно отказался, оставив это на потом. «Стесняется,» — решил я и пошел спать.

Ночью я спал как убитый и на этот раз без всяких сновидений, но стоило мне только проснуться, как тут же вспомнилась беседа у Гесера, и на душе снова стало тускло и противно. Обвинение в предательстве, разгром Дозоров и Инквизиции — что еще мне могут инкриминировать? За что все это? Хотелось не просыпаться, а уснуть еще крепче, до того времени, пока в этом несправедливом мире наконец поймут, что не принимал я никакого участия в этих событиях и что все происшедшее не более чем чудовищная череда случайностей. Но действительно ли все это было случайностью? Что, если это очередная комбинация вампиров для отвлечения внимания от своих действий и попытка свалить на меня соучастие во всех своих преступлениях, а уже через меня

— опорочить и весь Ночной Дозор? Но Мастер вампиров, кажется, был искренним, когда говорил, что не вызывал меня в Париж. Так кому же и зачем все это нужно?! Еще я вспомнил, как Гесер заинтересовался Тинторетто, и даже отправил запрос в Венецию. А что, если из Венеции пришлют ответ, что никакого вампира под именем Тинторетто у них не числится и все это лишь выдумка Кровавого Дозора, пытающегося таким образом создать себе благовидное прошлое?

Весь в раздумьях, я слез с кровати, чуть не наступив при этом на мирно дремавшего кота, и поспешил в туалет. Через приоткрытую дверь, которую я специально оставил в таком состоянии для Егора, чем-то крепко попахивало, и, отворив ее настежь, я оказался в плотном облаке кошачьих испражнений, способных свалить с ног даже орка. Я успел задержать дыхание и закрыть дверь до того, как ядовитое облако выжгло мне глаза и навсегда повредило легкие, но, даже до пояса высунувшись на улицу из окна гостиной, я не сразу смог надышаться таким привычным и родным московским смогом. Откашлявшись и отдышавшись минут за десять, я открыл настежь все окна в квартире и начал думать, что же правильней сделать — сразу вызвать МЧС

или все-таки попытаться самому как-то исправить ситуацию. Порывшись в бельевом шкафу, я не нашел ничего лучшего, как взять Светкин бюстгальтер и использовать одну из чашек в качестве примитивного респиратора. Встав на относительно безопасном расстоянии, я толкнул дверь шваброй и опрометью снова бросился к открытому окну. Когда, по моим расчетам, комната слегка проветрилась и в ней стало возможным находиться живым организмам, я осторожно заглянул в туалет. Оказалось, что за ночь Егор обписал буквально каждый квадратный миллиметр на всех смятых газетках, и теперь они активно ароматизировали воздух и наполняли его неповторимым кошачьим амбре. Вонь стояла такая страшная, что впору подошла бы для химической атаки, и только сам виновник происшествия, не обращая никакого внимания на волны зловония, доносившиеся из туалета, активно терся о мои ноги, требуя завтрака. Мне же дышать и даже находиться рядом было решительно невозможно, поэтому я нашел Светкины резиновые перчатки, и, отворачивая лицо почти на 180 градусов, собрал всю использованную бумагу в полиэтиленовый пакет, быстро оделся и побежал на улицу, чтобы выбросить все в

мусорный бак. Надеюсь, шлейф за мной быстро рассеялся, но все равно я еще долго косился на реакцию людей, проходящих мимо меня.

После вчерашнего обильного ливня Москву накрыло плотным белым туманом. Было абсолютно безветренно, и поэтому туман казался незыблемым, монументальным, пришедшим сюда нагло и надолго. Где-то глубоко в его чреве жалобно сигналили машины, намертво застрявшие в неподвижных пробках, а людям приходилось прорываться сквозь туман, как через огромную мокрую и липкую паутину, постоянно стряхивая с лица налипшую влагу. Мне несколько раз казалось, что я заблудился, но все-таки я благополучно добрался до супермаркета и купил все, что собирался, для кота, и немного еды для себя. Домой я добирался сквозь тот же плотный туман, задевая полными пакетами проходящих мимо людей, старательно обходя сохранившиеся лужи, и почти уже дошел к своему подъезду, как неожиданно нос к носу столкнулся с дядей Гришей.

— Здравствуйте, Антон Городецкий! — как-то уж слишком официально поздоровался он.

— Здравствуйте, Григорий Сергеевич! — вежливо ответил я.

— Мы со Славой и Семеном провели внутрен-

нее заседание нашего пенсионного состава, и я направлен к вам с решительным требованием — мы считаем, что нам всем необходимо побеседовать с вами, и как можно скорее. И можете считать это ультиматумом!

«Неужели служба зачистки сработала некачественно, и они что-то помнят о вчерашнем оборотне?» — подумал я, но вслух сказал совершенно другое.

— Ну зачем же так сразу с ультиматумом, Григорий Сергеевич! Я всегда к вашим услугам, вот только сегодня, боюсь, у меня не получится, — добавил я, памятуя о предстоящей уборке и дезинфекции. — Давайте завтра, если вы не против.

Дядя Гриша недовольно пожевал губами и недоверчиво спросил:

— И вы обещаете, что не исчезнете неожиданно на двое суток и не перестанете отвечать на звонки?

Конечно, я бы пообещал, если бы мог, но не исключено, что уже сегодня меня могут выдернуть в офис Дозора или наслать очередной Зов, поэтому я ответил несколько обтекаемо.

— А, вы об этом? Ничего необычного, просто образовалась срочная командировка в Париж, даже

предупредить никого не успел, вот только вчера вернулся, мы же виделись с вами на лавочке, помните? — Зная о возможностях дяди Семена получать информацию из каких-то своих источников, я решил не юлить и честно рассказать, где был все это время. — А какого рода разговор намечается?

— Правильно, Париж, — даже как-то облегченно выдохнул дядя Гриша. — А дай ка мне свою сигаретку, пожалуйста.

Мы закурили.

— Это хорошо, что ты мне правду сказал, мы знали, что ты побывал в Париже. — он глубоко затянулся и блаженно выпустил дым. — Но за время нашего знакомства у нас накопилось множество вопросов, на которые некоторые любопытные пенсионеры так и не смогли найти приемлемые ответы. А после вчерашних событий мы окончательно поняли, что происходит нечто такое, чему мы не можем дать логического объяснения, не привлекая к этому тебя, и решили окончательно поставить все точки над i. Предлагаю срочно встретиться и все обговорить. — его тон снова сделался безапелляционным и мне оставалось лишь согласно кивать головой. Тем более, что я уже понимал, что без этого нам не обойтись.

— Хорошо, я не против. Где и когда?

— Раз ты сегодня не можешь, давай не будем откладывать все в долгий ящик и встретимся завтра с утра, у вас. — дядя Гриша волновался, жевал губами и постоянно перескакивал с ты на вы.

— Только не у меня! — быстро ответил я, вспомнив какой запах стоит в квартире.

— Хорошо. — не стал спорить Дядя Гриша. — Тогда завтра в 10 у нас в гараже!

Я кивнул, мы тепло попрощались, и я пошел домой. В квартире благодаря открытым окнам стоял такой же туман, как и на улице. Егор сидел на подоконнике и вглядывался в белую мглу, как будь-то мог там что-то рассмотреть. Хотя кто их, котов знает, не зря ведь они существуют на всех слоях Сумрака одновременно! Заметив мое возвращение, он спрыгнул с подоконника, с радостным мяуканьем подбежал ко мне и уже привычно начал тереться о мои ноги.

— Сейчас, сейчас, дурачок! — я погладил его по спинке. — Будет тебе и своя еда, и место для пописать и всего остального! — я поставил пакеты возле входа и осторожно заглянул в туалет. Туман добрался и сюда, впитал в себя содержимое туалетной атмосферы и приобрел какой-то свинцовый оттенок, зато, наконец, стало воз-

можно дышать. Но находиться внутри все еще было неприятно, в глубине белого марева время как будь-то останавливалось, а в груди начинало неприятно покалывать. Поэтому я предпочел дать задний ход и подождать, пока на улице появилось хоть какое-то шевеление и туман начал потихоньку рассеиваться, только после этого постепенно стала освобождаться и квартира. А у меня началась внеплановая уборка — пришлось вытирать всю мебель от оставшихся капелек воды и наводить порядок в туалете. Кошачья еда Егору понравилась намного больше колбасы, лоток был наполнен кетсаном, и я надеялся, что в дальнейшем проблем с ним больше не будет.

Целый день я ждал звонка из Ночного Дозора, но ближе к вечеру стало окончательно ясно, что никто звонить мне не собирается, и я переключился на планирование предстоящего разговора с бандой любопытных пенсионеров.

Утром, позавтракав, я уже решил было идти на встречу со стариками, но меня немного задержал Егор — он настойчиво терся у моих ног и так требовательно смотрел в глаза, что я понял — таким образом он просится пойти с ним погулять на улицу. «Собак выгуливают регулярно, с котами ситуация немного другая, — подумал

я. — Обычно их просто выпускают во двор и они гуляют сами по себе. Может Егор как раз так и потерялся, и если он вдруг потеряется снова, мне будет очень жаль, я успел к нему привязаться. А что если его взять с собой на встречу? Погода хорошая, пусть подышит свежим воздухом, а за одно и под присмотром будет!» Приняв решение, я взял кота на руки, спустился вниз и отпустил его на свежую зеленую траву. Удовлетворенно мяукнув, он оставил на траве свою подпись под названием «Здесь был Егор» и начал исследовать окрестности на предмет симпатичных кошечек. Я, по крайней мере, подумал именно так.

— Эй, мы так не договаривались! — крикнул я ему. — Или ты идешь со мной, или я заношу тебя обратно в дом! Кис-кис-кис-кис! — Казалось, что кот не обратил никакого внимания на мои слова, и я сделал несколько пробных шагов в сторону гаражей. Краем глаза я заметил, что расстояние между нами уменьшилось, и ускорил ход. Вскоре кот уже шел рядом с гордо поднятыми мордочкой и хвостом, и было под большим вопросом, кто кого еще выгуливает и сопровождает. Встречных собак, к счастью, не было, поэтому до пункта назначения мы дошли без приключений.

Кооперативные гаражи, построенные еще лет

30 назад, находились на расстоянии 10 минут ходьбы от нашего дома и поначалу удовлетворяли счастливых владельцев Жигулей, Волг и прочих Москвичей, которые бережно хранили свои сокровища в кирпичных коробках с металлическими воротами. В наш сверхскоростной век автомобиль перестал быть роскошью, рядом с гаражами построили большую открытую автостоянку, место на которой стоило намного дешевле, и многие просто начали продавать устаревшие гаражи за ненадобностью или использовать их в качестве мастерских и погребов для хранения консервации. Благодаря автостоянке, наш двор, в отличие от многих других, не был забит стоящими машинами. Конечно, без Светланы здесь тоже не обошлось, потому что для многих даже 10 минут пешком было непреодолимым расстоянием, но главным все же было то, что имелось место, где автомобили можно было разместить. Близкое расположение также помогало нашим пенсионерам всегда быть при деле — они наотрез отказывались самостоятельно носить ремонтируемую аппаратуру туда-сюда, и к ним постоянно шастали жильцы нашего и двух соседних домов. Конечно, если это был холодильник или другой крупногабаритный бытовой

прибор, чинить их они старались на месте, но все равно предпочитали все ремонтировать в своем гараже, где под рукой было и оборудование, и инструменты.

Когда мы подошли, все остальные участники круглого стола уже давно были на месте. Этот сдвоенный гараж, по видимому, уже успел забыть, что такое автомобиль, потому что внутри везде стояли стеллажи с запчастями для бытовых приборов и инструментов, громоздились разобранные телевизоры и микроволновки, но посередине оставалось немного свободного места для небольшого столика, за которым мы и расположились на старых, но еще крепких табуретках. Под ногами поскрипывал деревянный настил из толстых неоструганных досок, которыми была прикрыта смотровая яма, и Егор предпочел расположиться на досках прямо рядышком со мной. Прогулка пошла ему на пользу — он устал, успокоился, поэтому по кошачьи поджал под себя лапки и задремал.

— Так вот, Антон, — начал дядя Гриша после того, как я по очереди поздоровался со всеми пенсионерами. — Я уже рассказывал тебе о моих подозрениях, когда ты обратился ко мне с предложением перевести древнюю рукопись.

Ладно, ладно! — махнул он рукой, увидев мой отрицательный жест. — Не ты обратился, а я сам заметил, но сути вопроса это не меняет — вероятность события была чрезвычайно мала. Я все таки попросил Семена поподробнее разузнать о тебе, но сведений оказалось чрезвычайно мало, как будь-то ты не человек, а секретный сотрудник какой-то конторы. Что такое контора и что такое секретная служба все мы отлично помним и знаем, и не стали бы снова тревожить тебя, если бы не недавнее происшествие с волком. — Я сделал удивленное лицо, показывая, что не понимаю, о чем идет речь, но дядя Гриша не обратил никакого внимания на мою мимику.

— Ты наверняка не знаешь, что в молодости Семен прошел очень серьезную физическую и психологическую подготовку, в том числе, по обезвреживанию собак, идущих по следу, и по сопротивляемости гипнозу. Когда он рассказал нам со Славой, как задушил волка во дворе, мы сначала восприняли его рассказ как шутку и только посмеялись над ним, тем более после его заявления, что я тоже при этом присутствовал. Но когда Сема показал нам свои руки, все сомнения сразу же отпали. Ваша служба, конечно, сработала очень чисто, мы опросили многих жильцов

дома, но никто из свидетелей ничего не помнит, даже Семен уже начал воспринимать это событие почти как сон, но, дело в том, что у него осталась мышечная память — он уже давно не тренируется, поэтому резкое применение силы вызвало мощную крепатуру и боль в сухожилиях, которой он сейчас мучается. Сема, покажи Антону руки, пожалуйста!

Дядя Семен закатал рукава рубашки и протянул вперед руки. На них страшно было смотреть — вздувшиеся вены и опухшие запястья явно указывали на то, что недавно этими руками проводилась какая-то большая физическая работа.

— Кроме этого, на его одежде мы нашли множество клочков шерсти, предположительно волчьей, что совокупно подтверждает то, что это все таки был не сон. — продолжил дядя Гриша. — Поэтому я повторяю свой вопрос — кто вы, Антон, и что вы от нас скрываете?

— Кроме этого у меня есть вопросы по поводу того прибора, который вы попросили нас сделать, — вступил в разговор дядя Слава. — Мы, конечно, не отказываемся, но хотелось бы знать, зачем это обычному архивариусу?

Пока все шло как раз так, как я и предполагал. Конечно, я не знал о сверхспособностях дяди

Семена, но заранее был уверен, что любопытные, но совсем неглупые пенсионеры будут интересоваться именно подобными вопросами, поэтому спокойно все выслушал и внутренне уже был готов удовлетворить их любопытство. Кот продолжал мирно дремать возле моих ног, непроизвольно добавляя мне уверенности своим безмятежным видом.

Что-то еще говорил дядя Семен, но все дружно замолчали, когда я полез в карман за сигаретами. Не знаю, что они ожидали увидеть, но я достал лишь пачку «Сумеречных», и показал им, что в пачке находится только 6 сигарет.

— Курить можно? Взрывоопасных веществ нет? — спросил я пенсионеров и предложил каждому по сигарете, положив затем пачку на стол. Вентиляция в гараже присутствовала, дядя Слава включил вентилятор, и я начал.

— Прошу прощения, что столько времени держал вас в неведении, но вы должны меня понять — режим секретности прежде всего.

— Я уже говорил вам, что нам прекрасно известно, что такое секретность, — недовольно пробурчал дядя Гриша, а я набрал полные легкие воздуха и выпалил все одним махом, чтобы никто не успел меня перебить:

— Прежде всего, вы обязаны поверить мне, что в мире, помимо обычных людей, существуют еще Иные — маги, колдуны, ведьмы, вампиры и оборотни. Все они обладают магической силой, способны входить в другие слои реальности, которые называют Сумраком, и условно делятся на Светлых и Темных. А вчера дядя Семён спас меня и, возможно, и вас, дядя Гриша, не от волка, а от самого настоящего оборотня! Конечно, мне пришлось вызвать службу зачистки Ночного Дозора, чтобы они удалили останки зверя и поработали над памятью всех, кто присутствовал при этом инциденте.

Лица моих собеседников стали какими-то кислыми и выражали лишь неудовольствие и разочарование, и их можно было понять.

— Неправильную тактику вы избрали, Антон! — огорчился дядя Гриша. — Мы надеялись на честный и конструктивный разговор, а вы нас начинаете сказками кормить! Мы же пенсионеры, а не идиоты!

— А мне легче поверить в то, что вы работаете на ЦРУ или МИ 6, чем в существование каких-то Иных, — нервно покашливая заметил дядя Слава. — Не хватало еще, чтобы вы нам об инопланетянах рассказывать начали!

— Погодите, давайте дослушаем Антона до конца, — негромко предложил обычно молчащий дядя Семен, но именно его слова произвели эффект взорвавшейся бомбы.

— Ты что-то знаешь об этом? И ничего нам не рассказал?! — набросился на него дядя Гриша, но Семен спокойно пожал плечами и сказал только одно слово:

— Секретность!

Чтобы прервать неловкое молчание, я продолжил:

— Посмотрите на пачку сигарет, вот она лежит на столе. Сколько в ней сигарет?

— Шесть! — посчитал дядя Семен.

— А сколько было, когда я ее достал и угощал вас?

— Я помню, тоже шесть, но это обычный фокус, а не доказательство!

— Хорошо, смотрите, я снова достаю из пачки каждому по сигарете, и в ней остается две сигареты, правильно? — Мы закурили, но стоило нам докурить до фильтра, как в пачке снова оказалось шесть сигарет. — Видите? А ведь я к ней не прикасался! Кроме того, дядя Гриша, вы же наверняка заметили, что после того, как начали угощаться у меня Сумеречными, у вас пропал

кашель курильщика?

— Да, — смущенно подтвердил дядя Гриша. — Было такое. Но согласитесь, Антон, что этого мало для подтверждения вашего рассказа.

— Хорошо, тогда посмотрите вот это, — я достал телефон и нашел видео нападения оборотня.

Дядя Гриша, дядя Слава и даже дядя Семен ошеломленно наблюдали, как современно одетый молодой человек прямо на их глазах превращается в волка и на всех парах мчится к скамейке, на которой сидим мы с Григорием Сергеевичем, как занимает боевую стойку кот и в самый последний момент дядя Семен ломает оборотню шею.

— А можно еще раз? — попросил дядя Гриша, и я согласно кивнул головой. Потом был еще раз, и еще, а дядя Слава молча принес зарядное устройство для моего телефона и на всякий случай включил его на подзарядку.

Когда первое волнение улеглось, они начали разбирать видео на эпизоды и смаковать каждый запечатленный момент.

— Смотри, как он быстро превращается!

— Но выглядит это ужасно!

— Согласен!

— А скорость, скорость то какая!

— А Семен то каков красавчик, а?! Как он его

одним движением!

— А Гриша, Гриша! Ха-ха-ха! Рот открыт и сигарета даже выпала! — потешались они над своим товарищем, а сам герой эпизода смеялся громче всех. «Какие все-таки у нас замечательные люди! — подумал я с теплотой о пенсионерах. — Но даже им не пришло в голову поинтересоваться, чем было вызвано такое нападение и хотя бы на секунду пожалеть несчастного оборотня».

— Разрешите, я продолжу? — Я прервал затянувшийся киносеанс и начал рассказывать подробности о жизни Дозоров. Я умолчал о лицензиях, которые выдавал вампирам Ночной Дозор, но в остальном старался как можно точнее описывать все, чем жили Иные и что хоть в какой-то мере сохранилось у меня в памяти. Даже после просмотра видео меня еще продолжали слушать откровенно недоверчиво, но по ходу рассказа выражение их лиц постепенно менялось и под конец они уже слушали меня практически с открытыми ртами. Мы курили сигарету за сигаретой, снова и снова испытывая пачку Сумеречных, и вентиляция уже явно не справлялась с нами. Но дым не был удушливым или ядовитым, просто он заполнил собой весь гараж, скрывая стены и потолок, и на какой-то момент времени мне по-

казалось, что мы сидим не в уютном помещении, а на подобии группы охотников расположились на отдых под открытым небом среди поваленных деревьев, увитых чахлым кустарником, перед погасшим костром. Но уже в следующую секунду я взял очередную сигарету и рассказал своим новым друзьям, что Иные нередко используют в своих целях людей, и объяснил, какую помощь ожидаю получить от них.

— Судя из вашего рассказа, вы тоже Иной, и, скорее всего, Светлый, так почему же вы не можете показать нам немного больше, чем обычную пачку сигарет?

Пришлось рассказать им вкратце историю своего падения с волшебной вершины мира Иных до обыденной прозы в мире людей, а для пущей убедительности, я взял один из защитных амулетов и с его помощью заморозил целый стеллаж с запчастями. Наверное, это выглядело внушительно, потому что именно после этого мне поверили безоговорочно и навсегда.

Уходя, я оставил им еще по сигарете, ведь пенсионерам предстояло длительное обсуждение моего рассказа и только затем решить, как с этим жить дальше. И я не сомневался, что они примут правильное решение.

На следующий день, ближе к обеду, раздался звонок. На лестничной площадке стояли дядя Гриша с перфоратором и дядя Семен со стремянкой.

— Ты стремянку оставь и иди, Сеня, я здесь сам справлюсь, — буркнул дядя Гриша, заходя в квартиру. — Им еще предстоит закончить заказ, да и на крыше работы много, — объяснил он мне, присаживаясь на низкую табуреточку в прихожей. Кот, проходя мимо, как бы ненароком коснулся кончиком хвоста его брюк и пошел дальше по своим делам, показывая мне тем самым, что дядя Гриша ему знаком и ничего против его присутствия он не имеет.

— Судя по вашему приходу, вы все-таки решили мне помочь, Григорий Сергеевич?

— Да, задал ты нам задачку, Антон. Вчера мы еще долго обсуждали все, что от тебя услышали. Сам понимаешь, очень трудно вот так в одночасье перевернуть свое сознание. Но помочь тебе мы поможем, и даже кое-что успели сделать. Я сейчас должен подготовить место установки, а через пару часов Слава обещал закончить прибор, он к тебе сам подойдет, принесет и подключит его.

— Вот и отлично, а здесь и я вам помочь смогу.

— Когда ты последний раз гвоздь вбивал? —

скептически спросил меня Григорий Сергеевич. — Самая лучшая помощь от тебя, если не будешь мешать. Где устанавливать будем?

Мы осмотрели комнату. Единственное место, где что-то новое не бросалось бы в глаза, находилось над мебельной стенкой, за коробками, которые на ней стояли. Мы аккуратно сняли коробки, стараясь не нарушать их порядок (не дай бог, Света заметит, что я что-то самостоятельно переставлял!), и дядя Гриша приступил к работе. Ему предстояло всего-навсего просверлить два отверстия в стене и забить в них дюбели, но даже эту мелочевку он предпочитал сделать самостоятельно, а не перепоручать мне. Встав на стремянку и аккуратно расстелив газетку, чтобы затем легче было убрать мусор, он начал буравить стену. Первое отверстие он сделал без проблем, но когда сверлил второе, из него вылетел сноп искр, дядя Гриша возмущенно охнул от неожиданности и ласточкой полетел вниз головой. Вырвавшийся на волю перфоратор, мастерки запущенный дрогнувшей рукой прямо в зеркало, сделал все, что он него требовалось, разбив любимый предмет Светкиного туалета на тысячу маленьких осколков. Но и это еще не все. Давно ждавшая своего часа старая розетка, спря-

танная за диваном, удовлетворенно коротнула и тут же вспыхнула, автоматически воспламенив обои и сам диван. А дополнила картину та самая газетка, расстеленная на мебельной стенке — мягко спланировав вслед за дядей Гришей, она, естественно, попала в самый очаг возгорания и успешно ускорила процесс. Единственный свой амулет, способный если не смочить, то хотя бы заморозить участок стены, я успешно разрядил вчера, и поэтому со всех ног метнулся на кухню за ведром. Ведро, естественно, было с мусором. Обычно Светлана сначала помещала в него полиэтиленовый пакет и только затем разрешала пользоваться, но я почему-то забыл это сделать и мусор пришлось аккуратно высыпать посреди кухни. Когда я с полным ведром снова ворвался в комнату, диван уже потихоньку горел, наполняя квартиру удушливым дымом.

— Окна не открывать! — рявкнул я потерявшемуся в дыме дяде Грише и тут же, споткнувшись о его ноги, опрокинул прямо на него полное ведро воды, а сам полетел вперед головой прямо в горящий диван.

Падая со стремянки, дядя Гриша крепко, до потери сознания, бахнулся своей лысой башкой о паркет, но холодный душ все-таки сумел

выдернуть его из небытия и вернуть обратно к действительности. Оглядев мутными глазами масштаб произошедшей катастрофы, он с трудом поднялся, подхватил пустое ведро и поплелся в ванную. Я же едва успел выставить в полете руки вперед и насквозь прошил ими горящую спинку дивана. От моих рук тут же запахло горящей шестью, я взвыл от боли и потерял всякую ориентацию, наяву оказавшись в безграничном темном мире с искорками пламени, но тут вовремя проявился дядя Гриша с ведром и окатил ледяной водой и мои руки, и горящие подушки. Перехватив у него эстафету, я сделал еще несколько забегов и успел все погасить до наступления более глобального катаклизма. Пробки, на счастье, сгорели вместе с розеткой, и благодаря этому последствия в виде поражения электрическим током нам все-таки удалось избежать. Открыв, наконец, окна для проветривания, мы в печальном молчании начали рассматривать то, что еще десять минут назад было жилым помещением. Диван, конечно, ремонту не подлежал, потолок был слегка подкопченный, но только в одном месте, в обоях зияла прогоревшая дыра, а черные потоки воды разнесли грязь по всей комнате и намочили все коробки, которые мы так бережно

снимали в начале операции. Осколки разбитого зеркала на этом фоне уже выглядели как сверкающее украшение.

— Ничего себе гвоздик забил, — сказал дядя Гриша и, виновато глядя на меня, начал тихонько повизгивать. Несмотря на трагичность ситуации, я тоже начал посмеиваться, и вскоре мы уже ржали во весь голос, как два придурочных коня. Пересмеявшись и выпустив из себя собравшееся напряжение, дядя Гриша уже деловито спросил:

— Так я начну наводить порядок?

— Я думаю, что нужно привлекать всю бригаду, потому что вдвоем мы точно не справимся.

Григорий Сергеевич согласно кивнул и начал вызванивать друзей, а я вспомнил про Егора и принялся искать его по всей квартире.

— Кис-кис-кис! — но кота нигде не было. Наконец, я заглянул в туалет и обнаружил, что перепуганный Егор с выпученными глазами сидит в своем лотке и, виновато глядя на меня, натужно выдавливает из себя все содержимое, причем это была уже далеко не первая порция. Даже удивительно, где все это у него помещалось.

— Ай-яй-яй, ну вот как тебе не стыдно? Оборотня не испугался, а из-за какого-то мелкого пожара весь кетсан изгадил! — пристыдил я Его-

ра. Кот виновато отвернулся, но дела своего не прекратил. Стараясь больше его не пугать, я осторожно прикрыл дверь в туалет и подумал, что на фоне предстоящего ремонта комнаты замена кошачьего наполнителя это уже сущий пустяк. Оставалось еще придумать, как избежать гнева жены, и, впервые за все время, я был рад, что ее не было в городе.

Трудились мы до поздней ночи, но, взглянув утром на комнату, я только горестно вздохнул. На месте дивана — пустое место, зеркало разбито, паркет подозрительно тщательно вымыт и требует лакировки, и только потолок был в полном порядке — мои пенсионеры оказались классными мастерами и отлично покрасили его заново. Правда, работать пришлось без дяди Гриши — вызванная неотложка обнаружила у него сотрясение мозга, врачи наложили повязку на его разбитую лысину и категорически запретили любую активность. Отказавшись идти домой, он устроился в уцелевшем кресле и в шестнадцатый раз, с новыми подробностями, рассказывал друзьям о происшедшем.

— Лечу я, значит, со стремянки, как орел за сусликом, и думаю — хорошо, что мы здесь камеры не установили, а то посмотрели бы все эти Иные

на мой полет, и решили, что нифига пенсионеры летать не умеют! — он деланно огорчается и косится на реакцию друзей. — А тут еще и колокольный звон слышу, ну, думаю, это уже отпевать меня готовятся! Глаза скашиваю и вижу, как мой перфоратор летит параллельным курсом прямиком в зеркало, крушит его на мелкие стекляшки и при этом продолжает работать, зараза! У меня тут же включается арифмометр, и я начинаю прикидывать, во сколько мне обойдется моя гордыня, что не разрешил Антону самому сверлить эти чертовы дырки. Ну, в смысле, во сколько обойдется всем нам. — он лукаво смотрит на своих товарищей. — Как только получаю итоговую цифру, тут же бам! — влетаю головой в паркет и радостно думаю: — «Слава богу, отлежусь без сознания, пока все это не закончится!»

Смеюсь даже я, но дядя Гриша строго глядит в мою сторону и продолжает:

— Но не тут то было! Не успел я отключиться, как вбегает в комнату пожарник Антон Городецкий и вместо того, чтобы тушить пожар, выливает мне на голову ведро воды пополам с мусором, а сам влетает со всего разбегу в диван и начинает делать какие-то странные движения своими руками. Ну, думаю, колдует, все-таки

Иной, хоть и бывший! Но принюхиваюсь и чую, что пахнет жареным, ну, в смысле, смаленым, Антон, оказывается, не колдует, а пытается руки свои потушить, которые горят, как две головешки, и кот вокруг него как угорелый мечется. Понимаю, что не дадут отлежатся старику с сотрясением мозга, вскакиваю, конечно, набираю полное ведро воды и сначала гашу Городецкого, а затем и его диван. Ну вот что бы ты без меня делал, а? — он победоносно глядит на меня.

— Без вас у меня и пожара не было бы! — беззлобно отвечаю я. Кстати, нужно будет предложить своим девочкам наложить на квартиру защиту от пожаров и прочих стихийных бедствий.

— Не факт, не факт! А вот тушить на тебе огонь точно некому было бы! — безапелляционно заканчивает разговор дядя Гриша. Я еще раз поблагодарил разошедшегося пенсионера за удачно проведенную спасательную операцию, и продолжил уборку квартиры.

Уходили они все вместе уставшие, но довольные проделанной работой, а дядя Слава даже клятвенно пообещал заметить зеркало на новое, оказывается, видел он у кого-то подходящее и теперь постарается выкупить.

А вот от запаха гари так и не удалось избавиться, несмотря на то, что окна всю ночь стояли открытыми. Я нашел наш старый напольный вентилятор, поставил его возле окна, пододвинул кресло и сел так, чтобы уличный воздух попадал мне в лицо, так было намного легче дышать.

С пенсионерами я договорился, что дальнейшим наведением порядка я буду заниматься сам, их работа на данный момент намного важнее, не стоит отвлекаться на такую мелочь. Конечно, им было неудобно за причиненный разгром и, конечно, они били себя в грудь, обещая любую посильную помощь, если что, но из квартиры сбежали с огромным удовольствием, оставив меня наедине с этим бедламом. Был, правда, еще и Егор, но после замены кетсана его жизнь вошла в прежнее русло, и кота совершенно не волновали подобные мелкие неурядицы. Меня же немного страшило будущее возвращение жены, зная ее взрывной характер, я прекрасно понимал, какая заслуженная взбучка меня ожидает, и мне следовало бы максимально выложиться для наведения порядка, но… но желание и необходимость редко находят друг друга, поэтому вместо того, чтобы продолжить убирать следы беспорядка, я блаженно закрыл глаза и снова предался раз-

мышлениям.

Несколько последних дней я находился в полном информационном вакууме — от Гесера и Завулона никаких вестей не поступало, неизвестно было даже, на какой сейчас стадии противоборство Ночного и Дневного Дозоров с Дозором Кровавым. Может как раз в данный момент уже полным ходом идет война, а я тут ни сном, ни духом. Понятно, что в такой кризисной ситуации магам не до меня, но ведь можно было бы просто позвонить и сказать: «Извини, Антон, мы погорячились, но сейчас точно знаем, что ты ни в чем не виноват.» Но телефон безмолвствовал, и я был вынужден строить догадки на свой счет не имея ни малейшего представления о реальном состоянии дел.

Погрузившись в самого себя, я неожиданно уснул. Мне приснилось, что я лежу в высокой, неестественно зеленой траве и гляжу вверх, на далекие сизые облака. Бескрайняя равнина расстилается во все стороны, кое-где на ней высятся огромные деревья, но совершенно не понятно, как я сюда попал, потому что вокруг нет ни тропинок, ни дорог. Прохладный воздух насыщен кислородом, почти безветренно, и только на туманном горизонте беззвучно сверкают

молнии, прошивая своими острыми иглами пространство между небом и землей. Рядом со мной, скрутившись калачиком, спокойно спит Егор, он почему-то тоже попал в мой сон, но от этого видение становится еще реальней и абсолютно безопасным. Мне здесь совершенно ничего не угрожает, и я тоже засыпаю рядом с котом. Ведь спать во сне это так здорово…

Когда я проснулся, бодрый и отдохнувший, оказалось, что кот действительно сладко спит у меня на груди и немного спирает мне дыхание. Осторожно опустив его на пол, я поднялся и решил немного размяться в сторону гаражей, на это раз без него, пусть себе спит дальше.

На следующий день я все-таки продолжил наведение порядка. Чтобы меньше был слышен запах гари, я нашел какие-то Светкины духи и обильно окропил комнату, но стало только хуже — кто же знал, что достаточно было только чуть-чуть сбрызнуть! Опять пришлось открывать настежь окна и идти с Егором гулять на улицу, потому что находиться в квартире снова стало невозможно.

Кот вел себя так, как будь-то давно уже привык к подобным прогулкам и с удовольствием меня сопровождал. Собак он презрительно игнорировал, зато коты вызывали у него определенный

интерес, особенно, кошечки, и мне приходилось время от времени брать его на руки, чтобы он случайно не сбежал к какой-нибудь Мурке. Нужно будет найти ему кого-нибудь по кошачьим объявлением, иначе есть риск его потерять.

Телефон мой по прежнему молчал, и кроме приведения квартиры в божеский вид, других дел у меня не было. До первого матча Чемпионата Мира по футболу между Россией и Саудовской Аравией оставалось чуть меньше двух недель, мне уже не терпелось окунуться в телевизионный шум Лужников, но даже этого приходилось ждать, ждать и ждать.

Придя домой и опасливо открыв дверь, я обнаружил, что духи тоже имеют свойство испаряться, и теперь в квартире просто слегка пахло Светой. Я невольно начал вспоминать ее губы, волосы, ее взгляд, когда она смотрела на меня, ее голос… Оказалось, что я ужасно соскучился и если разобраться, то что я здесь делаю, один, в городе? Может, стоить поехать к ней в село, даже несмотря на запрет Гесера? Ведь уже скоро неделя, как он него ни слуху, ни духу, он что, считает, что я год буду сидеть здесь под домашним арестом, ожидая его вердикта? Решив все-таки дать ему еще пару дней на принятие решения, я от нечего

делать включил телевизор. В новостях передавали, что в преддверии начала Чемпионата мира, в Россию, и особенно, в Москву, усиленно начали прибывать туристы со всего мира. Гостиницы и хостелы переполнены, многие москвичи за дурные деньги сдают свои квартиры, а сами перебираются к родственникам или уезжают на дачи, у кого они есть. Я вспомнил слова Хозяина Хозяев о любви вампиров к футболу, и похолодел. Наверняка ведь с толпами туристов в Москву сейчас приезжают тысячи вампиров, Саушкину не нужно даже специально созывать их, они сами слетаются к нему, как мотыльки на свет. Знает ли об этом Борис Игнатьевич? А может быть, молчание Гесера как раз и связано с тем, что он готовит Ночной дозор к отражению атак армии вампиров? ***Praemonitus, praemunitus*** — кто предупрежден, тот вооружен, после разгрома европейских Дозоров и Инквизиции, следующим шагом нужно ожидать нападения именно на московские Дозоры! В этой ситуации я для Гесера не более чем песчинка в пустыне, только так я и могу объяснить полную потерю интереса к своей особе.

Пройдясь по каналам, я остановился там, где в очередной раз показывали «Титаник». Помню,

что Света неоднократно смотрела этот фильм, причем, каждый раз со слезами на глазах, а я постоянно подкалывал ее репликами, типа:

— А вот если бы вместо Розы у Джека была резиновая баба, он бы не утонул!

Света, конечно, ругалась на меня за подобные глупости, но немного отвлекалась от фильма и досматривала уже более спокойно.

Неожиданно для самого себя, я увлекся сюжетом, и оказалось, что до этого дня я ни разу не видел «Титаник» полностью, от начала до конца. История любви Джека и Розы, над которой раньше я мог посмеиваться и шутить, сначала заинтересовала, а затем так захватила меня, что к концу кинокартины мне уже казалось, что это не Джек замерзает среди льдин в холодном море, а я сам изо всех сил держусь на поверхности и вот-вот уйду под воду. Я как то видел фильм о фильме, как снималась эта сцена в безопасном павильоне, но во время просмотра все было по другому, очень реалистично. Я по настоящему покрывался льдом и мечтал только о том, чтобы выжила моя любимая. Неподалеку погружался в пучину «Титаник», айсберг, почти не заметив столкновения, уже скрывался вдали, кричали в ужасе люди, все было очень по настоящему,

и только в глубине своего сознания я понимал, что сижу в теплой квартире и просто смотрю телевизор. Окончательно я пришел в себя только тогда, когда Джон начал уходить под воду, но меня трясло так, как будь-то это я действительно провел пару часов среди льдин и чуть не отморозил себе всю нижнюю часть тела. Отдышавшись, я понял и Свету, и то, что свои 11 «Оскаров» фильм получил совсем не зря. Но никогда ей в этом не признаюсь.

Утром меня разбудил кот. Обычно спокойный и даже по кошачьи вальяжный, сегодня он вел себя очень странно. Стоило только рассвету заглянуть в окно нашей спальни, как Егор начал становиться на задние лапки перед моей постелью, но не запрыгивал ко мне, как уже неоднократно бывало, а жалобно фыркал и мяукал, пытаясь меня поднять.

— Погоди немного, — сонно отмахивался я от него, — Гулять пойдем немного позже, вот посплю еще немного и пойдем.

Но кот и не думал успокаиваться, пришлось все-таки взять его к себе в постель и осмотреть — носик чистенький, ушки тоже, животик мягенький, ну, вроде, все в порядке. Я начал его гладить, надеясь еще поспать. От моих прикос-

новений кот немного притих, но временами все равно нервно оглядывался по сторонам, прял ушками, а кончик хвоста подрагивал, выдавая его напряжение и беспокойство. «Может, приболел? Или чует что-то?» — подумал я. — «Нужно будет ветеринару показать на всякий случай». А еще вспомнил, что недавно видел передачу, в которой рассказывалось, как многие животные, и коты в их числе, могут нервничать накануне землетрясений, ураганов и даже цунами. Землетрясения и цунами в Москве практически исключались, но я на всякий случай взял с тумбочки смартфон и просмотрел сводку погоды — синоптики обещали теплый пасмурный день без осадков и почти без ветра, так что вариант с ураганом тоже пришлось отбросить. Может, я вчера забыл его покормить, он проголодался и хочет кушать? Пришлось таки подняться, насыпать ему сухого корма и открыть баночку кошачьих консервов, запах от которых был намного лучше, чем от обычных, которые я покупаю себе. Как-то раз я даже попробовать хотел, но Егор тогда так укоризненно на меня посмотрел, что я высыпал всю банку ему, а сам пошел грызть колбасу. Судя по тому, как он уплетал свой обед, у него было вкуснее.

Но сегодня кот даже не прикоснулся к своей еде.

Он терся у моих ног и делал короткие пробежки в сторону двери, как будь-то приглашал меня выйти с ним погулять. «Наверное, снова кошку с подоконника увидел» — успокоил я сам себя и, больше не обращая внимания на его безумное поведение, пошел в ванную бриться и чистить зубы. Приведя себя в порядок, я включил телевизор, чтобы посмотреть последние новости, и неожиданно наткнулся на трансляцию «Лебединого озера». У большинства людей, выросших в бывшем СССР, прекрасная, полная трагизма музыка Петра Ильича Чайковского стойко ассоциировалась с глобальными неприятностями государственного масштаба, поэтому как только я ее услышал, как тут же невольно сопоставил с поведением кота. «Что-то все-таки назревает», — еще успел подумать я.

Металлическая входная дверь, столько лет успешно защищавшая наше жилище, жалобно скрипнула и тут же взорвалась. Точнее, не взорвалась, а с грохотом, напоминающим взрыв, вместе с кусками стены влетела во внутрь квартиры. Все заволокло клубами серой цементной пыли, снова сведя на нет все мои попытки привести жилье в божеский вид. «Света точно убьет меня, и никакие отговорки меня не спасут!» — успела

мелькнуть безумная мысль, но уже в следующую секунду я понял, что никакие отговорки мне уже и не понадобятся.

Не обращая внимания на пыль, в образовавшейся амбразуре появился Мастер вампиров. Аккуратно переступив через исковерканный металл, он величественно и не спеша вошел в квартиру. За его спиной я успел заметить еще двоих в черном, но, не имея разрешения на вход, они остались ждать своего Хозяина снаружи. Выглядел он абсолютно спокойным, задумчивым и немного уставшим. Наверное, это должно было навести меня на мысль о том огромном грузе ответственности, что лежит сейчас на его плечах или продемонстрировать мне важность данного момента. Не знаю точно, но сразу стало понятно, что ничего хорошего от этого момента мне ожидать не приходится.

Одет он был на этот раз мрачно и весьма торжественно — черный плащ до пят с эмблемой летучей мыши на груди, черные брюки, рубашка и полусапоги — все было тщательно подобрано и должно было соответствовать случаю. Не удивлюсь, если окажется, что вампиры-меценаты в наш век поддерживают не только художников и музыкантов, но и пару-тройку модных москов-

ских кутюрье. Во всяком случае, в обыденной жизни так никто не одевается. А завершать образ должны были огромные белые клыки, специально выставленные напоказ для моего полного и окончательного устрашения. И я должен признаться, что его расчет оправдался на все сто процентов — я испугался. Испугался смертельно, испугался как никогда ранее, испугался до того, что просто застыл на месте немым изваянием. Оставляя ему доступ в свою квартиру, я даже приблизительно не мог представить, что это произойдет подобным образом. Тело в одну секунду стало ватным и непослушным, а в голове застучали сотни медных молоточков: «Он пришел меня убить. Он пришел меня убить. Он пришел меня убить…» Но занятый своими мыслями, Хозяин Хозяев не обратил внимания ни на мое состояние, ни на изменение интерьера комнаты, в которую он вошел, он просто подошел к тому месту, где погибла Лилит, и молча уставился на меня своими пустыми немигающими глазами.

— Ну, здравствуй, Антон Городецкий! — наконец, прервал свое молчание Мастер вампиров. А я обратил внимание, что он поздоровался со мной впервые за несколько последних наших встреч. — Хотя пожелание здравствовать в дан-

ной ситуации несколько неуместно, я все же считаю правильным начать разговор именно с этого. Может потому, что ты когда-то был моим другом, а может потому, что затем ты стал моим смертельным врагом — кто осмелится укорять Хозяина хозяев, который пожелал тебе здравия в последние мгновения твоей жизни? — он рассмеялся, но не весело, как мог себе позволить смеяться Костя Саушкин, а глубоким гортанным смехом Высшего вампира. — Ты чувствуешь, как это сладко звучит? «Последние мгновения твоей жизни!»

— И ты решил почтить этот торжественный момент таким изысканным нарядом? — сумел выдавить из себя я

— Ты имеешь в виду это? — он провел по груди сморщенной когтистой лапой. — Отчасти, да, но поверь, что на сегодня ты моё первое, но не единственное блюдо. И даже не самое сладкое.

Меня передернуло от отвращения.

— Не буду скрывать, что, как минимум, дважды уже готов был высосать тебя. Досуха. До последней капли твоей крови. — Он смаковал каждое слово, упиваясь своей властью и моей беспомощностью. — Впервые это произошло в тот момент, когда услышал, как ты уничтожил

нашу святыню, кисть Великого Мастера. Меня бы не остановило даже данное тебе обещание безопасности, но одна мысль сверлила мой мозг и не давала мне покоя — почему именно ты, Городецкий?! Попытайся вспомнить, если способен сейчас на это, как я вслух выстраивал свои догадки, но не озвучил тебе результатов своих размышлений. А ведь именно тогда я понял — сам Сумрак подавал мне знак, что ты, Антон Городецкий, бывший Великий Светлый, а ныне обычное пресмыкающееся человеческой породы, должен был стать первой жертвой на нашем пути к мировому господству! Именно для этого Сумрак оживил меня и сохранил тебя в противостоянии с Двуединым!

— А как же Инквизиция, Парижские Дозоры, разве они не стали первыми вашими жертвами? — выдавил я из себя.

— Ну что ты, это была обычная проба сил, мелкие столкновения, не более, в которых гибли воины! Значение жертвы значительно глубже, сакральнее, в приношении жертвы важно все — объект, время, место… После того, как Великий Сумрак сообщил мне имя объекта, он указал также и на место начала нашего Великого Восстания — да, Городецкий, да, это твоя квартира, то самое

место, где по твоей вине погибла Великая Лилит! — Хозяин Хозяев взглядом указал на участок паркета. Конечно же, я считал, что он нес полную чушь, но вряд ли он бы стал выслушивать мои возражения. — Именно тогда, за той шахматной партией сложился пазл будущего, которое ожидает Кровавый Дозор и весь остальной мир!

— Ну, а второй раз? — я старался растянуть наш разговор, чувствуя, как злость и ненависть к этой напыщенной летучей мыши понемногу снимает мою скованность. — Неужели в Париже?

— Это не сложно было угадать! — пренебрежительно заявил он. — Ты появился как раз в тот момент, когда мы начали свою атаку на парижские Дозоры и я поначалу посчитал, что с твоей помощью Гесер решил сорвать наши планы. Я готов был растерзать тебя на месте, но благоразумие взяло верх — ты нужен был мне не в Париже, а в Москве, в своей квартире, живой и невредимый. Решив лишь допросить тебя, я поступил как дальновидный политик, лидер и вождь своего Кровавого Дозора! Потому что благодаря тебе я узнал, что наш смертельный враг, уничтожавший нас на протяжении многих веков, в страхе стремится сбежать из Парижа, переведя на тебя стрелки нашего внимания! И мы дополнительно

усилили нашу бдительность!

— Вы его поймали? — с неподдельным интересом спросил я.

— Нет, — неохотно признал Мастер вампиров. — На этот раз ему еще удалось уйти, но можешь быть уверен, это был его последний раз! Мы примемся за него, когда одержим окончательную победу здесь, в России, и наше господство распространится на всю планету! В этой битве погибнут десятки, а может даже, сотни тысяч Иных, людей и вампиров, но это будут всего лишь военные издержки, а вот жертва будет только одна. Я увековечу тебя в веках, Городецкий, потому что именно тебе суждено стать тем единственным жертвенным агнцем, на крови которого возникнет новая, невиданная до сих пор Империя, Империя Кровавого Дозора! На протяжении долгих лет ты постоянно путался под ногами, именно ты виновен в смерти моих родителей, множества других вампиров, и меня самого, но пробил и твой час! Именно отсюда, искупавшись в твоей крови, я поведу свои непобедимые войска на штурм последней крепости Иных, и именно ты, бывший Светлый, внук Великого Темного, будешь моим знаменем в этой великой войне! — от первоначальной напуск-

ной усталости не осталось и следа, глаза горели неукротимым, смертельный огнем, и я понял, что действительно пришел мой последний час. Торжественно медленно, как и подобало этому мгновению, Мастер вампиров сделал шаг в мою сторону и занес руку для нанесения последнего, решающего удара, но кот, до этого прятавшийся где-то за мебелью, неожиданно нарушил все его планы. Внезапно выпрыгнув перед вампиром, Егор повторил свой боевой прием, продемонстрированный еще при столкновении с оборотнем — он устрашающе выгнул спинку и зашипел, его шерсть стала дыбом и он в полтора раза увеличился в размерах, но что такое кот в сравнении с Великим вампиром! Тем не менее, Хозяин Хозяев застыл в нелепой позе с поднятой рукой и ногой, его взгляд уперся в бешенные зеленые глаза Егора, и я понял, что сейчас из-за меня пострадает еще и бедное животное.

— Не смей трогать кота! — заорал я на вампира и ринулся, как мне показалось, вперед, чтобы прийти Егору на помощь. На самом деле, я едва смог сдвинуться даже на полшага, а Мастер вампиров, не отводя взгляда от кота, лишь небрежно отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи. Но от его толчка в грудь, в который он даже не стал

вкладывать всю свою силу, я отлетел в другой конец комнаты, почувствовал, как хрустнули мои ребра и…

… и провалился сразу на третий слой Сумрака. Каменные плиты, опутанные сухими стеблями, еще напоминали контуры нашего двора, вокруг стояли уродливые, искореженные деревья, и лишь багровое огненное облако тускло освещало это серое марево. Время почти застыло в этом незыблемом мире, и я очень долго и медленно опускался последние свои несколько сантиметров до земли. За это время я успел удивиться тому, что со мной произошло, поставить на место и заживить ребра, а еще заметить, что на плитах сидела молодая ведьма. Далеко не каждому Иному дано просто находиться на третьем уровне, а спокойно при этом сидеть смогли бы только единицы. Скорей всего, она здесь не так давно и специально ожидает меня. Ведьма была очень хороша собой, взлохмаченные черные волосы были увиты цветным серпантином, ушки, слегка заостренные кверху, украшали вычурные серьги с крупными бриллиантами, а ярко накрашенные губки и бирюзово-зеленые глаза яркими цветными точками выделялись на ослепительно белом лице. Одета она была в легкое полупрозрачное

платье до босых пят, перетянутое в талии серым поясом из оленей шкуры. Сквозь платье отчетливо была видна небольшая молодая грудь.

— Не смотри, пожалуйста, так, я еще немного смущаюсь своего сумеречного облика, — попросила Надя. Изо рта у нее шел пар. — Помощь нужна, папа?

— Точно не знаю, но пока, наверное, нет. — я продиагностировал самого себя, как будь-то все в порядке. — Прости, мне срочно нужно обратно, иначе может случиться непоправимое.

— Хорошо. — ведьма взмахнула лохматой головой. — Возвращайся, мы скоро будем. — и пропала.

Из Сумрака я вынырнул уже перед самой стеной и, хотя и был к этому готов, довольно больно о нее шмякнулся. Не обращая внимания на боль, я быстро обернулся. Кот и вампир по прежнему стояли в боевых позах один против другого, но огромная рука нелюдя вот-вот готова была одним ударом размазать бедное животное по полу, и никакой кошачий грозный вид ему бы не помог. Но я успел. И щелкнул выключателем.

Если бы Хозяин Хозяев был живым, его бы, вероятно, разорвало на части, но давно мертвый вампир просто лопнул, как хлопушка, напол-

ненная пылью. Я вовремя успел поставить щит, чтобы на меня, не дай боже, на попали его частички, но все остальное помещение постепенно покрывалось прахом развоплощенного вампира. «Сколько же уборки еще мне предстоит!» — со вздохом подумал я. Испуганный кот, ничего не поняв, метнулся прочь, наверное, снова в туалет, а рядышком с тем местом, где недавно стоял Мастер вампиров, ниоткуда вдруг появилась пустая бутылка из-под пепси, и в нее тоненькой струйкой потянулись останки некогда грозного вампира. Разделяющая способность у бутылки оказалась слабой, потому что вместе с прахом в нее засосало всю обычную пыль из комнаты и цементную из прихожей. Не знаю, как оно все поместилось внутри, но после завершения этого процесса прилетевшая тоже ниоткуда крышка закрутила бутылку и она исчезла.

Только сейчас я обратил внимание на то, что на улице тоже происходит что-то необычное. Где-то неподалеку шла целая канонада, негромкая, но непрерывная, сопровождаемая тучами пыли, которая уже покрыла весь двор порядочным слоем. «Да, тут одной пустой бутылкой не обойдешься» — злорадно подумал я и пошел ко входной двери чтобы решить, что с нею делать.

Металл был исковеркан до такой степени, что ремонту не подлежал, пришлось применить магию и вышвырнуть все на свалку, а вместо двери на время поставить иллюзию, чтобы меньше было вопросов от соседей. Проделанной работой я остался доволен, но стоило мне только отойти на пару шагов, как раздался звонок. На пороге стояли Надя и Кеша.

— Здравствуйте, дядя Антон.

— Здравствуй, папа. — дочка поцеловала меня в щеку. — Я связалась с мамой, она тоже скоро будет. А что у нас с дверью? Ты затеял в нашей квартире ремонт?

— Привет! Заходите и не обращайте внимания на беспорядок! — обрадовался я.

На пороге комнаты Надя остановилась.

— Здесь очень сильная аура смерти! — уверенно заявила она. — Причем аура необычная, уходящая корнями глубоко в Сумрак! Что здесь произошло, папа?

— Я думаю, что ты и сама это знаешь, — я внимательно посмотрел ей в глаза, но прочесть в них ничего не смог.

— Что ты имеешь в виду? — и сама невинность в голосе. Я взглядом показал на рисунок тигра.

— Я уверен, что ты сама все видела, глаза у

твоего животного так и бегали!

— Видела, — не стала скрывать Надя. — Но не поняла, а для меня это очень сильный удар, — уже серьезно продолжила она.

— Не поняла, но ожидала меня в нужном месте в нужное время!

— Всему есть свое объяснение!

— Правильно, дочка, поэтому давай дождемся нашу маму и все спокойно расскажем друг другу. А вот и она, наверное! — откликнулся я на еще один звонок в дверь. Действительно, это была Светлана, и когда я открыл ей свою магическую дверь, она с недоумением продолжала рассматривать мое творение.

— Я, конечно, ожидала, что за время моего отсутствия ты приведешь квартиру в непригодность, но не до такой же степени! — она прошла мимо меня, и, как и Надя, остановилась на пороге комнаты. — Запах смерти, снова вампир, а мы только недавно избавились от вони этой Лилит! Диван куда-то пропал, воняет гарью и где, черт побери, мое зеркало? Антон, что все это значит?! — она гневно повернулась ко мне. Моя жена явно была не в духе и вместо радостной встречи, на которую я давно ожидал, набросилась на меня с упреками. «Она что, не видит, что я

снова Иной или у нее ПМС?» — подумал я и попытался посмотреть на себя со стороны. Ауры Иного не было, была обычная аура человека Антона Городецкого. Я недоуменно посмотрел на Надю — она то ведь знает!

— Наверное, она не сразу проявляется, — ответила Надя на мой невысказанный вопрос.

— О чем речь? Что проявляется? — Теперь уже Света повернулась к дочке. — Что здесь происходит?!

— Ничего особенного, мама. Просто папа снова стал Иным.

Глава 6

— Давайте выпьем чаю, — предложила Надя. — Посидим на кухне по семейному, и все спокойно обсудим.

— Не получится, — с сожалением сказал Кеша. — Вскоре к нам в гости пожалуют Светлые во главе с Гесером, и Темные в лице Завулона, нужно приготовиться к их приходу.

Иннокентий Толков давно уже был Пророком первого уровня и вскоре должен был стать высшим, но какая-то глупая ревность к Наде часто заставляла меня встречать его заявления в штыки. Ему ничего не стоило дать мгновенный прогноз на ближайшее будущее, а тесное сотрудничество с Глыбой позволяло надеяться, что Кеша может стать лучшим из лучших и даже превзойти своего учителя.

— И как мы, по твоему, должны к этому готовиться? — не удержался я от замечания. Как бы хорошо я к нему не относился, мне показалось, что он все-таки перегибает палку, пытаясь давать нам свои указания. Меня просто распирало от желания рассказать о происшедшем со мной за последние две недели, и любая задержка казалась

мне кощунством, хотя я прекрасно понимал, что его вины в этом нет. Прежде всего мне хотелось уединиться со своей женой и рассказать все ей, но Светлана стояла непривычно безучастная и только переводила по очереди взгляд с одного на другого. Наверное, Надя не считала нужным посвящать ее во все детали происходящего, и она оказалась наименее информированной среди нас.

— Дядя Антон, вы очень многого не знаете из того, что за ваше отсутствие происходило в мире Иных. Московские Светлые и Темные очень упорно готовились к защите от Кровавого Дозора и им уже наверняка известно, что произошло нечто чрезвычайное, а центр этого события находится именно в вашем доме. Их следует ждать здесь с минуты на минуту и я хочу попросить вас только об одном — можете рассказывать обо всем, что посчитаете нужным, но ни слова о том, что вы снова Иной! Отсутствие ауры вам как раз на руку, а все остальное я предлагаю выяснить уже после встречи с руководством Дозоров.

Со своим очередным указанием Кеша явно напросился на очередной мой резкий ответ, но его спас очередной звонок в дверь. Открыв, я увидел остывающий на лестничной площадке портал и

делегацию, которая из него вышла.

— Ольга, Гесер, Завулон, очень рад вас видеть! Просьба не обращать внимания на некоторый беспорядок, проходите в комнату и располагайтесь. — немного удивляло, что Завулон воспользовался тем же порталом, что и Гесер, нужно будет не забыть поразмыслить над этим. И, кстати, почистить лестничную площадку, которую уже изрядно фонило от всех этих порталов, которые открывались на ней за сегодняшний вечер.

— А теперь, Антон, давай обо всем по порядку! — В любой обстановке Гесер привык чувствовать и вести себя, как дома. Он сразу же занял самое удобное в комнате кресло, в то время, как остальные расположились на чем попало — дивана не было, а сидячих мест оказалось явно мало, и по привычке взял бразды правления в свои руки. — Предвидя длительность нашей беседы, я предлагаю сделать нам по чашечке чая, как ты на это смотришь? — бесцеремонно обратился он к Светлане. Когда она непривычно молча принесла чай, он недовольно поморщился, учуяв в нем микс, приготовленный Иваном, но, так как его любимого Цейлонского высокогорного у нас в наличии не было, пришлось довольствоваться и этим. Во втором кресле, как и положено, распо-

ложился глава Дневного Дозора, который всем своим видом давал понять, что находится здесь совершенно случайно и происходящее, если и касается его, то самую малость. Одет он был, как всегда, безупречно, как будто собирался не на разговор ко внуку, а на какой-нибудь светский раут. Ольга расположилась на подоконнике и взглядом попросила разрешения курить. Я кивнул ей на жену, а так как Светлана явно была не в духе, то Ольга разумно решила повременить.

— Ну, по порядку, так по порядку, — начал я после того, как все, наконец, расположились и получили свой чай. — Все вы прекрасно помните, как несколько лет назад Двуликий превратил меня в человека. В один миг он забрал всю мою прежнюю жизнь и окунул то ли в новую, то ли в уже порядком мною позабытую, человеческую. Но, в любом случае, жалкую и невыносимую для бывшего Иного. Меня насильно выбросили из магической среды, и я с трудом приходил в себя в нашем лазарете, зато у меня было достаточно времени, чтобы решить, как жить дальше. Больше всего на свете я боялся потерять свою семью, жену и дочь. — я взглянул Светлане в глаза и она ответила мне ласково и нежно. — Все мои друзья остались среди Иных, и я не представлял себе

жизни другой, вне Дозора. Поэтому моим первым, спонтанным порывом было найти возможность снова вернуться в ваши ряды. Но как? Книга Фуаран была утеряна, а других магических источников превращения я не знал. Был еще вариант, о котором противно даже было думать, но тем не менее, он тоже постоянно сверлил мне мозг. Да, Света, не смотри на меня так укоризненно, поневоле я действительно начал задумываться над тем, чтобы стать вампиром! Но не простым, а Светлым вампиром! Это уже я сам себя так условно называл, — пояснил я присутствующим. — Вот только не решил, чем Светлый вампир должен отличаться от Темного.

— Может, Светлый вампир должен пить кровь только у Светлых? — невинно спросила Надя.

— А разрешения просить у Темных, — в тон ей добавил Кеша.

— Пиво он должен пить осветленное, — буркнул Гесер. — Не отвлекайся, Городецкий, сейчас не до шуточек твоих!

— В общем, мысль о светлом вампирском будущем я оставил про запас, потому что ничего другого в голову мне не приходило. Разве что могла быть еще какая-то давно забытая возможность, упоминание о которой могло сохраниться только

в наших летописях. Таким образом я наметил два вектора развития своих поисков, и оба вели меня в Архив. Только в Архиве я мог узнать как можно больше о вампирах и попытаться найти упоминания о том, как можно превратить человека в Иного. Поэтому, когда Борис Игнатьевич предложил мне работу в компьютерном отделе, я отказался и попросился на минус шестой этаж.

— Чувствовал я, что есть в этом какой-то подвох, — снова негромко проворчал Гесер, но я уже не обратил внимания на его замечание и продолжал.

— Работа захватила меня с первого же дня, но чем дольше я изучал бумаги и каталоги, тем меньше оставалось у меня надежды на благополучный результат моих поисков. Нет, как раз о вампирах информации было предостаточно, но она вызывала лишь отвращение и неприятие, так что я, в конце концов, отказался от идеи стать одним из них, даже Светлым. Но зато я всерьез заинтересовался их историей и, без лишней скромности, стал одним ведущих экспертов в этой области. Правда, Чаба Орош мог бы со мной поспорить, но не судьба уже ему, не судьба… Тем не менее, белых пятен оставалось предостаточно, и я считал, что для их раскрытия мне очень же-

лательно встретится с их новым Мастером, моим бывшим соседом, Костей Саушкиным. Поэтому, когда на собрании в офисе Борис Игнатьевич поставил задачу, как можно больше узнать о вампирах, я постарался подобрать аргументы для одновременной реализации и своей задачи тоже. На счастье, шеф одобрил мою идею и дал свои санкции и на встречу с Мастером вампиров и на продолжение моих дальнейших поисков в Архиве.

— Это мы все знаем, — нетерпеливо перебил меня Гесер. — Ты по существу давай!

— А еще мне стало очень интересно выяснить, что же на самом деле искал в нашем архиве Костя Саушкин, когда получил к нему доступ под видом Элен Киллоран. Все, что я находил, в той или иной мере уже было давно известно и не давало никаких новых зацепок. Я уж было начал падать духом, но удача все-таки улыбнулась мне. Совершенно случайно я наткнулся на записи арабского ученого VIII века Абу-л-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калбиэтот, в которых он подробно описывает, как некий Великий Воин, Истребитель Вампиров, расправляется с ордой кровососов, терроризирующих целый город. Название города, Кафа, показалось мне

знакомым, и оказалось, что он есть в перечне Чаба Ороша среди других городов, полностью захваченных вампирами. Не буду утомлять вас долгими рассказами, как я до этого докопался, но, в конечном итоге, в «Хрониках» Георгия Амартола я нашел аналогичное описание освобождения Константинополя. Вот это уже показалось мне чрезвычайно интересным и я тут же доложил о находке Борису Игнатьевичу. — Я вкратце пересказал рукопись и рассказ самого Гесера об Иове. Эта часть моего «доклада» была выслушана с огромным вниманием, даже Завулон в своем кресле перестал равнодушно зевать и лишь переводил ставший внимательным взгляд с меня на Гесера и обратно.

— Только после этого я попросил своего деда, Великого Завулона, устроить мне встречу с Саушкиным. — продолжил я. — Тот долго не выходил на контакт, но однажды подошел ко мне прямо во дворе моего дома, когда я просто сидел на лавочке. Разговор у нас поначалу не складывался, заметно было, что мы взаимно не доверяем друг другу, но когда я намекнул ему о своей находке, он неожиданно очень заинтересовался и охотно согласился на следующую встречу, которую я предложил провести в более непринужденной

обстановке у себя дома. Именно для этого я и просил отправить Светлану в отпуск, чтобы она не мешала моим беседам с Верховным вампиром. Саушкин был чрезвычайно удивлен такому приглашению, но ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы решить — принимать его или нет. По-видимому, какие-то будущие дивиденды перевесили над опасностью попасть в ловушку, да и не боялся он уже к тому времени никого, а уж меня и тем более. Но именно за партией в шахматы Костя и рассказал мне об увлечении вампиров джазом и футболом.

— Мы и раньше знали об этом! — снова перебил меня Гесер. — Ничего нового ты пока нам не рассказал!

— Да, мы знали, что джаз и футбол — это их главные увлечения, что их постоянно тянет на джазовые фестивали и на стадионы. Это мы знали, но не знали — почему. Да, собственно, и не задумывались об этом. Поэтому давайте сейчас отодвинем пока футбол на второй план и поговорим о музыке. Оказывается, меломанами они стали еще в средние века, и связано это, в первую очередь, с их анатомией. Все вампиры имеют абсолютный слух, потому что в образе летучих мышей они умело пользуются эхолокацией. Но

используют ли они эту свою способность в человеческом облике? Я вспомнил, как быстро умеют двигаться вампиры, не натыкаясь при этом на посторонние предметы и решил проверить Саушкина на наличие у него ультразвукового излучения. Порывшись в Интернете, я обнаружил, что летучие мыши используют эхолокацию в диапазоне частот от 70 до 100 килогерц, и понял, что мне понадобится аппаратура, способная регистрировать ультразвук на этих частотах. Я не настолько хорошо разбираюсь в радиотехнике, чтобы сконструировать подобный прибор самостоятельно, но незадолго до этих событий я познакомился с несколькими мастерами из нашего дома, способными за деньги сделать практически все, что угодно. Им я объяснил, что интересуюсь летучими мышами и мне нужна аппаратура для определения частоты и мощности сигналов, которые они излучают. Нужный прибор мне сделали буквально за один день, его слепили из всего, что было под руками, в расчете именно на летучих мышей — маломощный, но с хорошей чувствительностью. Оказалось, что излучение существует, причем такой силы, что этот прибор сгорел еще до того, как Саушкин вошел в мою квартиру! Но свое дело он сделал

— было зафиксировано, что Мастер вампиров просто исторгал из себя фонтан ультразвука с частотой около 80 килогерц, и когда я это понял, то, снова таки ссылаясь на то, что хочу проверить реакцию мышей на усиленный обратный сигнал, поставил своим мастерам следующую задачу — максимально этот сигнал усилить и отправить обратно, к источнику. Подробности их не слишком интересовали, но для ее производства мне пришлось использовать все наши семейные заначки. — я виновато посмотрел на Светлану. — Наверное, Надя специально отправила тебя подальше, иначе ты бы на корню обрезала все финансирование.

Надя легко хихикнула, но тут же замолчала, стоило только Светлане взглянуть в ее сторону.

— Ты продолжай, продолжай, а что с тобой делать я решу позже! — Надя не удержалась и хихикнула снова, и теперь уже мне пришлось укоризненно на нее посмотреть.

— Я заказал сразу несколько установок — одну я планировал установить у себя в квартире, а остальные разместить на крыше, по периметру нашего дома. Я рассчитывал, что сейчас в Москве соберется огромное количество вампиров…

— Почему, папа? — невинно спросила Надя.

— Ты плохо меня слушала, — улыбнулся я дочке. — Это футбол, конечно, второе их увлечение. Вы в Дозорах иногда не замечаете, что творится вокруг вас, а ведь в России вот-вот начнется чемпионат мира по футболу! Сейчас у нас в стране находится подавляющее большинство поголовья вампиров, вы это сами видите по статистике высушенных людей. На днях должен состояться матч открытия в Лужниках и практически все вампиры собрались в Москве. Я рассчитывал, что когда Костя в очередной раз придет ко мне играть в шахматы, то он будет не один. а со своей свитой или просто с охраной, на худой конец. Я до конца не был уверен в результате — провести контрольную проверку на ком либо я не мог, чтобы не спугнуть всех остальных, и приходилось идти на очень большой риск, проводя боевое испытание на верхушке ордена.

— А на какой результат ты рассчитывал? — заинтересованно спросил Гесер.

— Даже не знаю, — я развел руками. — Это могло быть какое-то глобальное повреждение центральной нервной системы, или нарушение системы регенерации. Это максимум, на что я надеялся, но то, что произошло в сегодня в действительности, превзошло все мои ожидания!

— А вот о сегодняшнем дне поподробнее! — подобрались все, даже Завулон.

— При последнем посещении Саушкина я, как бы случайно, забыл забрать разрешение на вход, надеясь, что к следующему разу мой прибор будет уже готов. Мастера постарались на славу, но такого вторжения со стороны Хозяина Хозяев я не ожидал! Он просто вышиб дверь и, признаюсь честно, застал меня врасплох, но, вместо того, чтобы сразу же со мной расправиться, начал рассказывать, почему он это делает и при чем здесь я. Оказывается, ряд происшедших событий он расценил, как особые знаки Сумерка, через которые ему сообщалось, что Великое Восстание вампиров должно начаться именно здесь, в моей квартире, а мне предназначалась роль первой, сакральной, жертвы.

— Но почему именно ты?! — не выдержала, наконец, и Светлана.

— Ну, это как раз понятно, — ответил за меня Гесер. — Бывший друг, затем враг, бывший Иной, затем человек, Антон был причиной смерти всей его семьи и, по его мнению, Сумрак постоянно сталкивал их между собой, как будто намекая, с кого следует начать. Я прав?

Я согласно кивнул головой и продолжил.

— В настоящий момент в Москве находится огромное количество вампиров, лучшего времени для выступления вряд ли стоило ожидать, и Хозяин Хозяев, не маскируясь и не играя больше в хорошего вампира, рискнул сделать последний, решительный шаг. Его подвела излишняя многословность — пока он вещал о своих планах на мировое господство, пока он обещал искупаться в моей крови, я сумел добраться до этого выключателя и активировать прибор. — Я указал на обычный электрический девайс на стене, и он сразу же привлек внимание всех в комнате, как будь-то подобный аксессуар они видели впервые в жизни. — Кстати, я забыл его выключить, — добавил я и щелкнул выключателем. Не знаю, что ожидали увидеть или услышать присутствующие маги, но я успел заметить остаточные следы предварительной активации заклинаний, готовых в любой момент уничтожить почти любого противника, в том числе, и вампира. Даже Надя готова была выплеснуть какое-то чрезвычайно сложное, наверняка, свое, заклинание, и только Кеша оставался абсолютно безучастным — парень наверняка знал все, что будет дальше. Так как мне не положено было ничего этого видеть, я взволнованно продолжал:

— Но такой реакции я, конечно не ожидал! Мастера вампиров просто разорвало в сухую пыль, а на улице раздалась целая канонада взрывов, наверное, на крыше дома сидела чуть ли не вся армия вампиров, ожидавшая приказа Хозяина начать наступление! Пыль в комнате сразу же вспыхнула и мгновенно сгорела, — отсюда и запах гари, Света, — а во дворе медленно опустилась на землю, вы и сейчас еще можете увидеть толстый слой праха от вампирских остатков.

В комнате ненадолго воцарилась тишина, все самостоятельно переваривали только что полученную информацию.

— Получается, что благодаря Антону мы получаем абсолютное оружие в войне с вампирами, — задумчиво произнес Гесер. — Но сейчас я бы предпочел не вести военные действия далее, а сначала обсудить и согласовать этот вопрос с Темными и Инквизицией.

— Инквизиция сейчас вне игры, ей понадобится несколько лет, чтобы вновь обрести потерянный вес, — заметила Ольга. — Европейские Дозоры тоже зализывают раны, и, де-факто, руководители сильнейших на сегодняшний день Дозоров находятся именно в этой комнате.

— Что ты хочешь этим сказать, Оля? — как-то

растерянно спросил Гесер.

— Я хочу сказать, что нам не с кем сейчас советоваться, а, учитывая остроту момента — и некогда! — отрезала Ольга. — Решение должно приниматься здесь и сейчас, и скреплять его должны печати Московских Дозоров!

— Звучит как-то не очень! — поморщился глава Ночного Дозора и посмотрел на Завулона, но тот по прежнему сидел молча и что-то усиленно обдумывал. — Как будь-то мы самовольно захватываем власть и провозглашаем свои решения в качестве законов.

— Никогда еще не было в истории Дозоров случая, чтобы кто-то захватывал верховенство и диктовали условия всем остальным! — резко бросила Светлана.

— Но Московские Дозоры постоянно были одними из самых больших и самых сильных и всегда пользовались уважением среди Иных! — продолжала гнуть свою линию Ольга. — У кого ты сейчас спросишь, что делать с вампирами? — набросилась она на Свету. — Наступил момент, когда нужно самостоятельно принимать решения, хотите вы этого или нет!

— Мне не очень это нравится, но, похоже, Ольга права, — после некоторой паузы заметил Гесер. —

Можем объявить это временным решением и как только Инквизиция и Европейские дозоры снова встанут на ноги, мы тут же откажемся от главенства и вернем все на старые рельсы! Что ты думаешь по этому поводу? — обратился он к Завулону.

«Нет ничего более постоянного, чем временные меры», — подумалось мне. Перепалка Гесера с Ольгой чем-то напоминала мне плохой спектакль, но зрители из числа Нади и Кеши слушали все с явной заинтересованностью, Света выжидательно смотрела на меня, а мне ничего другого не оставалось, кроме как молча ожидать развязки.

— Я бы больше пока не включал вот это! — подал, наконец, голос и глава Темных, указывая на мой выключатель. — Нельзя в одночасье уничтожать целую ветвь Иных, не посоветовавшись и не решив, насколько это целесообразно. Нужно видеть разницу между войной, в которой участвуют равные противники, и геноцидом. Да, они виноваты в мятеже, но пожар погашен в самом зародыше, и нет причин продолжать столь экстренные меры. Как верно сказал многоуважаемый Гесер, благодаря Антону мы получили абсолютное оружие против вампиров, но я предлагаю спрятать его как можно дальше и в

следующий раз применять только в случае крайней необходимости.

— Насколько я понял, ты только что обвинил меня в геноциде по отношению к вампирам, да, дорогой дедушка? — вспыхнул я.

— Папа, не заводись, — тихонько, только для меня шепнула Надя. Но мне уже тяжело было остановиться.

— Наверное, ты бы предпочел драться сейчас с их ордой и наблюдать, как ими командует Мастер вампиров с моей кровью на губах?

— А ты хоть представляешь, сколько невинных жертв сейчас покоится под твоими окнами? — с саркастической улыбкой парировал Завулон. — Тебе мало было уничтожить одного Хозяина Хозяев, без которого все остановилось бы? Неужели была такая острая необходимость развоплощать всех?

— С каких это пор глава Темных начинает считать жертвы?! Да еще называть вампиров невинными?! Каждый из них, благодаря, в том числе, твоей пассивности, за последние месяцы осушил нескольких людей и значительно поднял свой уровень. Где *тогда* были твои возгласы о невинных жертвах?!

— Городецкий, прекрати немедленно! — рявк-

нул на меня Гесер. — Мы тогда совместно приняли решение какое-то время не трогать вампиров и потратить силы на укрепление своих позиций, а не на бесплодные атаки!

— Тогда, Пресветлейший Гесер, кровь невинных младенцев есть и на ваших руках!

— Что ты сказал?! Извинись немедленно, скотина, иначе я тебя…

— И что ты его? — услышал я спокойный и нежный голос своей жены. — Сотрешь в порошок? Заморозишь? Четвертуешь? Прямо здесь, у меня дома? На глазах у жены, Великой Светлой, и дочери, Абсолютной Светлой? — Щеки у Светы порозовели, она, наконец, начала чувствовать себя в своей тарелке и в ней проснулась ее давнишняя неприязнь к Гесеру. — Да как ты смеешь, ничтожество, угрожать моему мужу, *человеку*, который спас всю вашу бесполезную контору от почти неминуемой гибели? Пока вы с Завулоном, как трусливые крысы прятались по закоулкам, он один, слышишь, один! умудрился справиться со всем Кровавым Дозором, а теперь ты еще смеешь ему угрожать?! — Непривычный к такому обращению Гесер заметно багровел и бешено вращал зрачками, у Завулона заходили желваки на впалых щеках, а Ольга отцепилась от подоконника и

угрожающе сделала шаг по направлению к Светлане. В комнате явно запахло боевой магией.

— Стоять! — вежливо приказала Надя, не поднимаясь со своего места, и Ольга послушно застыла в нелепой позе статуи, запечатленной скульптором в самом начале решительного рывка в туалет. Все, что она сейчас могла — это смешно вращать зрачками синхронно с мужем. Дочка явно потешалась и на примере Ольги демонстрировала, что не боится никого из присутствующих, а Гесеру и Завулону следовало бы следить за своим поведением. — Я справлюсь, папа. — ответила она мне на мой взгляд, и только я понял, что она попросила меня не раскрываться.

— А теперь вон отсюда! — приказала Светлана, а после того, как за ними захлопнулась моя виртуальная дверь, блаженно добавила: — Всегда мечтала сказать это Гесеру!

— Вы понимаете, что это новая война? — без всякого упрека спросила Надя.

— Ко-неч-но! Но ты даже не представляешь, до чего скучно бывает в деревне!

— Чур, мы с Кешей тоже участвуем!

Как только из квартиры были выдворены все лишние и остались только мы вчетвером, Светлана с помощью Нади тщательно навела защиту

на все наше жилище и снова начала задавать не совсем приятные вопросы. «Это будет похлеще, чем допрос Гесера» — подумал я и покорно приготовился ко второму допросу.

— Прежде всего — что это такое? — достала она откуда-то из-за спины лифчик. — Я его под кроватью нашла, так что потрудись объяснить мне, откуда он там оказался! И не дай бог, Городецкий!.. — она не закончила фразу, но и без того было понятно, что ничего хорошего мне это не сулит.

— Это же твой лифчик! — смиренно ответил я.

— Неужели?! — она с сомнением посмотрела на него через Сумрак. — Ну, хорошо, мой, но что он делает под кроватью? Ты что, за время моего отсутствия превратился в фетишиста?!

— Могла бы не при детях! — я кивнул на потешавшуюся Надю и смущенно отвернувшегося Кешу. — Света, я все могу объяснить! Это совсем не то, о чем ты подумала!

— Ну, давай, попробуй, обычно с этих слов начинаются самые интересные рассказы! — моя умница уже поняла, что немного промахнулась, но сдаваться все равно не хотела.

— Началось все с того, что Егор обписал все газетки в туалете и там невозможно стало ды-

шать…

— Какой Егор? Мартынов? Зеркало? Он был здесь? А зачем он писал на газетки? — забросала меня вопросами Света. Надя с Кешей, уже почти не сдерживаясь, судорожно сползли на пол.

— Егор — это кот, — продолжал я объяснять прописные истины непонятливой жене.

— Какой еще кот?! Ты завел кота, не спросив у меня разрешения?

Как будто чувствуя, что речь идет именно о нем, из своего укрытия, где он прятался до сих пор, осторожно вышел сам виновник происшествия и, не обращая ни на кого внимания, начал тереться о мои ноги.

— Егор, это члены моей семьи, члены моей семьи, это Егор, — церемонно представил я всех друг другу. — Прошу любить и жаловать, потому что теперь он будет жить вместе с нами! Наверно… — немного неуверенно добавил я.

— Это что еще такое?! Где ты его подобрал?! — брезгливо спросила Светлана. Быстро смекнув, кто в доме хозяин, Егор без сожаления бросил мои ноги и начал тереться о Светкины.

Пришлось рассказать о своем путешествии в Париж, о возвращении в Москву, о встрече с котом и как он пытался защитить меня от обо-

ротня. С кличкой тоже возникли проблемы, но все-таки мне удалось объяснить, что в момент его появления я как раз сожалел о том, что забыл навестить в Париже Егора и имя у кота появилось автоматически.

— Кот чистый, домашний, к лотку приучен, кошачий корм кушает с удовольствием, в тапки не гадит и обои не дерет. Давай оставим, а? — жалобно посмотрел я на Светлану, но она лишь досадливо отмахнулась.

— Да пусть себе остается! У меня есть второй вопрос тебе на засыпку — почему в комнате пахнет женскими духами? Или ты снова скажешь, что это мои? — ехидно спросила она.

— Твои, — послушно ответил я, — С помощью твоих духов я пытался заглушить запах гари.

— Какой еще гари? Ты же сказал, что это вонь от сгоревшего праха вампира!

— Не совсем так, — потупил я глаза. — На самом деле, эта вонь осталась от сгоревшего дивана.

— Да я что, должна тебя за язык тянуть? Быстро колись, что здесь произошло!

Стараясь придерживаться дяди Гришиной версии, я рассказал о первой попытке установки прибора и чем в результате это закончилось. Но даже после того, как я пообещать возместить

ей разбитое зеркало, Светлана и не собиралась успокаиваться.

— Хорошо, я еще успею разобраться со всеми твоими приблудными котами и бабами. Объясни мне, наконец, как-ты-стал-Иным! И без твоих дурацких шуточек, пожалуйста!

Мне пришлось признаться, что я и сам до сих пор не понимаю, как это произошло, и, для подтверждения своих слов, рассказал всю историю с Заклинанием. Чтобы было наглядней, я разложил на столе листочки с оригинальным текстом и с прикрепленными к ним переводами.

— Папа, я удивляюсь, как ты мог с этим не разобраться! — рассмеялась Надя. — Здесь же все предельно просто! Смотри — первая часть стиха это указание того, через какой слой Сумрака тебя нужно провести, вторая часть — какое воздействие при этом следует на тебя оказать, а вот над третьей частью мне нужно еще немного подумать. — Мы снова склонились над листиками. — Вот смотри, например, день первый:

Первый пласт разорви как прогнившую ткань
И у тела его тоже рядышком встань,

— Тело — это ты, а обращение идет к Иному, который должен поместить тебя на первый слой Сумрака!

Родниковой водой проведи омыванье,
Чтобы смыть наслоения жизни прошедшей,
Пусть вода унесет навсегда расставанье,
Боль и страх, ночь и день, жар и холод кромешный.

— Я думаю, что существенным здесь является только упоминание воды, все остальное — просто поэтическое обращение, направленное на то, чтобы всех запутать. Попробуй припомнить, что было связано с водой у тебя в этот день?

— Меня вызывал к себе Гесер, а возвращаясь домой, я попал под ливень и промок буквально до нитки, — тут же отозвался я. Ко мне возвратилась моя прежняя память, и многое сейчас разлеглось по своим полочкам.

— Ну вот видишь, наверняка что-то похожее происходило и каждый последующий день, что там у нас? — туман, дым, огонь, ветер и лед! Непонятно только с печатью… что это могло быть, как ты думаешь?

— Рядом с заклинанием лежала мумифицированная кисть, это и была печать, но, к сожалению, она рассыпалась в прах от старости и от моего прикосновения. Во время нашей встречи Саушкин утверждал, что это кисть их Великого Мастера, помнишь тот рассказ Гесера об Иове?

Но лично я думаю, что это была кисть самого обычного вампира.

— Тем не менее, она должна была участвовать в магическом заклинании! — уверенно заявила Надя. — А что, если ее функцию каким-то образом исполнил сам Мастер вампиров, вспомни, не прикасался ли он к тебе во время вашей последней встречи?

— Не только прикасался, он даже оттолкнул меня, когда я попытался спасти кота!

— Ты пытался спасти кота от Хозяина Хозяев? — недоверчиво спросила Светлана.

— Конечно, он ведь тоже пытался защитить меня!

— Погодите вы оба, — остановила нас дочка. — Разве вы не видите, что все встало на свои места? Был проведен обряд, во время которого папу провели через все слои Сумрака, а печать невольно поставил сам Верховный вампир! Причем, заметьте, живой Высший вампир, а не какая-то засохшая костяшка! Ты знаешь, папа, я думаю, что сейчас ты самый сильный маг в мире! — Надя сделала книксен и взглянула не меня с непритворной любовью.

— Не думаю, — отозвался Иннокентий. — Если легенда об Иове правдива и он до сих пор жив, то

именно Иов всегда будет самым сильным магом в мире, потому что по условиям его соглашения с Сумраком, он обязательно должен оставаться лучшим во всем.

Мне осталось только согласится с таким утверждением.

— Ну а третья часть стиха? — продолжила свой допрос Светлана.

— Я думаю, что это, скорее всего, прошивка, если говорить современным языком. Превращаясь в Иного, папа получил возможность использовать некоторые заклинания без привлечения силы извне, черпая ее непосредственно из Сумрака. Ну вот, например, этот же первый день:

Белым древком копья наполняй ожиданье
Нового смысла его пребыванья.

— «Белое копье», помнишь, ты использовал его против Двуединого?!

— Конечно, сейчас я помню все, даже то, как на нем пальто загорелось!

— Что там у нас дальше? «Белый Нож» — это понятно; «Горький Дым» — это что-то из арсенала бабушек, наверное, нужно будет у Арины спросить; «Стена Огня» — это очень даже хорошо; «Магический Пресс» — действенное заклинание, но требует много магии, а у тебя будет бесплат-

ным; «Снежная Паутина» тоже неплохо, а вот что такое «Великое Чудо» я даже представить не могу.

— Ничего, покопаюсь еще немного в архиве и постараюсь найти, что означает это «Великое Чудо».

— Кто теперь тебя туда пустит! — фыркнула Светлана.

— Неплохой арсенальчик! — уважительно протянул Кеша. — Только не думаю, что вы получаете все эти заклинания навечно, скорее всего, что это краткосрочный дар на несколько лет.

— Ты что-то уже знаешь по этому поводу? — спросила Надя.

— Точно пока не знаю ничего, но есть кое-какие догадки, нуждающиеся в проверке.

— Ой, папа, папочка, ты становишься похожим на бурундучка! — вдруг засмеялась Надя. Как более сильный маг она первой заметила проявление у меня ауры, и пока Кеша со Светланой недоуменно смотрели то на нее, то на меня, продолжала от души хохотать. Я посмотрел на себя со стороны и обнаружил, что вместо обычной ауры Иного у меня появились две полоски вдоль позвоночника — белая и черная. «Так вот откуда бурундук!» — понял я и тоже рассмеялся. Светла-

на увидела «бурундука» следующей, а до Кеши, как до самого слабого, доходило дольше всего. Когда все пересмеялись, начали думать, чтобы это могло означать, но и здесь Надя оказалась самой догадливой.

— Папа, а ведь ты сейчас одновременно и Светлый и Темный! — уже совершенно серьезно заявила она. — Только не понятно, то ли это воздействие Заклинания, то ли Светлым ты стал по праву первичной инициализации, а Темным — по праву рождения, как внук Завулона. Но это и не важно, сейчас ты просто уникум! — она с несказанной любовью посмотрела на меня. — Папа, я обожаю тебя!

А Светлана неожиданно уткнулась мне в плечо и разрыдалась.

— Прекрати, ну что ты… — я растерянно посмотрел на Надю с Кешей, но смущенные не меньше меня, они сделали вид, что заняты разговором друг с другом и ничего вокруг больше не видят и не слышат. Мне оставалось только прижать ее крепче к себе, нежно гладить по волосам и спине и ждать, когда с нее выйдет все накопившееся напряжение.

— Ты думаешь, мне было легко, да? — наконец, немного успокоилась жена. — Я каждый день

видела, как ты мучаешься, пытаешься стать если уже не Иным, то человеком, но у тебя даже это не получается, и с каждым днем ты уходишь все дальше и дальше от меня. Пока ты лежал в лазарете, я рыдала по ночам, уткнувшись в подушку, я не могла себе представить, что ты состаришься и уйдешь, а я останусь одна, без тебя, — она снова заплакала.

— Но у меня все равно остаются вопросы, — немного успокоившись и вытерев слезы, упрямо заявила Светлана. — Судя по Заклинанию, тебя необходимо было провести через все слои Сумрака, а всех, кто на это способен, можно пересчитать на пальцах одной руки. Кроме того, этот маг должен был постоянно находиться в непосредственной близости от тебя, но ты ни слова не сказал о его существовании. Кто это был, Антон? — она вопросительно-требовательно посмотрела на меня.

В комнате воцарилась непродолжительная тишина, потому что у меня был только один ответ, и я оглянулся в поисках кота. Оказалось, что Егор сидит в двух шагах от нас и внимательно наблюдает за нашим разговором. Проследив за моим взглядом, на него уставились и остальные, а он, заметив такое пристальное внимание,

демонстративно поднял заднюю лапу и начал вылизывать свои яйца.

— Егор, это уже просто некрасиво с твоей стороны, здесь же все-таки дамы, — попытался я его усовестить. Как не странно, на него подействовало, и он снова уселся по кошачьей стойке смирно, спокойно глядя на нас своими зелеными глазами. — Понимаешь, другого варианта просто нет, это точно ты, и я почти уверен, что твое настоящее имя — Иов. Хотя здесь, конечно, могут быть еще варианты, если мы знаем не всех Великих магов.

Как будто специально дождавшись правильного решения загадки, кот начал превращаться в человека.

— Илон Маск! — потрясенно воскликнул я.

— Иов, с вашего позволения, — на чистом русском представился маг, — и Илон Маск в том числе. — Я поневоле представился сам и представил всех присутствующих, хотя явной необходимости в этом не было, потому что Иов уже наверняка очень хорошо знал, кто есть кто.

— Я не очень рассчитывал раскрываться перед вами, но с моей стороны было бы неприлично просто исчезнуть, услышав от вас интересующие меня детали, ведь у вас тоже, наверняка, найдут-

ся вопросы, ответы на которые знаю только я. Кроме того, мне очень приятно познакомиться со всеми вами, но особенно — с чрезвычайно молодой и красивой Абсолютной Светлой, — он по старомодному церемонно поклонился перед ней, Надежда сразу же вспыхнула ярким румянцем и постаралась спрятаться за Кешей.

— Но перед началом беседы, я бы попросил вашу великолепную хозяйку приготовить чашечку чая, желательно, с бутербродами, потому что, знаете, эта кошачья еда… — Иов так брезгливо передернулся, что мы все дружно рассмеялись, разбивая возникшее напряжение, а Светлана, обласканная неожиданным комплиментом нежданного гостя, опрометью метнулась на кухню готовить заказ. Не менее смущенная Надя вызвалась ей помочь и тоже исчезла. В комнате остались только мужчины.

— Спасибо за хорошее отношение к коту, Антон! — поблагодарил меня Иов. Я что-то невразумительно пробормотал в ответ, но он, казалось, не обратил на это никакого внимания. — Поверьте, я не со зла и не нарочно заставлял вас убирать после себя в туалете. Дело в том, что будучи в облике кота, я и чувствовал себя котом, причем, самым лучшим котом в мире. Я вел себя, как

обычный кот, ел кошачью еду, интересовался кошками, но и отношения к себе мне тоже хотелось особенного, как к коту. Поэтому я благодарен тебе за то, что ты уделял мне столько внимания, носил на руках, гладил и ласкал, кормил и убирал за мной. Только прошу, не представляй никогда, что ты ухаживал за Иовом! — он рассмеялся. — Это был кот, и только кот!

— Я постараюсь, хотя это будет нелегко, — улыбнулся и я. — Я тоже хочу поблагодарить вас за все то, что вы сделали для меня, ведь только благодаря вам я снова стал Иным! — подражая Иову, я отвесил ему церемонный поклон.

— Не стоит благодарности, — махнул он рукой. — Это было одним из звеньев операции против вампиров, иначе я ни за что не стал бы создавать очень сильного мага, способного разрушить равновесие между Светом и Тьмой. На счастье, благодаря твоей инициализации живым Мастером вампиров, ты стал и Светлым и Темным одновременно, и не сильно нарушил баланс, тем более, что в первую очередь именно из-за твоей семьи он уже и так нарушен!

В комнату по очереди зашли Света с подносом бутербродов, и Надя, на подносе которой стояли чашки с чаем. Мы все расселись за столом, и

начали второе за сегодняшний вечер чаепитие. Блаженно откусив добрую половину бутерброда с колбасой, на которую только вчера он смотрел с глубоким презрением, Иов все тщательно разжевал, немного отхлебнул чая, отставил чашку в сторону и, не дожидаясь дополнительных вопросов, начал.

— Вы уже слышали сегодня из уст Антона рассказ Гесера о том, кто я, и как получилось, что я все делаю лучше всех остальных. Могу только добавить, что всю свою жизнь я воюю с вампирами, кстати, в Куфе и Константинополе тоже был я, но усталость от длительности бытия накапливается у всех, даже у меня, и я на какое-то время решил удалиться от дел и поселиться в уединенном месте, где бы меня никто не доставал, особенно, вампиры. Где находится это место, я не скажу даже вам, пусть это останется моей маленькой тайной. Но недавно я получил сообщение об угрозе, которая нависла над миром из-за появления Кровавого Дозора, и мне предстояло решить — буду я вмешиваться или нет. — Иов сделал паузу, снова отхлебнул чая и задумался, как будь-то восстанавливая в памяти все происшедшее. — У этой истории давнее начало, и суть всего происходящего в том, что Сумрак тоже имеет свои

желания. Он не умеет интриговать и строить многоходовые комбинации, и чаще всего следует напролом, вот и на этот раз он не изменил себе. Многие столетия Сумрак пытается поднять вампиров в иерархии Иных, но неоднократные его попытки пресекал или я, или обстоятельства складывались так, что это у него не получалось. На этот раз Сумрак зашел издалека — сначала он создал нового Великого Мастера Вампиров, воскресив его из небытия, и дал ему возможность собрать свой Кровавый Дозор, равному которому не было еще в истории Иных. Эта армия должна была уничтожить все Дневные и Ночные Дозоры, а, заодно и Инквизицию, и вампиры навеки воцарились бы на всей Земле. Это был хороший план, но слишком прямолинейный. По моим расчетам получалось, что я не только обязан участвовать в истреблении этого отродья, но и буду являться одним из ключевых игроков в этом сражении. Но не самым главным. — он кивнул в мою сторону. — Самый оптимальный вариант складывался таким образом, что я должен был стать помощником Антона и превратить его в Иного.

— Значит, вы знали о существовании Заклятия?

— Не только знал, но и перед тем, как отдать

шкатулку в Куфе, уже успел дважды им воспользоваться!

— То есть, два ваших ученика, от которых у вас ныли клыки…

— Да, совершенно верно, когда-то давно я нашел двух перспективных мальчишек и превратил их в Иных, одного в Светлого, а второго — в Темного, они то и стали моими единственными учениками.

— И это…

— И это ваши Гесер и Завулон. — Поистине сегодня великий день раскрытия тайн! Мы могли только пораженно молчать и переглядываться между собой, потому что нигде и никогда шефы московских Дозоров не вспоминали, что родились обычными людьми. Но Иов, меж тем, продолжал:

— Вплоть до сегодняшнего дня я никак не мог понять, каким образом будут уничтожены вампиры, коты, знаете ли, не сильно разбираются в эхолокации. — он улыбнулся, переключая нас на другую волну. — Но зато с самого начала я уже хорошо понимал, что времени на все буквально в обрез, и для того, чтобы получить пару лишних дней, я старался, где только возможно, засвечивать свое местопребывание по дороге в Москву. Я

знал, что вампиры никогда не прекращали моих поисков по всему миру и как ищейки тут же примутся вынюхивать меня везде, где я только буду замечен. Поэтому сначала я засветился в Торонто, но пока они разобрались, куда я подевался, я уже оказался в Париже. Здесь я провел чуть больше времени, чтобы они стянули сюда как можно больше своих сил, но вовремя успел вылететь на Москву. По дороге случился неприятный инцидент, мне пришлось посадить самолет в Праге и в срочном порядке покинуть борт, пока меня не обнаружили. Но несколько дней своими маневрами я все-таки выиграл и вовремя оказался в Москве. Дальше все было сработано по плану, важно было лишь то, что шкатулка оказалась на месте, а остальное вы и так уже все знаете. — он допил свой чай и демонстративно посмотрел на часы. — Как у вас говорится — в гостях хорошо, а дома лучше! Извините великодушно, но мне пора домой. Сад, знаете ли, куры, огород… — и, не дожидаясь нашего ответа, начал растворяться между четвертым и пятым слоем Сумрака.

— Постой! — крикнул я ему вдогонку. — объясни при чем здесь шкатулка! — но он лишь улыбнулся чеширской улыбкой и растаял. А я, несмотря на все его старания, на всякий случай

проследил весь его путь до небольшого поселка южнее Эдмонтона и дальше до великолепного сада возле небольшого домика — оказалось, что при определенном сплетении моих светлых и темных составляющих, можно делать поистине удивительные вещи!

— Как же ему удалось уйти из полностью защищенной комнаты?! — неизвестно у кого обиженно спросила Надя.

— Ну что, спать? — предложила, зевая, Света. Надя с Кешей тоже выглядели сонными, да и я сам уже порядком устал.

— Я бы и не против, — зевнул я в ответ, заразительная это все-таки штука — стоит зевнуть одному, как и все окружающие тоже готовы зевать во весь рот. — Но, боюсь, нам предстоит еще одно чаепитие.

— С какой стати? — удивилась Светлана. — Ты мало чая за сегодня выпил?

— Чая, может, и достаточно, а вот ответов на *свои* вопросы я услышал мало.

— Так ты их и не задавал!

— А когда мне было их задавать? Сначала меня допрашивал Гесер, затем ты, после этого Иов прочел свой монолог о роли библейского героя в современных событиях, и, не соизволив выслу-

шать ответную сторону, благополучно удалился к своей клубнике. Так что нам предстоит еще много чего узнать вот у этих двух молодых людей. — Я показал на Надю с Кешей.

Надя уж точно не ожидала от меня такого подвоха и попыталась спрятаться за своего молодого человека. Хм… Это уже не в первый раз за сегодня, а значит она, Абсолютная Светлая, чувствует себя с ним более защищенной. Ну что ж, совет им да любовь, но я все равно попытаюсь вытрясти из них все недостающие пазлы. Кеша, в отличие от Нади, оставался абсолютно спокойным, как будь-то давая мне понять, что удивить чем-то Пророка первого уровня вряд ли возможно.

— Ты думаешь, они еще не все нам рассказали?

— Нет, Света, я так не думаю — они еще *ничего* нам не рассказали! Вам вопросы как лучше задавать — списком или по очереди? — повернулся я к молодежи.

— Давайте все вместе, дядя Антон. — ответил Иннокентий за двоих.

— Понимаешь, Света, во всей этой истории осталось еще достаточно много темных пятен, — сказал я, снова обращаясь только к жене. — Ты помнишь, как Надя настаивала на твоем отъезде

к маме? Чем она объяснила тебе свою настойчивость? Откуда Надя знала, что я вдруг окажусь именно на третьем уровне именно в то время, когда она меня там будет ждать? Откуда все-таки взялась шкатулка в архиве и где она сейчас, действительно ли эта деревянная коробка такая важная, как намекнул Иов, и каким образом в нашем доме среди жильцов оказался переводчик с древнеарамейского?

— Что ж, хорошо, чай так чай, — согласилась Света. — Только вот бутербродов больше не будет, твой Иов сожрал всю колбасу в доме и теперь в холодильнике хоть шаром покати. Правда, могу предложить кошачьи консервы. — она так серьезно посмотрела на меня, что я поневоле понял, что это шутка.

— Спасибо за предложение, конечно, но я все-таки предпочитаю колбасу, а консервы отвезем твоей маме в деревню для ее кота. — После *такого* кота мне как-то сразу перехотелось иметь в доме кого либо еще, потому что теперь в любом домашнем животном, будь то кот или собака, я все равно буду видеть только Иова. Бр-р-р. А я его еще к себе в постель брал и мял ему животик…

Вскоре появилась и Светлана с подносом. Конечно же, был не только чай, но и бутерброды

— когда Высшая Светлая захочет, то сможет выполнить почти все ваши пожелания, такая себе домашняя Золотая Рыбка, и следовательно, мои вопросы ее заинтересовали тоже.

— Итак, начинаем очередное, третье по счету сегодняшнее чаепитие! — торжественно провозгласил я. — Слово для доклада предоставляется Светлому Иному, Пророку первого уровня, Иннокентию Толкову!

Кеша все-таки молодец. Для поддержания той атмосферы, которую я только что попытался создать, он не спеша поднялся, торжественно поклонился присутствующим и поднял чашку с чаем, собираясь с ней в руке преподнести нам свою пламенную речь.

— Ладно, садись, — махнул я рукой. — Мы и так тебя очень внимательно слушаем!

— Надеюсь, сейчас я еще более усилю ваше внимание. Если честно, мы с Надей не собирались выставлять напоказ наше с ней участие в этом деле, — почти как Иов начал Кеша. — Главным все-таки был результат, его мы добились и на этом можно было бы ставить точку. Если бы не эта неожиданная ссора с главами Дозоров, мы бы попытались уйти от ответов, но при сложившейся ситуации нам этого не избежать. Кроме

того, вы очень верно поставили свои вопросы, и я чувствую, что это далеко не все, что вас интересует. Поэтому мы с Надей откроем вам все недостающие звенья этой операции, кое-что вам может не понравится, кое-что может показаться просто невероятным, но зато в результате вы сможете увидеть всю картину в целом, и она не совсем такая, как вы ожидаете.

— Короче, Склифософский! — голосом Никулина из «Кавказской пленницы» поторопил я Кешу. — Если слишком долго подогревать внимание, то придется идти и подогревать чай!

— Давай вместе, Надя, не прячься — он нежно обнял нашу дочь и теперь они оба сидели перед нами, собираясь рассказать о чем-то таком, чего мы еще не знали.

— Все, что сейчас произошло, это исключительно наша с Надей комбинация, задуманная и проведенная нами двумя. — От неожиданности мы чуть чаем не захлебнулись, но он спокойно переждал, пока мы прокашляемся, и продолжил. — Основная цель комбинации — вернуть вам статус Иного, а в качестве узловых событий были выбраны момент создания Кровавого Дозора и попытка Гесера совместно с Завулоном сплести свою комбинацию. Нам пришлось

вплести их паутинку в свою и, раз есть положительный результат, то, наверное, получилось это неплохо. За отправную точку мы взяли события, произошедшие около 10 лет назад.

— И что же случилось 10 лет назад? Я, например, ничего особенного припомнить не могу! — заинтересовались Света.

— Просто это произошло совершенно случайно, мама, — вступила в разговор Надя. — Помните, я тогда училась строить линии судьбы и определять будущее? У меня очень хорошо получалось смотреть на несколько часов вперед, ну еще на день-два, я так проверяла будут меня в школе спрашивать или нет. — Она невинно опустила глаза.

— Со временем у меня начало получаться все лучше и лучше, но однажды я как будь-то наяву увидела лицо умирающего человека, мне стало так страшно, что я резко оборвала эту линию и пару дней ходила сама не своя. Любопытство, конечно, взяло верх и я решила все-таки узнать, кто этот человек. Оказалось, что зовут его Копунов Григорий Сергеевич, и находится он сейчас в Московской городской онкологической больнице № 62. Врачи уже махнули на него рукой и ожидали, что со дня на день он должен умереть

— у него был неоперабельный рак 4 стадии, со многими метастазами. Я не знала, кто он такой, и просто почувствовала — этот человек должен выжить и переселиться в наш дом. Я вылечила его — неумело, конечно, кое-что тайком выпытывая у мамы, кое-что находя в интернете, вы можете вспомнить, что было время, когда во всех новостях сообщалось о невероятном исцелении больного на последней стадии рака. А еще я воспользовалась тем, что к тому времени его уже отказались поддерживать все его близкие и, выздоровев, он со всеми рассорился и решил переехать в совершенно другой район чтобы спокойно жить размеренной жизнью пенсионера. Вслед за собой он перетащил и дядю Славу, вместе с которым открыл ремонтную мастерскую в гаражах, а чуть позже к ним примкнул и дядя Семен. Но зачем он нужен я не понимала, и вскоре совершенно забыла об этом случае, хотя и видела его регулярно во дворе.

— Спасибо, дочка! — Надя смущенно потупилась. — Но 10 лет! Ты когда нибудь слышала, чтобы прогноз делался на такие длительные сроки? — восторженно спросил я жену.

— Нострадамус и на более длительные сроки предсказывал, — отмахнулась от меня Светла-

на. — Но ты бы лучше не перебивал, мне уже очень интересно, что же будет дальше!

— А дальше Двуликий превратил дядю Антона в обычного человека, и его забрали в лазарет Ночного Дозора. Вот тогда мы с Надей и начали разрабатывать наш план его возврата. — продолжил Кеша. — Понятно было, что для этого нам понадобится много времени и для начала мы решили, что для сохранения психологического здоровья, вам необходимо сократить количество контактов с окружающим миром. С нашей точки зрения, лучше всего для этой цели подходил Архив Ночного Дозора, и Наде несложно было внушить вам желание спуститься туда, помните, тогда еще переполох был и вас искали повсюду? Поэтому после выписки из больницы вы и попросились в архив и проработали там все это время вплоть до нынешних событий. Пока вы занимались своими архивными поисками, мы с Надей начали искать возможные варианты вашего возврата — ведь не могла же быть Фуаран единственным вариантом за все время существования Иных! У нас, среди Пророков, ходили разговоры о так называемых разовых обязательствах Сумерка, а Глыба как-то туманно обмолвился, что не все Великие были рождены

Иными. Мы решили, что такими сведениями может обладать Инквизиция, и Наде удалось добыть каталог магических артефактов, которые хранились у них в Праге. Мы очень тщательно его изучили и нашли несколько очень интересных предметов, но к нашей цели они не имели никакого отношения. Единственной вещью, назначение которой нам оставалось до конца не выясненным, оказалась красивая деревянная шкатулка. В описании этой шкатулки значилось: «Артефакт ориентировочно IV–VI столетия нашей эры, точное назначение не известно. Предположительно, трехразовое обязательство Сумрака. Судя по тому, что на каждой грани шкатулки на орнаменте явно выделяется только по одной полоске, артефакт дважды уже был использован. Недоступен Иным, кроме низших — оборотней и вампиров. Иные шкатулку не видят и не могут взять, вампиры могут взять, но не видят, оборотни и люди шкатулку видят и могут взять в руки. Текст внутри расшифровке не подлежит». Мы подкупили оборотня-инквизитора и он вынес нам эту шкатулку из хранилища (коррупция есть везде, и Инквизиция тому не исключение). Нам очень повезло — оказалось, что Пророки тоже ее видят и могут взять в руки, просто в Инквизиции

не сочли нужным проверить все категории Иных, таким незначительным казался им этот предмет. Мы прочли перевод о событиях, происшедших в Кафе, и поняли, что находимся на правильном пути. Но само заклинание нам никак не давалось — Надя его не видела, а моих способностей не хватало, чтобы его прочесть. А сделать его ксерокопию мы как-то не догадались. — Кеша смутился. — Но это и к лучшему — Надя снова раскинула линии судьбы и оказалось, что нам не нужно читать текст, а необходимо положить шкатулку в архив, на самое видное место. Я часто заходил к вам со своими предсказаниями, и охрана давно ко мне привыкла. Заметив, что вы уходите домой, я спустился на минус шестой этаж и легко пронес шкатулку мимо охраны, потому что они были хоть и слабыми, но Иными, и шкатулку не видели. Все остальное, что касается этой шкатулки, вы знаете, наверное, кроме одного — для того, чтобы заклинание сработало, необходимо было, чтобы она находилась рядом, и, пока вы были в Париже, я принес ее к вам в квартиру. — С этими словами Кеша подошел к книжному шкафу и откуда то снизу достал знакомую мне шкатулку. На ее гранях больше не было ни одной полоски.

— А ларчик то просто открывался, оказывается!

— На самом деле, именно она была самым важным звеном во всем заклинании. Сам текст можно было выучить, видоизменить, необходимые условия создать, а отрезанную кисть заменить новой, но заменить шкатулку нельзя уже ничем. И теперь это обычная антикварная вещь, не более. Хотя и очень дорогая, несомненно. А теперь она по праву ваша, — вручил мне шкатулку Кеша. — Тетю Свету нам пришлось долго уговаривать оставить вас одного, иначе Хозяин Хозяев не вышел бы с вами на связь, вы бы не установили связь между вампирами и эхолокацией, и развитие сюжета пошло бы по совершенно другому пути.

— Дорогая, — торжественно сказал я, становясь на одно колено возле стула своей жены. — Примешь ли ты от меня этот бесценный подарок в ответ за все твои страдания, которые ты перенесла, находясь на непреодолимом расстоянии от меня, твоего единственного и любимого мужа? Ну и взамен безвозвратно утерянного зеркала, конечно? — поспешно добавил я. — В ней ты сможешь хранить свои изысканные украшения, достойные только такой Великой Волшебницы,

как ты!

— Как мило! — заплескала в ладони Надя, и Светлана заметно смутилась.

— Да ну вас! — махнула она на нас рукой. — Ладно уж, давай! Извинения принимаются!

— Дальше будет очень неприятная для вас часть, — уже серьезно предупредила нас дочка. — В дело вступили опытные интриганы Гесер и Завулон. В Москве уже полностью бесчинствовали банды вампиров, но, вместо того, чтобы задушить их восстание в самом зародыше, они решили использовать ситуацию в своих интересах и ограничили столкновения мелкими стычками. Объясняли они это тем, что якобы таким образом они пекутся об Иных и минимизируют их потери, вон даже мама участвовала в таких операциях. — Света согласно кивнула головой. — Я бы и в одиночку смогла расправится и с Саушкиным, и со всей их сворой, но в таком случае у нас терялся конечный результат, поэтому мы решили вывести вампиров за пределы города. Гесер с Завулоном назвали это первой небольшой победой над вампирами и приписали ее себе, но мы с Кешей не гордые, нам результат важен! Они же продолжили разработку совместной операцию Ночного и Дневного Дозоров Москвы. Обращаю

ваше внимание — в операции под грифом «совершенно секретно» участвовали исключительно московские Дозоры! И дело здесь вот в чем — и Гесер и Завулон давно уже считают, что именно они заслуживают стоять во главе всех Иных, один — Светлых, второй — Темных, а нынешняя ситуация с вампирами давала возможность удовлетворить свои амбиции чужими руками.

— Так вот чего добивалась сегодня Ольга!

— Совершенно верно! Они не планировали сделать это сегодня, но разговор пошел таким образом, что она сочла момент удачным и попыталась доказать, что в нынешней кризисной ситуации всю власть необходимо передать в руки Московских Дозоров! Удачно подвернувшаяся под руку Абсолютная дала бы свое согласие, и для всех остальных Иных это автоматически стало бы законом.

— Вот сука! — скривилась Светлана.

— Я очень рада, что у них это не вышло, но, с вашего позволения, я продолжу. С помощью вампиров они решили убрать самые сильные европейские офисы Иных в Париже и де-факто стать во главе иерархии всех Иных. Вторым пунктом стояло уничтожение Инквизиции, которая, как они считали, будет мешать их гегемонии. Необ-

ходимо было сместить акцент атаки и заставить Саушкина начать активные действия до того, как он достигнет вершины своего могущества. Для этого им понадобилась приманка, и они решают вызвать Иова, зная, что он обязательно ринется в атаку на вампиров, а по дороге в Москву неизбежно остановится в Париже. Когда Иов прибыл в столицу Франции, Завулон по своим каналам сообщил об этом Саушкину, и тот во главе небольшого отряда мгновенно метнулся в Париж на его поиски. Мастер вампиров правильно рассчитал, что в это время в городе должно быть большое количество его собратьев, которые специально прилетели к началу джазового фестиваля в районе ***Сен-Жермен-де-пре***. Значительно увеличив армию за их счет, Саушкин начал свои поиски. Они легко обнаружили следы Иова, которые он специально повсюду оставлял, но так и не смогли его найти, и тогда Хозяин Хозяев, решив воспользоваться ситуацией, дает команду атаковать офисы Иных. Не ожидавшие подобного нападения и Светлые и Темные были разбиты практически мгновенно. Все произошло так, как и планировали Гесер с Завулоном, но их замысел был намного шире. Они понимали, что в случае расследования этого инцидента вполне могут

выйти на их след и решили подстраховаться.

— Старый интриган, — зло пробормотала Светлана. — Никогда не верила Гесеру!

— Развивая свою интригу они решили пожертвовать пешкой, бывшим Светлым Иным, внуком Завулона, моим папой, Антоном Городецким.

Воцарилась гнетущая тишина. Я не мог прийти в себя от услышанного, а Светлана начала краснеть от бешенства, но слово взял Иннокентий и продолжил.

— Прежде всего вы должны понимать, что Антон Городецкий в статусе человека уже не был интересен ни Гесеру, ни Завулону. Светлый для своих целей или социальных экспериментов согласен пойти на уничтожение миллионов людей, что для него какой-то бывший Иной? А Темный всегда равнодушно смотрел на всех своих потомков, и пожертвовать одним из них для него было как раз плюнуть. Поэтому они совместно организовали в Москве Зов, с помощью которого отправили вас в Париж и бросили в самую гущу кровососов как раз на момент начала нападений на Офисы Дозоров. В случае любого расследования они совместно утверждали бы, что *бывший* Иной Антон Городецкий оказался там совершенно случайно и никакого отноше-

ния к атаке вампиров не имеет. Это могло бы приостановить следствие, но наверняка навело бы всех на мысль, что на самом деле что-то здесь нечисто… Следующим их шагом была организация внезапной посадки самолета, которым Иов и Антон летели в Москву, в Праге. Для этого они вывели из строя пилотов самолета, понимая, что теперь понадобится экстренная посадка в ближайшем аэропорту, а Иов, как самый лучший в мире пилот, без труда самостоятельно сможет посадить авиалайнер.

— Значит они знали, что мы летим одним рейсом?

— Да, в своем рассказе Иов «забыл» упомянуть, что связался из Парижа с Гесером и тот попросил его присмотреть за Городецким, который «случайно» попал в парижскую мясорубку. Но стоило только самолету сесть, как Завулон снова передает Саушкину данные о том, что Иов находится в Праге, и вновь повторяется парижская ситуация — вампиры находят следы присутствия Иова, но он по прежнему для них недоступен. Имея уже опыт победы над парижскими Иными, Саушкин решает напасть на более сильного противника и приказывает атаковать офис Инквизиции. Таким образом, Антон оказался в Праге ровно

в тот момент, когда началась атака на их офис. Инквизиторы, как и парижские Иные, оказались не готовы к такому развитию событий, и не смогли оказать сопротивления вампирским бандам, хорошо хоть в последний момент сработала защита, и были взорваны подземные хранилища артефактов, которые Инквизиция собирала столетиями. Во время этих событий потерялась связь с Иовом, который ушел в подполье и в дальнейшем работал уже по своему индивидуальному плану. Гесер и Завулон ликуют — исчезло предпоследнее препятствие к их мировому господству, и теперь остается только разбить вампиров в России, загнать их в будку, прижать к ногтю, припереть к стенке — у Великих эйфория, но они все таки понимали, что без помощи лучшего в мире истребителя вампиров им не справиться. Тем более, что в своих расчетах они не учли маленькую деталь — в России ожидалось проведение финальной части чемпионата мира по футболу, и в Москву слетелось множество вампиров со всего мира, и теперь уже сил местных Иных не хватало для того, чтобы дать отпор Кровавому Дозору. Вам ведь звонил Гесер с приказом срочно вернуться в Москву? — Кеша посмотрел на Светлану. — Надю, например, он несколько раз пытался привлечь

на защиту Ночного Дозора от вампиров.

— Я сослалась на то, что еще неполнолетняя и обязательному призыву в форс-мажорных ситуациях не подлежу, а затем перезвонила маме и попросила, чтобы она ни под каким предлогом не возвращалась в Москву.

— Да, — коротко ответила Светлана.

— Я так и думал, — кивнул Иннокентий. — Так как дядя Антон в ключевые моменты находился и в Париже, и в Праге, да еще в компании высокопоставленных членов Кровавого Дозора, на него, как и ожидалось, пало подозрение в организации этих нападений. Представители Лондонских и Берлинских Дозоров потребовали провести над вами трибунал, но на вашу защиту, как и планировалось, выступили сами интриганы, а так как не было никаких задокументированных прямых доказательств, решили временно ограничиться негласным надзором. Но слух об участии в акции Антона Городецкого, усиленно раздуваемый Гесером и Завулоном, уже пронесся среди Иных, что и вызвало нападение оборотня, у которой в Праге погибла жена-инквизитор. Это было несколько неожиданно для нас, хотя в итоге подстегнуло ваших знакомых быстрее выполнить ваш заказ. Мы с Надей наблюдали за происходящим, очень

переживали, и Надя уже готова была перебросить оборотня куда-нибудь на третий-четвертый слой, но очень не хотелось раскрываться раньше времени, так что нам чрезвычайно повезло, что совершенно случайно во дворе оказался один из жителей вашего дома, который смог его уничтожить.

— Я думаю, что Иов тоже приготовился, так что защитников у меня было в достаточном количестве, — успокоил я Кешу.

— Дальше все не так интересно — просто образовалась пауза, которая устраивала всех. Хозяин Хозяев дожидался подхода основных сил, Дозоры готовились к обороне и искали Иова, в помощи которого отчаянно нуждались, а дядя Антон заканчивал свой проект. Когда до нас, наконец, дошло, в чем он заключается, вся мозаика вдруг сложилась в одно целое, я мы поняли, что готовится новое, абсолютное оружие против вампиров. Как же мог так просчитаться Сумрак, зачем он оставил вас в живых? Мы начал анализировать возможные причины и пришли к выводу, что Антон Городецкий, благодаря своему неожиданному возвышению, стал для Сумрака символом сопротивления его воле, врагом № 1 для него и его детей-вампиров. Во время Шестого Дозора Сумра-

ку мало было просто убить Городецкого, он желал его унизить, опустить до человеческого уровня, и только затем принести в жертву и на его крови начать победоносное восстание вампиров.

— А по замыслу Гесера и Завулона, папа должен был погибнуть либо в Париже, либо в Праге, либо от рук международного трибунала, либо уже здесь, в Москве. — снова взяла слово Надежда. — В случае победы магов его бы отпели, как напрасную случайную жертву, а в случае победы вампиров попросту забыли бы. Но мы вовремя успели завершить наши проекты и в очередной раз нарушили планы Сумрака.

— Жаль, что я его просто выгнала. Сейчас бы я этого подлеца просто четвертовала бы, и вряд ли вам удалось бы меня остановить, — я чувствовал, в каком напряжении пребывала сейчас Светлана, поэтому прижал ее к себе и попытался хоть немного успокоить:

— Тихо, тихо, моя девочка, еще не время показывать свою силу! ***Nulla salus bello, pacem te poscimus omnes*** — худой мир лучше доброй ссоры! Тьфу, черт, кто может мне объяснить, почему из меня лезут эти фразы на латыни?!

— Наверное, это из-за меня, — действительно немного успокоившись, сказала Света. — когда

ты сутками лежал в беспамятстве в своем лазарете, я подолгу сидела возле твоей кровати и читала вслух первые попавшиеся под руку книги, мне казалось, что ты меня слышишь и тебе становится легче.

— И что это были за книги?

— «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго в оригинале и сборник крылатых латинских фраз, — невинно ответила Света.

— Ну, теперь понятно, почему изо всех языков, которые я знал до Шестого Дозора, у меня остался только французский. — улыбнулся я. — Спасибо тебе, родная, за все. — я поцеловал ее в щеку.

— Самым драматическим должен был стать момент последней встречи папы с Мастером вампиров, — продолжила дальше Надя. — По моим расчетам получалось, что есть вероятность травмоопасного столкновения, после которого ты окажешься именно на третьем слое Сумрака и для подстраховки именно там я тебя и поджидала. Но, слава богу, все обошлось.

Снова образовалась небольшая пауза, во время которой каждый обдумывал что-то свое, а Кеша, рассказав, наконец, все, что накопилось у него за душой, облегченно поглощал оставшиеся бутерброды.

— Света, какой у нас сейчас год по восточному календарю? — спросил я после небольшой паузы.

— Зачем тебе? Год Собаки, кажется

— «Спрячет небо пятна мрака в год, когда придет собака, но стократною иглой возвратится крик иной. Как старуха пожилая, крылья черные, сгорая, превратятся в прах земной». Кеша, твое пророчество сбылось, все точь в точь, как ты и сказал.

— Я знаю, дядя Антон. — прожевав, спокойно ответил Иннокентий. — Я не понимал, как это произойдет, но уверен был, что это Пророчество сбудется, как всегда сбывались все Пророчества и до этого.

— Мама, папа, и теперь самое последнее, но не менее важное — это не я просчитала всю комбинацию, это Кеша. А я у него была лишь в роли подручной, — выпалила Надя и уже привычно спряталась за молодым человеком.

Признаюсь, эта новость потрясла не меньше, чем все остальное. Кеша?! Но как?! Ладно, он знал *это* Пророчество, но как он сумел просчитать все мельчайшие детали, все ходы Гесера, Завулона, Иова и Хозяина хозяев, в конце концов?! Те же вопросы, наверняка, были видны и на лице

у Светланы, поэтому член семьи Городецких Иннокентий Толков снова поднялся и коротко закончил весь наш сегодняшний вечер:

— Для того, чтобы читать будущее, не всегда нужно быть Пророком. Иногда достаточно хорошо уметь читать настоящее.

Эпилог.

Прибыв домой, Иов не стал задерживаться в саду, который к тому времени успел уже отцвести и зеленел яркой молодой листвой. С соседом Джо он тоже успеет повидаться позже, а сейчас ему предстояло сделать еще одно очень важное дело, которое стало смыслом его жизни последние лет двести. Ему следовало пополнить свою коллекцию.

Зайдя в дом, он спустился в подвал своего дома, который ничем не отличался от подвалов всех его соседей. Сюда легко могли проникнуть вездесущие мальчишки или заглянуть в поисках хозяина Джо. Здесь стояли стеллажи с инструментами и было немного пыльно, как и положено обычному деревенскому подвалу. Но никто не знал, что в дальнем углу находится хорошо замаскированная дверь в потайную комнату. Самая обыкновенная дверь, даже без намека на магию,

которую было бы очень тяжело отыскать и человеку, и Иному.

Но если бы кто-то все-таки нашел и открыл ее, то попал бы в прекрасно оборудованную мастерскую, в которой Иов долгими зимними вечерами занимался тем, что мастерил небольшие деревянные статуэтки, изображавшие причудливых зверей, не встречающихся на просторах Альберты, или людей с обезображенными ужасными гримасами лицами и искривленными фигурами. Допусти он сюда владельцев и распорядителей многочисленных галерей и аукционов, они бы предложили ему немалые суммы за каждую из этих фигурок. Но вы напрасно искали бы их в каталогах — деньги не интересовали Иова.

Немного поодаль стояли деревянные вазы. Разного размера и формы, все они были украшены великолепными орнаментами, и невозможно было найти даже двух одинаковых! Это были произведения искусства лучшего в мире скульптора, лучшего в мире художника и резчика по дереву. Но за всем этим многообразием угадывалась одна общая черта, которая в полной мере могла бы характеризовать их всех, и любой опытный искусствовед сказал бы вам, что видит в них оттенок трагичности и линии ухода из мира людей

в мир иной.

И они были бы правы, потому что это были погребальные урны.

Иов долго и скрупулезно выбирал подходящие друг другу фигурку и урну. Наконец, он остановился на статуе монстра с молодым человеческим лицом и семипалыми лапами чудовища. На лице монстра отображались поистине нечеловеческие муки, а лапы были частично погружены в деревянный шар с вырезанными на нем контурами земных континентов. И не понятно было, что это — то ли монстр держал Землю в своих лапах, то ли он навеки стал пленником нашей планеты.

— Скорее всего, подойдет именно эта, — неизвестно кому сказал Иов. Возможно, это просто привычка, выработанная за долгие годы жизни в одиночестве, а возможно, он желал, чтобы его слова были слышны и Сумраку, который незримо сопровождал его на протяжении всей его долгой жизни. — В отличие от многих своих предшественников, он прожил недолгую, но очень насыщенную жизнь, ему приходилось парить над Землей и опускаться в глубины небытия, а его последнее желание править миром так и не исполнилось. Да, это именно то, что мне нужно!

К погребальным вазам он был менее требо-

вателен и вскоре остановился на одной из них. Урна имела классическую форму — достаточно большая пятка, из которой как бы вырастала сама конусовидная емкость, две резные ручки вверху для удобства переноски, и обычная, но достаточно массивная резьбленная крышка сверху. Взяв в левую руку урну, а в правую статуэтку, он прижал их друг к другу и произнес короткое горловое заклинание на каком-то древнем языке. И монстр как будто ожил — он начал постепенно погружаться в тело амфоры, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь своими уродливыми лапами. Так он и застыл, наполовину погруженный в другое дерево, но по прежнему оставаясь наполовину снаружи. Его тело, и без того уродливое, приобрело еще более отталкивающий вид, но вновь созданная композиция полностью удовлетворила Великого Художника. Он удовлетворенно отставил в сторону видоизмененную вазу и из кучи заготовок достал обычную прямоугольную пластинку с тщательно отполированной одной стороной. Взяв необходимый резец, Иов старательно, не спеша, вывел на ней надпись на древнем языке, в котором Городецкий узнал бы древнеарамейский, а лингвист Григорий Сергеевич Копунов смог бы даже прочесть. «Константин

Саушкин», вот что гласила эта надпись. Ни даты рождения, ни даты смерти — по видимому Иов считал, что для проклятых вампиров и этого было вполне достаточно. Какое то время он потратил на то, чтобы найти место на вазе, где можно было бы разместить эту табличку. Он искал возможность видеть одновременно и монстра и надпись, сообщающую, кто это. А найдя такую точку, он повторил свое недавнее заклинание и она намертво срослась с вазой. Дело было сделано.

Откуда то из складок своей одежды Иов достал бутылку из-под Пепси-Колы, открыл крышку и потихоньку начал высыпать содержимое бутылки в вазу, произнося при этом какие-то ритуальные, а может быть, и охранные, заклинания. Процесс этот протекал медленно и долго, непонятно было, каким образом в обычную литровую пластиковую бутылку могло поместиться столько праха. Но Иов не спешил. Времени в его распоряжении было много. Бесконечно много.

Закончив заполнение урны, Иов накрыл ее крышкой, растопил на небольшой горелке какой-то материал, похожий на воск, и тщательно залил края крышки, следя, чтобы между ней и урной не осталось даже малейшей щели. А когда материал остыл и затвердел, тем же резцом вывел на нем

какие-то руны, и вряд ли Городецкий с дядей Гришей смогли бы их прочесть и расшифровать.

Удовлетворенный своей работой, Иов взял вазу за ручки, подошел к глухой стене своей мастерской и произнес заклинание на том же древнем гортанном языке. В стене открылся проход, и стали видны ступеньки, вырезанные на монолитном граните и ведущие куда-то очень глубоко вниз. Встав на самую верхнюю из них, Иов закрыл проход за своей спиной и перед ним тут же магическим светом осветился его дальнейший путь. Он начал медленно спускаться, бережно держа перед собой урну с прахом. Кое где ему приходилось произносить какие-то заклинания, чтобы пройти дальше, кое где ему неожиданно открывались боковые проходы, в которые ему следовало свернуть, а иногда стоило ему только ступить на одну определенную ступеньку, как она сама начинала нести его вперед по слегка освещенным катакомбам.

В конце путешествия подземным миром его ожидала небольшая, но по виду очень массивная дверь, вылитая лучшим в мире металлургом из неведомого пока для людей сплава. Вряд ли ее можно было разбить или взорвать, нынешнему человечеству еще не были известны подобные

методы. Не применяя больше никаких заклинаний, Иов поставил на пол вазу, прислонил к двери ладонь правой руки и просто отодвинул ее в сторону. И неприступная для любого дверь мягко скрылась в гранитной скале, не оставив после себя даже малейшего следа.

Место, столь бережно охраняемое от всех на Земле, было величайшей тайной Иова, смыслом его жизни, его Святилищем, в котором он сохранял память о своих великих победах, где он веками хранил останки тех, кто пал от его руки.

Это был его Колумбарий.